

ДЭНИС АЛЛЕН
Его сильные
руки

Дэнис Аллен

Его сильные руки

OCR Angelbooks

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151761

Arms Of A Stranger, 1995: АСТ; Москва; 2002

ISBN 5-17-014721-X

Оригинал: AllenDanice, "Arms of a Stranger"

Перевод:

О. Г. Качковский

Аннотация

Женихи буквально преследовали юную великосветскую красавицу Энни Уэстон. Однако, втайне мечтая стать женой настоящего мужчины, она не просто отвергла всех поклонников, но и бежала в далекий, опасный, магически-притягательный Новый Орлеан.

Туда, где любовь – по-прежнему высшая ценность жизни. Туда, где страсть – по-прежнему суть и смысл бытия. Туда, где неотразимый креол Люсьен Делакруа готов вновь и вновь покорять сердце Энни. **ПОКОРЯТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ...**

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	46
Глава 4	65
Глава 5	87
Глава 6	106
Глава 7	131
Глава 8	159
Глава 9	177
Глава 10	203
Глава 11	220
Глава 12	241
Глава 13	260
Глава 14	277
Глава 15	297
Глава 16	318
Глава 17	337
Глава 18	356
Глава 19	378
Глава 20	403
Глава 21	420
Глава 22	438
Эпилог	451

Дэнис Аллен

Его сильные руки

С теплой признательностью моей мачехе Симоне Аллен.

Спасибо за мой первый компьютер и за то, что у тебя хватило смелости приехать в Америку сорок лет назад.

Глава 1

Сентябрь 1841 года

– Разве это не рай, дядя Реджи?!

Энни облокотилась на поручень и залюбовалась береговым ландшафтом Миссисипи, в то время как пароход медленно покидал спокойные воды бухты Мобил. Сразу за мысом находился Билокси, а значит, к завтрашнему утру они должны высадиться в Новом Орлеане. Лучи заката окрасили леса на дальних островах в ярко-розовый цвет, их отражение в воде становилось розовато-лиловым с золотистым оттенком. Гигантское гребное колесо в успокаивающем ритме вспенивало воду, и воздух на палубе наполнялся прохладной влагой. Легкий ветерок играл светлыми прядями, выбившимися из-под шляпки Энни.

С тех пор как она, дядя Реджи, тетя Кэтрин и несколько

слуг отплыли из Дувра, прошло несколько недель, и после прибытия в нью-йоркскую гавань они продолжили путешествие, сменив три парохода. В Чарлстоне они поднялись на борт «Бельведера», комфортабельного трехпалубного речного судна. На его огромных дымовых трубах красовались изображения золотых корон. Пароход выглядел как роскошный плавучий отель, в котором постоянно меняется вид из окон.

– Должен признать, Энни, что издали на все это смотреть приятно, – нехотя подтвердил Реджи. – Однако меня пробивает дрожь от сознания того, какие дикие звери и рептилии обитают в этих лесах.

– Не будь таким робким, Реджи, – проворчала Кэтрин грудным, властным голосом. – В каждом раю должен быть свой змей.

Сопровождавшие Энни родственники застыли возле нее и выглядели как фигуры на искусно украшенных переплетах массивных фолиантов. При том что сама она была чуть выше среднего роста, ей приходилось запрокидывать голову, чтобы посмотреть им в глаза. В свои шестьдесят два Реджи был еще довольно стройным, энергичным и держался с достоинством. У него были седые, с металлическим отблеском волосы, усы, отвисшие, как у моржа, и крупный нос, на котором несколько странно смотрелись маленькие круглые очки. Он приходился родным братом отцу Энни, оставался холостяком и всю свою жизнь прожил с их семьей в Уэстон-Хол-

ле в Суррее. Она и четверо старших сестер души не чаяли в старом суетливом дядюшке, и он, со своей стороны, с живейшим интересом принимал участие в их делах.

Кэтрин, в своей скромной шляпке, казалась ничуть не ниже Реджи. Несмотря на некоторую угловатость, скрашиваемую пышной грудью, ее можно было бы назвать привлекательной. Высокий лоб, пронзительный взгляд серых глаз, заостренные черты лица придавали ей определенный шарм. Она всегда держалась подчеркнуто прямо и обычно сжимала в левой руке трость из вишневого дерева, но не потому, что в ней действительно нуждалась, а скорее для того, чтобы произвести устрашающее впечатление на окружающих.

Кэтрин, сестра матери Энни, считалась в семье особой эксцентричной. Она пережила трех мужей-американцев, с последним из них, банкиром из Нового Орлеана Сэмюэлом Гриммсом, познакомилась в Африке во время сафари. Кэтрин одевалась строго и просто, но весьма элегантно, считая перья и ленты для шляп неподходящим украшением для женщины, возраст которой склоняется к пятидесяти.

Она получила прекрасное образование, обладала природным умом и была крайне самоуверенна. Кэтрин и Реджи не ладили с момента отплытия из Англии, а по большому счету с тех пор, как впервые встретились. Раз в несколько лет Кэтрин приезжала из Америки, чтобы повидаться с английскими родственниками, и всякий раз, когда они с Реджи были вынуждены проводить время вместе, их взаимная непри-

язнь вспыхивала с новой силой.

– И еще, полагаю, в каждом раю должна быть своя Ева с острым язычком, искушающая Адама съесть запретный плод, – ответил Реджи, раздраженно дернув себя за ус.

– Простофиля! – Кэтрин стукнула тростью по надраенной до блеска палубе. – Ева делала только то, что было необходимо! Она не могла всю жизнь мириться с равнодушием человека, вечно слезливого и не задающего вопросов! Адам и Ева никогда не заселили бы землю потомками, если бы не заметили наконец, что наги, как сойки, и не осуществили бы... – она неопределенно махнула тростью, – акта зачатия! Ева открыла Адаму глаза, заставила взглянуть на реальный мир, Реджинальд, что и я теперь делаю для Энни.

– А я был воспитан с представлением о том, что женщина должна быть защищена от «реального мира»! – заявил Реджи, снова дернув себя за кончик уса.

– Я знаю, что ты считаешь меня Евой из этого самого Эдема, – продолжала Кэтрин, пропустив мимо ушей реплику Реджи. – И полагаешь, что я забираю Энни из райского сада в Вавилон. Но, Боже мой, Реджинальд, ей уже двадцать три! Она давно не ребенок!

– Спасибо, тетя, – натянуто пробормотала Энни.

– Ей довелось уже повидать кое-что и за пределами Уэстон-Холла, когда во время лондонского сезона вокруг нее крутились молодые щеголи, считавшие себя мужчинами, вся мужественность которых проявлялась в умении кривляться

и позировать перед зеркалом. Клянусь, я не понимаю, как она выносила все это в течение целых пяти лет.

Энни заметила, как Реджи напрягся. Он считал частые нападки Кэтрин на британских мужчин в высшей степени непатриотичными.

– Прошу тебя, тетя Кэтрин, – взмолилась Энни. – Ты же знаешь, что Реджи не любит, когда ты злословишь по поводу сильной половины наших соотечественников.

– Черт побери, это достойные мужчины! – вмешался Реджи. – Храбрецы до мозга костей. Щеголи не в состоянии уничтожить такое чудовище, как Наполеон, знаете ли.

– Энни сама нелестно отозвалась о них, и не спорь, племянница! Она сказала, что хочет поехать в страну, где мужчины похожи на мужчин, а не на подхалимов, проживающих отцовские деньги или состояния своих жен. На мужчин, у которых есть цель в жизни и занятие поважнее, чем держать пари, волочиться за женщинами, распускать сплетни и танцевать до упаду.

Реджи бросил на племянницу косой взгляд из-под нависших бровей, и Энни пришлось объяснить:

– Я не хочу сказать, что все английские мужчины сделаны из мишуры, дядя, но те, с кем я познакомилась во время сезона, были крайне легкомысленными. Казалось, их больше занимал покррой сюртука, чем какие-либо мужественные мысли.

– Ты не можешь обвинять молодого человека в том, что

он хочет предстать перед тобой во всей красе, племянница. Готов поклясться, что ты первая отвергнешь того, кому безразлично, как он выглядит. Тебе просто не захочется показаться на людях с таким типом!

– Речь не об аккуратности и необходимости за собой следить, – серьезно возразила Энни. – Этого следует требовать и от мужчин, и от женщин. Но по-моему, между тем, сколько в костюме мужчины оборок, тесьмы и кармашков для часов, и тем, сколько серьезных, оригинальных мыслей приходит в голову, существует прямая связь. Чем больше мишуры в костюме мужчины, тем менее содержательна его личность. Исходя из собственного опыта могу сказать, что эта теория имела неоднократное подтверждение.

– В таком случае странно, что ты решила искать мужа в Новом Орлеане, – не унимался Реджи. – Насколько мне известно, мужчины-креолы до безумия любят заключать пари, волочиться за дамами, сплетничать и танцевать.

– Она решила искать мужа в Новом Орлеане, потому что я здесь живу и других родственников в Америке у нее нет, – сказала Кэтрин, глядя на Реджи как на полного дурака. – Ее причины очевидны и резонны. Где еще искать мужа, как не в Новом Орлеане? Я готова признать, что и среди креолов встречаются поверхностные типы, с которыми Энни придется иногда встречаться и проводить время, но в городе полным-полно и настоящих мужчин. Уж мне ли не знать... я сама нашла троих. Лучшее, что я сделала в жизни, – это то,

что уехала из Англии.

Если у Реджи и было желание саркастически возразить на последнее ее замечание, то он разумно подавил его и молча смотрел прямо перед собой, строго поджав губы. Энни была признательна ему за это. По собственному опыту она знала, что споры между двумя ее родственниками могут длиться часами.

– Дядя, – она обняла Реджи за плечи и склонилась к нему, – знаешь, о чем я подумала в связи с библейской темой? Ты – мой ангел-хранитель, посланный на землю, чтобы уберечь от грехов и змей, которыми кишит Луизиана.

– В этом есть большая доля истины, – смягчившись, ответил он. – Твои родители никогда не решились бы отпустить тебя, если бы мы не поехали с тобой.

Кэтрин, которая всегда держала ухо востро, тут же вмешалась:

– Энни не нужно было разрешение родителей на эту поездку. Она взрослая женщина, которая сама распоряжается своими деньгами, точнее, состоянием. Опекун ей ни к чему, когда у нее есть я.

Реджи тяжело вздохнул, стараясь мужественно проигнорировать очередной выпад Кэтрин.

– Я счастлив, что могу быть полезен тебе, Энни, – обратился он к племяннице. – И всегда готов таким образом подтвердить свою признательность и уважение к твоим родителям. Видимо, этот год будет самым длинным в моей жизни.

Ты говоришь – рай? Нет уж, скорее, ад.

– Не говори так. – Она ободряюще сжала его руку. – Здесь очень красиво, интересно, столько нового. И жизнь совсем не такая, к какой мы привыкли.

– Вот именно! – буркнул Реджи.

– Все будет хорошо, дядя. Просто мы слишком долго были вместе во время этого длинного путешествия. После приезда на место вам с тетей Кэтрин не придется общаться так подолгу. – Энни почувствовала, что напряжение в его руке несколько ослабело. – Хотя мне действительно не нужно было родительского разрешения на то, чтобы отправиться в Америку, и я вполне могла бы отказаться от твоей опеки. То, что ты поехал со мной, поможет отцу и маме легче перенести разлуку и не так уж сильно беспокоиться обо мне. Я очень благодарна тебе за это.

Реджи перестал хмуриться. Уже в который раз за прошедшую неделю Энни удалось привести в порядок его расстроенные нервы. Впрочем, это не мешало ей мысленно добавить про себя: «Твое присутствие возле меня действительно успокоит родителей, но я все же намерена поступать так, как хочу».

В надежде, что передышка в перепалке Реджи и Кэтрин продлится подольше, Энни снова обратила внимание на прибрежный ландшафт:

– Посмотри на эти прекрасные деревья, дядя Реджи. Капитан называл мне некоторые из них. Вон сикамор, а это

орех пекан, а те, что в цвету...

– Магнолия, – подсказала Кэтрин.

– А испанский мох очень похож на длинную седую бороду старика, правда? А вон те лианы – это...

– Дикая жимолость. Она и придает воздуху такой сладковатый аромат, – сказал Реджи.

– Мне нравится жимолость! – с воодушевлением заявила Энни, чем заслужила искреннюю улыбку дяди.

Убедившись, что к нему вернулось хорошее настроение, она взглянула на тетю с укором, словно хотела сказать: «Почему я должна прилагать столько усилий для того, чтобы поддерживать мир?» Кэтрин лишь пожала плечами и сложила руки на золотом набалдашнике своей трости.

По мере приближения к гавани Билокси движение судов становилось оживленнее. «Бельведер» должен был пополнить там запас дров, чтобы их хватило до Нового Орлеана.

Энни не терпелось дожидаться утра и конца путешествия. Хотя она успела привыкнуть к жизни на пароходе, которая давалась ей легко, как прирожденному мореходу, повседневное однообразие стало навевать на нее скуку. Но вот в поле зрения появился причал, и из паровозных труб вырвались последние столбы дыма. От волнения Энни почувствовала во всем теле легкую дрожь. Каждый заход в порт вызывал в ней такое ощущение. Она безо всякой причины улыбнулась – просто от полноты жизни. Никогда прежде она не была так счастлива.

Люсьен Делакруа лениво наблюдал из-под полуопущенных ресниц за тем, как «Бельведер» полз вдоль пристани. Весь вид Люсьена выражал полнейшую скуку, хотя на самом деле он был обременен массой дел. Цель его приезда в Билокси – купить новую упряжку для своего городского экипажа. Но, совершенно случайно узнав, что Шарль Боден перевозит на пароходе семью рабов, которую накануне приобрел на аукционе, Люсьен сразу изменил планы: отослал экипаж домой и взял билет на «Бельведер», чтобы вернуться в Новый Орлеан. Если бы его попросили назвать истинную причину такого поступка, ему пришлось бы признаться, что это он сделал потому, что был страстным поклонником *rotprano en creme*, фирменного блюда повара «Бельведера». И никто не усомнился бы в том, что для известного гурмана и любителя наслаждений Люсьена Делакруа такая причина вполне основательна.

Да, вон и они. Боковым зрением Люсьен увидел Бодена и двух его рабов, пользующихся особым доверием хозяина, которые вели по причалу группу негров. Люсьен не смотрел прямо на них, тем более что от него этого никто и не ждал – странно было бы проявлять повышенный интерес к плантатору и его новой покупке. Однако относительно этого конкретного плантатора у Люсьена были свои планы – он не дол-

жен был позволить ему добраться домой со своим приобретением. И Ренар, он же Лис, позаботится об этом.

Люсьен сосредоточил все внимание на пароходе, приняв, насколько возможно в таких обстоятельствах, непринужденную позу. Он невольно напрягался каждый раз, когда оказывался поблизости от Бодена. Шарль Боден был близким другом его отца, но Люсьен его ненавидел. Еще мальчишкой Люсьен на собственном опыте убедился, насколько жестоким и безнравственным был этот человек.

В большинстве своем соседи равнодушно относились к тому, как бесчеловечно Боден обращается со своими рабами, но Люсьен по своим конфиденциальным источникам узнавал обо всех совершенных им убийствах и изнасилованиях. И эти многочисленные истории лишь распаляли в его душе ненависть, которую он испытывал к Ббдену с детства. Поэтому Люсьен готов был пойти на что угодно, чтобы вырвать из грязных лап Бодена новую семью рабов. Терять этим рабам было нечего, а приобрести они могли многое. Риск, связанный с побегом, не шел ни в какое сравнение с теми ужасами, которыми грозила им жизнь в поместье Бель-Флер.

Взгляд Люсьена равнодушно скользил по немногочисленным пассажирам, стоявшим на палубе. И вдруг глаза его удивленно расширились, а во взгляде появилось любопытство. Под конвоем двух пожилых людей – неизвестного ему мужчины и Кэтрин Гриммс, которая возвращалась из Англии от своей сестры, на палубе стояла очень интересная мо-

лодая женщина.

Люсьена, привыкшего к восковой, цвета магнолии, бледности креолок и разным оттенкам коричневого в лицах негритянок, поразили золотисто-медовые волосы и светлая кожа изящной незнакомки, на которой была соломенная шляпка с желтыми лентами. Видимо, она игнорировала предостережения старших и подолгу находилась на солнце. Поэтому ее щеки хоть и не загорели, но по цвету напоминали чуть тронутый солнцем персик, а волосы, светлые и блестящие, как английский соверен, обрамляли лицо и, вероятно, на затылке были стянуты узлом.

Она была в шелковом дорожном платье соломенного цвета, приталенном, с юбкой куполом, небольшим вырезом, кружевным воротничком и длинными узкими рукавами. Талия казалась такой тонкой, что Люсьен невольно задумался о том, в какой мере ей приходится прибегать к помощи корсета, чтобы добиться такого результата.

Ее одежда была модной и современной, но не без налета некоторого консерватизма. Очевидно, не разделяя философию современных англичанок, считающих, что тихая, анемичная беспомощность – это то, что больше всего привлекает мужчин, она просто сияла, глядя по сторонам и не скрывая своего восторга. В каждом ее жесте, движении чувствовались страсть и энергия. Вид этой пассажирки взволновал Люсьена. Она чем-то напоминала фейерверк в ожидании искры. Счастлив будет тот мужчина, который сможет эту искру

высечь и насладиться прекрасным взрывом.

К сожалению, поскольку молодая леди была, очевидно, гостьей Кэтрин, а он не осмеливался открыто проявлять свою дружбу с такой отчаянной реформисткой, как Кэтрин Гриммс, у него вряд ли будет возможность пообщаться с незнакомкой, помимо кратких встреч в обществе. А он с большим удовольствием познакомился бы с этой женщиной поближе возле уютного камелька в гостиной Кэтрин. Интимная беседа могла бы послужить поводом для флирта или дружбы. Однако дружба предполагает необходимость делиться мыслями и тайнами, а для Люсьена это было невозможно. Ему слишком многое приходилось скрывать. Если бы он открыл кому-нибудь свои истинные мысли и чувства, то подверг бы опасности и свою, и чужие жизни.

Впервые в жизни Люсьен пожалел о том, что не имеет возможности хотя бы стать другом этой привлекательной женщины. Впрочем, он понимал, что незнакомка, очаровавшая его, даже не перемолвившись с ним словом, вполне может оказаться такой же духовно бедной и интеллектуально пресной, как большинство знакомых ему незамужних девиц.

Люсьен решил, что, как только окажется на борту парохода, постарается познакомиться с ней через Кэтрин и выяснить, достойна ли она его внимания. Ему, как всегда, придется играть свою привычную роль – повесы, светского щеголя, которого за глаза называют Денди Делакура. Любопытно, какой девушке под силу пробудить интерес к себе в та-

ком негодяе, как он?

* * *

Энни всегда старалась быть на палубе, когда пароход медленно подходил к причалу. Ей нравилось наблюдать за суетой в порту, ящики и корзины сгружали с телег на землю, а потом тачками переправляли по узким сходням на суда; пассажиров встречали и провожали родственники; бродячие музыканты играли для публики в надежде, что какой-нибудь щедрый меломан бросит им монету.

Но иногда то, что она видела повсеместно – и на пароходе, и на причалах, – омрачало ее радость и внушало беспокойство. Это прежде всего рабы. Конечно, она знала, что рабство существует. Ей рассказывала об этом гувернантка мисс Бишоп на уроках географии и истории. Подобно большинству людей, которые непосредственно не сталкивались с рабством, она еще тогда сочла это явление аморальным и перестала им интересоваться. Но одно дело – знание теоретическое, а другое – его практическое подтверждение, которое проходит перед глазами.

Однако чаще всего рабы производили впечатление вполне счастливых людей. Они дружно пели за работой и ходили без наручников и кандалов, но Энни не могла забыть припев песни, которую слышала на причале в Чарлстоне, когда «Бельведер» покидал порт:

Ночь темна, долог день,
А дом наш очень далек.
Плачь, брат мой, плачь.

Они повторяли эти слова снова и снова, пока Энни не почувствовала, что готова расплакаться. Теперь она увидела на пристани группу рабов, связанных друг с другом веревкой за шею. Похоже, это была одна семья: высокий мужчина и женщина, оба невероятно худые, три мальчика-подростка и девочка, совсем еще ребенок, с маленькими грудками, едва проступающими под тонкой рваной рубахой.

Девочка была хорошенькая и, несмотря на всклокоченные волосы и потрепанную одежду, привлекала плотоядные взгляды мужчин, прогуливающих по пристани. Девочка пугалась такого внимания и сутулилась, опустив глаза. Энни так рассердило это зрелище, что она прикусила до крови губы и почувствовала во рту ее солоноватый привкус.

– Неслыханно! – возмутилась Кэтрин, с силой ударяя тростью в пол. – Наверняка они из разорившегося поместья, а не то были бы одеты получше.

– Это семья? – обернулась к ней Энни.

– Похоже, да.

– По крайней мере они останутся вместе. – Энни ухватила за такое предположение как повод для оптимизма. – Должно быть, это ужасно, когда человека разлучают с его семьей, не оставляя надежды на встречу.

– Боден предпочитает не разделять семьи, хотя руководствуется отнюдь не гуманистическими принципами. Покупать рабов семьями дороже, но зато они реже убегают. А поскольку поиск сбежавшего раба тоже стоит денег, он считает такие сделки более выгодными.

Энни вгляделась в белого человека, который сидел на скамейке около рабов. На вид ему было лет сорок, высокий, крупный лысеющий господин, одетый в черный вечерний костюм и ослепительно белый жилет.

– Ты знаешь его, тетя Кэтрин?

– К несчастью, да, – хмыкнула та. – Так что мне придется раскланяться с ним, когда он поднимется на борт. Мистер Гриммс пару раз имел дело с Боденом – это редчайший случай, когда креол пересекает Кэнэл-стрит, чтобы положить деньги в банк американца. Мистер Гриммс не мог отказаться от такой операции, желая расшевелить других деловых людей и побудить их вкладывать деньги в американскую банковскую систему. Мистер Гриммс, как и я, питал отвращение к социальной сегрегации, которой привержены многие узкомыслящие креолы и американцы. Однако Боден не из тех креолов, с которыми я захотела бы иметь какие-либо отношения, деловые или личные. Он... – Кэтрин прищурилась, – он не очень хороший человек.

– Мне тоже не нравится, как он выглядит, Энни, – вмешался Реджи, хмуро разглядывая Бодена. – Держись от него подальше.

– Хорошо, я так и сделаю, – с готовностью кивнула Энни.

Кэтрин отошла на несколько шагов, очевидно, чтобы поздороваться с кем-то из знакомых, только что поднявшихся на борт, а Реджи добавил взволнованно:

– Я хочу, чтобы ты общалась с лучшими представителями новоорлеанского общества, а не с оппортунистически настроенным сбродом, с которым тебя, возможно, захочет познакомиться твоя тетя!

– Дядя Реджи, ты же знаешь, что тетя сама достаточно состоятельна, – с улыбкой покачала головой Энни. – С чего ты взял, что она знает ся со всяким сбродом?

– У твоей тетки было более чем скромное приданое, – едва шевеля губами, как конспиратор, вымолвил он. – Ее нынешнее состояние велико потому, что она сначала добивалась для себя приличной доли в завещании каждого из своих мужей... – он искоса через плечо бросил взгляд на Кэтрин, – а потом сводила их в могилу!

– Как ты можешь быть настолько несправедлив к ней! – рассмеялась Энни. – Каждый из ее мужей добивался успеха в жизни своими собственными силами. Она помогала им стать богатыми и, значит, заслуживает своих денег. Я считаю тетю образцом для подражания. По-моему, очень романтично помочь любимому мужчине найти свое место в жизни, а не просто материально поддерживать его своим приданым, чтобы он мог целыми днями торчать в «Уайте» и «Будлс»!

– В борьбе с нищетой нет ничего романтического, – упря-

мо возразил Реджи. – Это чертовски скучно и обременительно. А что касается Кэтрин, то я вижу более достойные примеры для подражания. Она не настоящая леди! У нее такой резкий голос, который напоминает скорее крик дикобраза, свалившегося в куст шиповника! А эта ужасная трость, которой она постоянно тычет в лицо людям...

– Что такое? Я слышу, что меня поминают, и вряд ли с добрыми намерениями, не так ли? – Кэтрин постучала тростью о пол у них за спиной. Энни и Реджи одновременно, как по команде, обернулись. – Позвольте представить вам мистера Люсьена Делакруа. Моя племянница, distinguished мисс Энни Уэстон. А этот джентльмен... – она взмахнула набалдашником трости перед самым носом Реджи, – ее дядя с отцовской стороны. Никакого кровного родства со мной, как вы понимаете. Мистер Уэстон, мистер Делакруа.

Прежде чем Энни успела как следует рассмотреть мужчину, он низко поклонился и, взяв ее за руку, прикоснулся губами к кончикам пальцев. Она молча глянула на его черные волнистые очень густые волосы.

Джентльмен бросил на нее лукавый взгляд из-под таких же, как и волосы, черных и густых ресниц, чем вывел Энни из задумчивости и смутил ее. Они едва успели познакомиться, а он уже начинает флиртовать! Энни наблюдала, как он выпрямился и пожал руку Реджи, пробормотав что-то подобающее случаю. Никогда прежде она не видела такого божественно красивого мужчины.

Мистер Делакура был довольно высок и одет в великолепно сшитый черный сюртук и узкие брюки, которые выгодно подчеркивали его высокую, атлетически сложенную фигуру. На шее и запястьях виднелось ровно столько белоснежных кружев, сколько было достаточно для того, чтобы придать облику налет континентального изящества, весьма популярного среди креолов. Он носил намного меньше колец и драгоценностей, чем типичный английский джентльмен: по два массивных кольца на каждой руке и несколько золотых цепочек на жилете. Молодой человек выглядел несколько вызывающе, но не был лишен вкуса. Несколько броский костюм не умалял его мужественности, некоторое количество кружев и золотого сияния подчеркивало его очарование.

Энергичный джентльмен снова обратил внимание на Энни и, приподняв черные как смоль брови, надменно разглядывал ее. Оказалось, что глаза у него миндалевидные и по цвету напоминают горячий шоколад, а губы полные, но в то же время четко очерченные. В этот момент в уголках губ у него заиграла лукавая улыбка.

Эта улыбка и оценивающий взгляд из-под полуопущенных ресниц убедили Энни в том, что перед ней человек высокомерный и тщеславный. Похоже, ее теория относительно денди обещала подтвердиться еще раз. Энни украдкой бросила смущенный недоверчивый взгляд на Реджи. Его глаза и чопорная фигура как бы давали понять: «Ну, что я тебе говорил!»

Глава 2

– Mon Dieu!¹ Неужели эта очаровательная женщина – ваша племянница, мадам?

Голос у Делакруа оказался низким, а легкий французский акцент придавал его речи определенный шарм. Манера же произносить слова с подчеркнутой медлительностью Энни не понравилась, потому что напонила лондонских кавалеров.

– Именно так, – сдержанно подтвердила Кэтрин.

– Я не улавливаю ни малейшего сходства, – сказал он, изображая удивление, причем лукавая ухмылка стала еще откровеннее. – Неужели вы родственники?

– Если вы пытаетесь сказать комплимент девушке, Делакруа, постарайтесь не оскорблять им же меня, будьте любезны! – Кэтрин сердито стукнула тростью о пол.

– Мадам, как вы могли подумать, что я намерен оскорбить вас? – хмыкнув, заявил он притворно обиженным тоном. – Просто вы с племянницей совершенно разные. Она тонка и изысканна, как экзотический цветок, а вы... – он склонил голову набок, якобы пристально изучая Кэтрин, – вы стройны и тверды, как эlegantный кипарис. Вы обе прекрасны, но по-разному.

¹ Мой Бог! (фр.)

В ответ Кэтрин лишь снова стукнула тростью о пол, как будто целясь в мысок лакированного ботинка Делакура. Он на всякий случай отодвинулся от Кэтрин, чтобы избежать травмы и вплотную заняться Энни.

– Простите меня за дерзость, мисс Уэстон, но на кого из своих счастливых родственников вы похожи?

– Я не извиню вас за дерзость, мистер Делакура, – сухо отозвалась Энни. – Прощение возможно лишь тогда, когда раскаяние искренно. А вы неискренни. Вам доставляет удовольствие быть дерзким.

Неподдельное удивление, отразившееся на лице Делакура, было достойной наградой Реджи, который не жалел сил на пространные лекции о хороших манерах. Делакура быстро собрался с мыслями и шутиливо погрозил ей пальцем:

– А! Я вижу, что не только мне доставляет удовольствие быть дерзким.

– Я чем-то обидела вас, сэр? Надеюсь, что нет, – небрежно отозвалась Энни. – Мне бы хотелось оставить о себе хорошее впечатление здесь, в Америке.

– Мадемуазель, вы просто очаровательны, – с галантным поклоном заверил ее Делакура. – Вам уже удалось оставить прекрасное первое впечатление. По крайней мере у меня. – Он распрямил плечи и провел кончиками длинных пальцев по жилету, привлекая ее внимание к своей широкой груди. После чего, понизив голос и придав ему обольстительный тон, продолжал: – Вы знаете, как сильно бьется мое сердце?

Энни прямо посмотрела ему в глаза, блеск которых, без сомнения, неотразимо действовал на женщин. Она чувствовала, что от смущения ее лицо начинает заливать румянец, вызванный реакцией на щедрые и, вероятнее всего, искренние комплименты. Ей удалось взять себя в руки и ответить, с достоинством приподняв подбородок:

– Что ж, если я одновременно могу быть дерзкой и очаровательной, то лучше я останусь дерзкой. Таким образом легче удовлетворять любопытство, не так ли? Скажите, мистер Делакура, а на кого похожи вы?

– Люди говорят, что я копия своего отца, – охотно ответил он. – В молодости он слыл большим проказником, но теперь, к несчастью, позволил себе отойти от модных веяний. – Люсьен сделал паузу, чтобы поправить кружевной манжет, зацепившийся за одну из многочисленных цепочек для часов. – Он много работает и редко развлекается. А в остальном мы, как говорят американцы, сделаны из одного теста. – Делакура снисходительно усмехнулся. – У американцев столько оригинальных выражений!

– Я ничего не знаю об этом. – Энни выводило из себя то превосходство, с которым держался Делакура, но она заставила себя сохранить улыбку на лице. – Я знаю многих американцев и восхищаюсь ими. Они очень открытые и искренние, предприимчивые и трудолюбивые.

Делакура едва заметно поежился и поднял руку в знак того, что готов уступить. Насмешливо-извиняющаяся улыбка

коснулась уголков его губ.

– Умоляю вас, остановитесь, мадемуазель Уэстон. Вы вынуждаете такого лентяя, как я, сгорать со стыда. Должен признать, что американцы очень уж деятельны. Один лишь разговор с ними для меня подчас утомителен.

– Я знаю, что в Новом Орлеане существует строгое разграничение креольской культуры и того, что называют культурой американской. Но ведь вы все американцы, не так ли, мистер Делакруа? Ведь вы лично воспринимаете себя в равной степени креолом и американцем?

Делакруа стряхнул с рукава муху изящным взмахом руки и ответил с нарочитой медлительностью:

– Вовсе нет, мадемуазель. Но стоит ли обсуждать такую малоинтересную тему? В конце концов, никто из нас двоих американцем не является. Значит, нас это не касается, – улыбнулся он и снова поцеловал ей руку. – Я никогда не встречал американку, которая была бы хотя бы приблизительно так красива, как вы, мадемуазель. Ваши волосы так восхитительно сияют на солнце!

Энни поспешно отняла руку, испугавшись легкой дрожи, которая пробежала по ее пальцам от этого поцелуя. Неужели этот человек ни минуты не может оставаться серьезным? Нет, она все же заставит его говорить о серьезных вещах.

– Скажите, мистер Делакруа, а чем вы занимаетесь?

– О, я очень занятой человек, – усмехнулся он. – Как раз сейчас мои услуги пользуются большим спросом.

Энни кашлянула, будучи не в силах поверить, что он отважится на такие откровенные намеки при всех.

– Э-э... ваши услуги? Какие именно?

– Разные, *ma petite*.² – Он широко улыбнулся, радуясь, что смутил ее. – Для того чтобы прояснить некоторые вещи, должен заметить, что я являюсь наследником плантации сахарного тростника Бокаж, что в окрестностях Нового Орлеана.

– Так, значит, вы...

– Не делаю ничего. – Он беспечно пожал плечами. – А чем там заниматься?

Энни узнала в Люсьене Делакруа такого же бездельника, проживающего наследство, ничего не желающего, ничем серьезным не интересующегося, с какими сотни раз сталкивалась в Лондоне.

– Вы считаете, что управление плантацией не требует труда?

– Разумеется, я так не считаю. Мой отец трудится на ней с утра до ночи.

И даже это было преувеличением. Энни понимала, что у его отца сотни рабов, которые и выполняют всю работу в поместье.

Делакруа пристально смотрел на нее, словно хотел угадать ее мысли. Для такого поверхностного человека желание странное, но следующая его фраза поразила Энни своей проницательностью:

² моя маленькая (фр.).

– Ага, теперь я нашел сходство между вами и вашей тетей! Оно сразу и не заметно. В вашей груди тоже бьется нежное сердце аболиционистки. Вы считаете, что владельцы плантаций занимаются только тем, что эксплуатируют рабов? Вы этого не одобряете? – Он не сводил с нее улыбающихся глаз.

Он предполагал в ней достаточную самонадеянность, чтобы, будучи иностранкой, ни разу не ступавшей на эту землю, осудить здешний образ жизни. Однако Энни повидала достаточно, чтобы иметь право на свое мнение, и не нуждалась ни в чем снисхождении. И все же она воздержалась от ответа.

– Вам не нравится пустая болтовня, мадемуазель? – осведомился Делакура саркастически. – Вы отказываетесь поддерживать беседу, если вам не удастся сразу же проникнуть в самую суть вещей. – Он ослепительно улыбнулся, и Энни почувствовала, как участился у нее пульс. Она постаралась внушить себе, что он просто обаятельный пустомеля, и сердце стало биться ровнее.

– Она похожа на меня, Делакура, – гордо заявила Кэтрин. – Никакой сладкоречивости!

– Понятно, – сардонически кивнул он. – Это, конечно, оборожительно. Хотя я предпочитаю просто поболтать. Только ради того, чтобы закрыть эту не очень удачную тему для беседы, хочу заметить, мадемуазель Уэстон, что мои фамильные корни восходят к первым французским поселенцам, которые появились здесь задолго до испанцев и амери-

канцев. Делакруа – почтенная католическая креольская семья, а наше поместье Бокаж – одно из крупнейших в стране. Как вы считаете, могу ли я при этом придерживаться других взглядов, чем те, которые только что выразил?

– Вы правы, – уверенно отозвалась Энни. – Мне не следовало рассчитывать ни на что другое. Если вы искренне относитесь к этой проблеме иначе, чем я, это ваше дело.

– Я надеюсь, что мы найдем множество других точек соприкосновения, мадемуазель, – сказал Делакруа.

Энни пожала плечами, выражая неуверенность. Судя по тому, что в ответ на этот жест в его взгляде промелькнула заинтересованность, он, видимо, расценил равнодушие собеседницы как призыв к действию. Значит, он снова примется надоедать ей комплиментами и флиртовать, чем вызовет лишь раздражение и отвращение. Ну почему ей так не везет? Почему первый красивый мужчина, которого она встретила в Америке, должен был оказаться точно таким же, как те, от которых она бежала из Англии?

– Однако я заболтался с вами, – сказал он вдруг, опустив руку в беспомощном жесте. Руки у него были красивые – сильные, мускулистые, деятельные, – они странно не подходили этому, казалось бы, никчемному человеку. – Прошу прощения, но на борт поднялся человек, с которым мне необходимо поговорить. – Он быстро оглянулся и снова обратился к Энни: – Позвольте на прощание один совет, мадемуазель. – Не обращая внимания на неодобрительный взгляд

Реджи, Люсьен склонился к самому ее уху, и его дыхание опалило ей щеку. – У вас губы как у ангела. Нежные, как облака, влажные, как утренняя роса. Не стоит сжимать их так плотно, как старая дева – колени. Они созданы не для презрительной усмешки, а для поцелуев.

Энни охватила волна противоречивых чувств. Она была возмущена его нахальным флиртом – да еще в присутствии ее родственников! – и в то же время очарована поэтическим описанием ее губ. Она едва не прикоснулась к ним рукой, чтобы убедиться в том, что они действительно так нежны, как говорит Делакура.

Он же обратился к остальным гораздо менее доверительным тоном:

– Счастлив был повидаться с вами, мадам Гриммс. Рад знакомству, месье Уэстон. Надеюсь, что мы скоро снова встретимся. – Он галантно раскланялся и направился поприветствовать нового пассажира – мистера Бодена.

– Следовало ожидать, что он дружен с таким человеком, – неодобрительно заметила Энни. Боден и Делакура болтали и смеялись, как два давних приятеля, которые долго не виделись. Отвратительно было наблюдать такую непринужденную дружескую встречу на фоне изможденных, осунувшихся лиц рабов. Их вели на нижнюю палубу.

Боден махнул рукой в сторону черной девочки и подмигнул Делакура с недвусмысленным выражением. Энни поняла, что Боден потащит девочку в постель этой же ночью, и

ощутила желчный привкус во рту. Такие мужчины, как Боден, вызывали у нее тошнотворное чувство. Как бы ей хотелось найти способ избавить бедную девочку от жестокой судьбы!

Кэтрин разговорилась с другими знакомыми, и Энни стала пробираться через толпу к противоположному борту парохода, чтобы взглянуть на последние лучи заходящего солнца, которое садилось за дальним островом. За спиной она услышала шаги Реджи, а потом почувствовала, как он, задев ее локтем, рядом облокотился на поручень.

– Дядя Реджи, пожалуйста, не повторяй: «Я же говорил»! – взмолилась Энни. – Очевидно, не все американские мужчины таковы, как этот. В Америке тоже существует проблема снобизма, как и в Англии. И креолы, и американцы считают себя лучше других.

– Да, это правда, – вздохнул Реджи и после паузы добавил: – Странно, что я упоминаю об этом... но действительно не стоит судить обо всех американцах по Делакруа и Бодену.

– Надеюсь, это так, – мрачно улыбнулась Энни. – Какой самодовольный и равнодушный ко всему этот Делакруа! Он ощущает себя самодостаточным и думает, что развлечь женщину можно просто расточая ей улыбки и болтая без умолку. А я не настолько пустоголова, чтобы меня можно было охмурить несколькими милыми словечками.

– Еще бы! – хмыкнул Реджи.

– Вот только эти рабы... – Улыбка исчезла с лица Эн-

ни. — Я не предполагала, что подобная тема так заденет меня. Ведь рабство несправедливо, дядя Реджи! Поразительно, что многие люди, как Воден и Делакура, считают его нормой.

— Я понимаю тебя, дорогая. — Реджи убрал со лба племянницы выбившийся локон. — Но с этим ничего не поделаешь. А теперь поцелуй своего старого дядюшку, и давай подумаем о вещах более приятных, хорошо?

Энни поцеловала Реджи и постаралась последовать его совету, то есть подумать о другом, однако боковым зрением она все время видела Делакура и Бодена, к которым подошли другие знакомые. Несколько дам поднялись на палубу и напрямую направились к Делакура. Жемчужинами рассыпался женский смех, кокетливо порхали веера, румянцем покрывались щеки и хлопали ресницы у дам в ответ на щедро расточаемые Люсьеном комплименты.

У Энни тоже вспыхнули щеки. Насколько глупы эти женщины! Что мог сказать им этот повеса, чтобы так развеселить их? Энни прислушалась, но, к сожалению, ничего не смогла разобрать. Над палубой стоял ровный гул их возбужденных голосов.

Она подняла руку и осторожно прикоснулась к губам. Неужели они так же нежны, как губы ангела?

* * *

Люсьен с завистью смотрел, как Энни Уэстон поднялась

на цыпочки и поцеловала дядю в щеку. Он прикоснулся к своей щеке и попытался представить невесомое давление ее губ на кожу. Отбив наконец женскую атаку, Люсьен продолжал вполуха слушать бессмысленную болтовню Бодена, время от времени вставляя реплики, но в душе предавался горькому сожалению.

В Энни Уэстон было все, что он так высоко ценил в женщинах. Обычно он никогда не говорил с красивыми дамами о серьезных вещах, но Энни сама настаивала на этом. Обмен серьезными мыслями был краток, но его хватило, чтобы Люсьен мог составить представление о ее внутреннем мире. Он узнал в ней человека одухотворенного, разумного, имеющего убеждения, открытого и искреннего, какими она сама считает американцев. Она была идеалисткой и обладала страстной натурой. Более того, эта картина, состоящая из одних достоинств, помещалась в прекрасной золотой раме. Он был заинтригован и впервые в жизни почувствовал страстную влюбленность.

Чувство обиды обострилось до слез. Для нее он был всего лишь флиртующим повесой, легкомысленным снобом, и таким останется в ее глазах навсегда. Он не стремился к тому, чтобы она узнала правду о нем, но какая-то часть его сердца уже отзывалась на ее мысли, особенно на то отвращение, которое она испытывала к институту рабства. Люсьен видел, как Энни склонила голову на плечо Реджи, и пожалел о том, что не его плечо является опорой для ее светлокудрой голов-

ки.

– Делакруа, а не перекинуться ли нам в картишки сегодня вечером?

– Ты знаешь, я никогда не откажусь от партии на борту парохода, – кивнул Делакруа, отгоняя невеселые размышления.

– Или в любом другом месте, – хохотнул Боден.

– Ты отлично меня знаешь, Боден. Значит, сразу после ужина?

– С нетерпением буду ждать.

– Пообедаем вместе?

– Как угодно.

– Значит, договорились. А девчонку прибереги на потом, Боден, когда времени будет побольше, чтобы поразвлечься как следует. К тому же еще слишком жарко для постели.

Боден намеревался лишить юную рабыню девственности до обеда, но деньги есть деньги, и ему не хотелось упустить возможность выиграть несколько долларов и перенести время ужина.

– Я вернусь через минуту, – сказал он, надел шляпу и ушел.

Люсьен наблюдал за тем, как Боден, довольный недавней покупкой, важно вышагивал по палубе, предвкушая приятный вечер: вкусный ужин, азартная игра и изнасилование.

«Я тоже с нетерпением жду вечера, свинья, – думал Люсьен. – К тому времени как ты выйдешь из-за игрового стола,

тебя уже не станут держать ноги, и ты будешь мечтать только о том, чтобы добраться до постели. Снотворное, которое Арман по моей просьбе смешал из трав, подкосит тебя. Ты не сможешь не только руки поднять на девочку, но и помешать мне отправить твоих рабов вниз по реке туда, где они обретут свободу».

Он отвернулся и посмотрел туда, где у поручня стояла Энни Уэстон: ее стройная фигура была резко очерчена на фоне заката, прохладный бриз трепал пряди ее волос, и золотистые кудряшки касались щек, когда она смотрела на воду.

Господи, как он ненавидел этот маскарад!

* * *

Энни внезапно проснулась. Поскольку ее камеристка настаивала на том, чтобы выходящее на верхнюю палубу «Бельведера» единственное маленькое окно каюты, которую они делили, было закрытым, то в ней было душно. В полной тишине раздавалось лишь мерное подыхание дымовых труб.

Энни отбросила одеяло и москитную сетку, наподобие балдахина прикрывавшую кровать, и, взяв с ночного столика часы, направилась к окну. Отодвинув занавеску, она поднесла часы к глазам и повернула их так, чтобы при лунном свете разглядеть циферблат: десять минут пятого. Через час рассветет. У нее достаточно времени, чтобы прогуляться по

палубе и освежиться, прежде чем возобновится обычная суета и на борту начнется подготовка к заходу в порт Нового Орлеана.

Трое или четверо матросов должны быть на вахте в рубке, держа курс и высматривая речных пиратов, а остальные члены экипажа и пассажиры спят. Игроки и любители шумных пирушек обычно расходятся по каютам около трех-четырёх утра, а значит, предрассветный час – самое спокойное время на пароходе, когда можно побыть наедине с собой. Энни не приходилось быть в полном одиночестве с тех пор, как они покинули Англию, и от этого можно было спянуть.

Она обернулась и посмотрела на темный силуэт спящей камеристки Сары, которая свернулась на узкой койке у стены. Энни не заметила никакого движения под москитной сеткой, дышала Сара глубоко и ровно. Она любила поспать и всегда спала крепко. Похоже, эта ночь не была исключением.

Энни набросила легкий бледно-голубой плащ, который полностью скрыл длинную муслиновую ночную рубашку, на тот случай, если она с кем-нибудь столкнется на палубе. Она расплела косу и распустила волосы на полную длину, после чего сунула ноги в мягкие тапочки. Тихонько щелкнув замком, она открыла дверь, ведущую в длинный коридор, и выбралась наружу.

Оказавшись на палубе, где царствовала ночная прохлада и от скольжения судна по воде поднимался легкий ветерок, Энни с наслаждением вздохнула полной грудью. Ободрив-

шись и повеселев, она поспешила к лесенке, которая вела вниз, на вторую палубу. Спустившись по ней, Энни попала в сказочный мир клубящегося предрассветного тумана. Она подошла к поручню и стала смотреть на черную воду, которая урывками проступала в тумане. Легкая рябь дрожала на поверхности в серебристом лунном свете. «Бельведер» шел по каналу в непосредственной близости от таинственных берегов.

Воздух был насыщен густым ароматом мускуса, чего-то приторно сладкого и запахом земли. Скоро птицы должны начать свои утренние серенады. Энни подняла лицо к небу. Ущербная луна почти зашла. Звезды еще сверкали в серой дымке грядущего рассвета, как бриллианты. Как бриллианты... Как бриллианты на кольцах Делакруа.

Делакруа... Она видела его с Боденом в салоне за ужином. Пассажиры рассаживались за столиками, поставленными полукругом в большом, пышно украшенном зале. Со своего места Энни хорошо видела Делакруа и Бодена, которые ужинали вместе. Пили они много. Энни подумала о том, что хорошо бы Боден напился до такого состояния, что не смог бы затащить к себе в постель девочку-рабыню. Если это произойдет, то Делакруа, хоть и непреднамеренно, сделает доброе дело. Энни полагала, что специально подпоить Бодена он не способен.

Было занимательно сравнивать этих двух людей. Боден, по общепринятым стандартам, больше походил на джентльме-

на, но рядом с Делакруа казался вульгарным и грубым. Поведение Делакруа отличалось постоянными парадоксами: при всей своей манерности и изысканности он временами излучал энергию, которая никак не вязалась с его леностью и беспутным образом жизни.

Энни обратила внимание на его ноги, которые торчали из-под стола. Теперь она покраснела, смущаясь и укоряя себя за непристойное любопытство, с которым их разглядывала. Брюки плотно облегли мускулистые ноги, тонкая черная ткань подчеркивала форму каждой мышцы. Откуда у этого бездельника такая сила? Без сомнения, от погони за развлечениями, а не от какого-нибудь полезного занятия.

А руки... Они прекрасны. Делакруа заметил ее, улыбнулся и, приветствуя взмахом руки как хорошую знакомую, застал Энни врасплох и смутил, поскольку в этот момент она совершенно неприлично его разглядывала. Но когда они с Боденом закончили ужин и направились в курительную комнату, Энни разочаровал его уход.

Она тряхнула головой, чтобы избавиться от навязчивых мыслей о Делакруа. Держась за поручень, она двинулась к корме через туман на звук лопастного колеса, поднимающего сверкающие каскады воды. Из трюма, где перевозили скот, грузы и рабов, донеслось протяжное мычание коровы.

Рабы – это люди, но здесь их расценивают иначе и соответствующе относятся к ним – как к животным или ящикам с товаром и провизией. Эта мысль заставила ее вспомнить

о том, почему она возненавидела Делакруа. Любой человек, который использует зависимость другого, чтобы обеспечить себе удобную жизнь, не стоит того, чтобы о нем думать. И уж тем более того, чтобы испытывать к нему вождление.

Энни едва не расхохоталась вслух. Вождление? Откуда ей в голову пришла такая мысль?

Она остановилась, облокотившись на поручень. Глядя на туманную речную гладь, она вдруг заметила на нижней палубе темные силуэты людей, которые перелезали через борт и спускались на какое-то странное судно, похожее на плот, — им управляли двое с шестами. Кто-то помогал им перелезть с палубы через поручень.

Рабы пытались бежать! Энни прищурилась и постаралась разглядеть их. О, как бы ей хотелось, чтобы среди беглецов оказалась и та негритянская семья, которую Боден вез к себе, связав людей как обычных преступников! Если они ускользнут до того, как Боден успеет обесчестить девочку, это послужит развратнику хорошим уроком!

Однако ее восхищению этой сценой был внезапно положен конец. Энни почувствовала, как чья-то огромная ладонь зажала ей рот, а сильная рука обхватила талию и стала оттаскивать от поручня. Она испугалась собственной беспомощности, поскольку ее руки были плотно прижаты к бокам. Нападавший обладал недюжинной силой, но действовал аккуратно: не тащил ее по палубе, а медленно отводил подальше от борта, так что она могла пятиться маленькими шажками,

находясь в его объятиях. На удивление обходительный преступник!

Сердце у нее в груди бешено колотилось, мысли в голове перепутались. Куда этот незнакомец ведет ее? Что ему нужно? Она чувствовала, что упирается спиной в мощную грудь, а ягодицами – в крепкие колени. Мужчина крепко прижимал ее к себе, и через тонкий плащ и ночную рубашку, кроме которых на ней ничего не было, Энни ощущала его близость.

Он отвел ее в темный угол под нависающей верхней палубой и прислонился к стене, не отпуская от себя. Энни затылком чувствовала его дыхание, плечами – равномерно вздымающуюся грудь. От него исходило тепло и приятно пахло бренди и сигарами. Теперь, когда первый шок прошел, Энни смогла здраво оценить ситуацию и поняла, что на нее напали не с целью ограбления или изнасилования. Ее удерживали, чтобы она криками не разбудила экипаж и не помешала рабам бежать.

Энни сразу успокоилась и обрадовалась. Ей захотелось сказать этому человеку, что она вовсе не собирается никого предупреждать о побеге и что такой смелый и благородный поступок заслуживает восхищения. Она попробовала пошевелиться, но он лишь крепче сжал ее.

– Не дергайтесь так, – прошептал он ей на ухо. – Я не причину вам зла. – Его голос был чистым и низким, с легким французским акцентом.

Энни кивнула в знак того, что не станет вырываться. Как

иначе она могла дать понять этому человеку, что одобряет его затею?

Он усмехнулся, и она уловила легкую вибрацию его груди. Звук этого смеха вызвал у Энни дрожь во всем теле.

– Ваш дух требует, чтобы вы боролись, а разум и сердце говорят, что я для вас не опасен. Не так ли, мадемуазель?

Энни кивнула после недолгой паузы.

– Прекрасно. Вы разумная девушка. И все же я не могу вас отпустить до тех пор, пока не буду уверен, что они в безопасности. На мою долю выпала приятная обязанность держать вас, пока мои соратники занимаются делом. Mon Dieu, как приятно обнимать вас!

Энни взволновали слова незнакомца. Интересно, он действительно имеет в виду то, что говорит, или привык заговаривать зубы каждой, кому доводится стать свидетельницей организованного им побега рабов? Энни обернулась, чтобы рассмотреть его лицо, но не увидела ничего, кроме бесформенного темного пятна. Он прижался к ней сильнее, так что его губы едва не коснулись ее щеки.

– И все-таки вы двигаетесь! От скуки, *ma petite*? Впрочем, это можно уладить.

Когда она насторожилась в ответ на его последнюю реплику, он снова усмехнулся. Энни нравился этот звук, который возникал вроде бы в самой глубине его нутра.

– Не волнуйтесь. Если я стану развлекать вас, то и сам отвлекусь от всего, что происходит за нами. Знаете, как вы мо-

жете меня увлечь, дорогуша? Знаете, как легко я могу позабыть рядом с вами обо всем на свете, в том числе и о своем долге? – Он вздохнул. – Не беспокойтесь. Скоро я отпущу вас. Мы ждем, пока мои друзья растворятся в тумане. Склоните голову мне на грудь, закройте глаза, слушайте рокот колеса и вдыхайте сладкий аромат Луизианы. Я не причиню вам зла.

Энни поймала себя на том, что верит ему, хотя это полное безумие. Его голос действовал на нее успокаивающе, почти гипнотически. Она глубоко вздохнула и закрыла глаза. Другого выхода, кроме как ждать, пока он ее отпустит, у Энни все равно не было. Даже говорить она не могла. Сопротивляться бесполезно, так что лучше расслабиться и ждать. Она приникла к нему всем телом и почувствовала, что его упругие мышцы служат ей прекрасным ложем.

Слишком прекрасным... Кого она хочет обмануть? Невозможно расслабиться, находясь так близко к столь привлекательному мужчине. Даже не видя его, Энни понимала, что он очень хорош. Его голос, тело, слова – все вместе – делали незнакомца неотразимым. Он верил в свободу и равенство, был храбр и обворожителен. Не какой-нибудь самовлюбленный пустомеля!

Теперь, когда она встретила настоящего мужчину, ее прежнее восхищение физическими достоинствами Дела-круа, задрапированными дорогой тканью костюма, показалось ей глупым самообманом. Привлекательным мужчину

делает не внешность, не манера одеваться, не место рождения и не знатность рода, а то, во что он верит и ради чего живет.

Незнакомец убрал ладонь с ее рта и теперь обеими руками обнимал за талию. Плащ сполз с ее плеч и теперь свободно повис между ними. Неуловимым движением он сбросил плащ на пол. Его длинные сильные пальцы слегка сжимали ее чуть выше пояса, как раз под свободной от корсета грудью. Должно быть, он наверняка знал, что она не закричит и не переполошит экипаж. И он был прав. Энни слова не смогла бы вымолвить, даже если бы захотела, и дышала с трудом. Однако она не помышляла о том, чтобы вырваться и убежать. И похоже, он это чувствовал.

В полумраке клубился туман, колесо парохода ритмично вертелось и плескало водой. Тепло незнакомца согрело Энни и как будто впиталось сквозь одежду прямо в кровь. Между ними установилась какая-то странная связь. Интересно, ощущает ли он ее тоже? Ей казалось, что она может простоять в его объятиях до самого рассвета, до тех пор, пока солнечные лучи не разгонят ночной мрак и не осветят того, о ком она мечтала в течение долгих пяти лондонских сезонов.

А может быть, то, что его сильная хватка нападающего постепенно преобразилась в объятия, лишь плод ее воображения? Но нет, сейчас он обнимал ее как любовник, а не как захватчик. Привлекает ли она его так, как он ее? Энни почувствовала, как напряглись ее соски под тонкой муслино-

вой рубашкой. Дыхание стало прерывистым и частым. И его тоже.

Вдруг он расслабился и опустил руки, и Энни охватил новый страх. Он позволяет ей уйти! Он оставляет ее! Но нет... еще нет. Она задержала дыхание, когда он провел руками по ее телу, очертив большими пальцами линию под грудью, затем вверх по рукам к плечам. Взяв ее за плечи, он развернул ее к себе лицом.

Энни открыла глаза и вздохнула полной грудью. Даже на таком близком расстоянии, да еще в лунном свете, отражающемся от мокрой палубы, она не могла разглядеть его лица. Перед ней неясно вырисовывался высокий широкоплечий мужчина в черном. На его голове был капюшон, полностью скрывающий волосы, а на лице – полумаска с узкими прорезями для глаз. Рубашка с длинными рукавами была заправлена в брюки. Весь он был похож на тень, сливающуюся с ночным мраком.

– Кто вы? – прошептала она, чувствуя, что теряет ориентацию во времени и пространстве, оказавшись в царстве волшебных сновидений.

Он не ответил, но по его губам скользнула улыбка, от которой сильно забило ее сердце. Она не отрываясь смотрела на красиво очерченный рот этого мужчины, и в глубине ее сознания шевельнулось какое-то воспоминание, которое никак не могло всплыть на поверхность...

Его руки скользнули вниз по ее спине, губы в крепком,

настойчивом поцелуе прижались к ее губам. Все мысли разом вылетели у нее из головы, как от брошенного камня разлетается стая испуганных птиц. Энни уже не раз целовалась, но еще никогда не ощущала во рту чужого языка. И близость мужского сильного тела никогда прежде так ее не волновала. Никогда еще у нее не возникало желания обнять мужчину за шею и притянуть его к себе ближе, еще ближе...

Издали донесся крик неведомой птицы, нарушив тишину. Незнакомец решительно отстранился. Энни сразу стало горько и досадно.

– Мне нужно идти, дорогуша, – сказал он изменившимся голосом. – Вы действительно сильно увлекаете меня.

– Я рада, что смогла помочь вам, – прошептала она.

Он провел кончиками пальцев по ее мягким губам, которые только что целовал, и тихо произнес:

– Помните меня, дорогуша. Помните Ренара. До нашей следующей встречи, хорошо?

И с этими словами незнакомец растворился в ночном тумане.

До следующей встречи? Энни задрожала при этой мысли. Разве женщине может выпасть такое счастье, чтобы встретить такого человека дважды?

Глава 3

В салоне не смолкали оживленные разговоры на одну и ту же тему – побег рабов. Тетя Кэтрин развернула салфетку на коленях, где она была совершенно бесполезна, поскольку случайные крошки или брызги, ежели бы таковые и появились, должны были бы оказаться на ее груди, выступающей вперед наподобие полки. Она бросила пронизывающий взгляд на капитана, который завтракал с ними, и спросила:

– Значит, это был Лис?

– Сомнений быть не может в том, что это работа Ренара, – кивнул капитан. – Никто другой не осмелился бы совершить такой дерзкий поступок. Стремительный и осторожный, как лис на охоте, он проник на судно со своими друзьями под покровом ночи и увел с собой десять рабов.

– А недавнее приобретение мистера Бодена... его рабы были среди сбежавших? – с нарочитой небрежностью поинтересовалась Энни, кладя третью ложечку сахара в свой обычный *safe au lait*.³

Капитан отхлебнул из своей чашки и сурово кивнул:

– Да, были.

– И как он... гм... воспринял эту новость?

– Никак. Он еще в постели.

³ кофе с молоком (фр.).

– Великолепно! – воскликнула Кэтрин, решительно намазывая масло на тост. – Уже четверть девятого, а он еще спит. Считай, полдня прошло!

– По-моему, он вчера выпил лишнего, – заметил капитан. – Делакура предложил не будить его лишь для того, чтобы сообщить дурные новости. Хотя новостей немного. Ни одного свидетеля.

«Ни одного свидетеля, кроме меня», – подумала Энни, протягивая руку к блюду со сладостями. Печенье в шоколаде ей понравилось настолько, что она успела пристраститься к нему за время плавания. Плохо только, что следы от него оставались на пальцах.

– Но другие рабы в трюме наверняка должны были что-нибудь заметить, капитан? Они ведь помещаются в такой тесноте. И потом, почему они все не бежали, коль скоро представилась такая возможность?

Капитан снисходительно взглянул на Энни, которая сидела на противоположном конце длинного стола. Тетя Кэтрин была занята тем, что старательно перчила вареное яйцо, а дядя Реджи задумчиво крутил ус и неодобрительно наблюдал, как перец просыпался на белоснежное камчатное полотно скатерти. Капитан был очень добр к Энни; ему нравились ее любознательность и прямолинейная манера задавать вопросы.

– Даже если бы среди негров были свидетели, то все они молчат, мадемуазель Уэстон, – ответил он. – И это лишний

раз убеждает нас в том, что побег – дело рук Ренара. Среди рабов существует негласный договор о поддержке этого разбойника. Поэтому даже те рабы, которые не хотят, чтобы их освобождали, становятся слепы, глухи и немые, когда Ренар помогает бежать их собратьям.

– И все же я не понимаю, – настаивала Энни, положив руки на скатерть вверх ладонями, испачканными в сахарной пудре. – Почему все рабы не хотят, чтобы их освободили? Кому не хочется стать свободным!

– Рабство – это единственная форма жизни, которую знают негры, – ответил капитан Дюваль. – В большинстве случаев хозяева обращаются с ними хорошо, кормят их, одевают, оказывают медицинскую помощь. Они настолько привыкают к господскому дому, что не смогут жить самбостоятельно, если их вдруг отпустить. Большинство негров пугаются самой идеи свободы.

– Но если бы у них были те же возможности, что и у белых...

– Энни, – вмешался Реджи, с сожалением глядя на племянницу, – возможно, есть вещи, которые ты не совсем понимаешь...

– А зачем, по-твоему, она задает вопросы, Реджинальд? – колко поинтересовалась Кэтрин. – Как она может составить мнение о предмете, если в нем несведуща? Ах да, я совсем забыла. Ведь вы, англичане, возводите женское невежество в ранг добродетели.

– Я никогда не говорил ничего подобного, – недовольно пробормотал Реджи.

– Я уверена, что ты не хочешь видеть меня невежественной, дядя Реджи, хотя и предпочитаешь, чтобы я почаще молчала, – справедливо заметила Энни. – Однако иногда важно разобраться в чем-либо, несмотря на то что факты порой бывают неутешительными. Разве человек может быть счастлив в неволе, даже если с ним хорошо обращаются? Я думаю, что если у рабов появится возможность получать образование, все они захотят стать свободными.

– Осмелюсь заметить, что отмена рабства связана с большой ответственностью за судьбу рабов, – сказал Реджи. – Более того, подобная попытка полностью разрушила бы экономику Юга.

– Изменения в экономике можно было бы проводить постепенно. Но это требует объединения всеобщих усилий, поскольку никакой человек в одиночку не способен на такое. – Говоря это, Энни имела в виду Ренара. Со вчерашнего вечера она постоянно думала о нем. Чувство надежности и восхищения, которое охватило ее в объятиях пресловутого разбойника, казалось ей осуществлением давней мечты. Она все еще не могла поверить в то, что целовалась с местным Робин Гудом.

– Дорогая мадемуазель Уэстон, – сказал капитан, поднимаясь с места и глядя на нее с высоты своего внушительного роста, – с чего вы взяли, что южане собираются вносить

какие-либо изменения в свою жизнь? Уверяю вас, что большинство из них никогда не задумывалось по этому поводу. – Он подошел к Энни и с чувством пожал ей руку. – Я должен готовиться к швартовке, потому что мы войдем в порт менее чем через час. А на прощание хочу дать вам один совет, мадемуазель. Наслаждайтесь жизнью. Такая очаровательная, страстная и умная девушка, как вы, обязательно станет объектом мужских притязаний, едва войдет в высшее общество Нового Орлеана. – С этими словами он откланялся.

– Как он осмелился! – воскликнул Реджи, покраснев, как спелый помидор. – Как мог этот грубиян так свободно и откровенно выражаться в присутствии невинной девушки! Страстная! Объект мужских притязаний! Выражения из будuarной сцены дешевого французского романа! Как он позволяет себе так говорить в присутствии Энни?!

– Я вижу, что притворная стыдливость снова поднимает голову, – отряхивая крошки со своего бюста, сухо заметила Кэтрин. – Капитан Дюваль сказал правду, Реджинальд просто повторил это в более красочных выражениях, чем те, к которым он привык. Интересно, Реджи, чьи ушки невиннее – твои или Энни? Твои, по-моему, более девичьи.

– Тетя Кэтрин, – сказала Энни, – меня покорило не от выражений капитана, а от его снисходительного тона. Неужели здесь нет никого, кто в состоянии думать о насущных проблемах и принимать меня всерьез? Этой стране нужно больше таких людей, как Ренар!

– Как Ренар? – откликнулся Реджи. – Но ведь он разбойник!

– Зато делает то, во что верит. В рамках закона он бессилен. И не говори мне, дядя, что ты согласен с капитаном!

– Разумеется, нет, Энни. Но в Англии, где живут цивилизованные люди, не существует таких неприятных явлений, как рабство, а соответственно подобных тем для застольных бесед с дамами.

– Я уж лучше умру, чем буду все время молчать и жеманно улыбаться, – заявила Энни, слизывая сахарную пудру с кончиков пальцев.

– Энни, юной леди не пристало выражаться так резко. И пожалуйста, возьми салфетку, – сделал ей замечание Реджи, будучи на грани раздражения.

Энни облизывала большой палец, когда вдруг подняла глаза и увидела Делакруа, который стоял на пороге салона с Боденом и смотрел на нее. Проклятый ловелас улыбался!

В салоне было полно пассажиров, многие из которых задержались за завтраком, чтобы дожждаться появления Бодена, «героя дня», жестоко наказанного судьбой. И надо же было случиться такому, что насмешливый взгляд Делакруа остановился именно на ней и как раз в тот момент, когда она засунула палец в рот.

Она поспешно отвернулась от удивленного Делакруа и незаметно вытерла палец о салфетку, которая лежала у нее на коленях.

Энни была сконфужена и раздосадована, но любопытство вынудило ее снова взглянуть на дверь салона, чтобы выяснить, как Боден воспринял неприятную новость. В душе она надеялась, что он будет выглядеть довольно жалко. Однако казалось, он страдал от головной боли едва ли не сильнее, чем от жалости к себе по поводу проделки Лиса. «Браво, Ренар! Боден получил то, что заслуживает», – подумала Энни.

Она исподтишка, уголком глаза наблюдала за тем, как Делакруа и Боден направлялись к свободному столику, соседнему с ними. Все присутствующие в салоне молча следили за ними. Делакруа выглядел совершенно невозмутимым, будто ничто на свете его не интересовало. И Энни снова отметила про себя, что у него красивые ноги. Она вздохнула и отвернулась. Бездельнику незачем иметь такие ноги. Все равно он использует их лишь для того, чтобы возбуждать гнусные желания в женских сердцах. Слава Богу, она к этому невосприимчива!

* * *

Энни Уэстон сидела за столиком, залитым ярким солнечным светом, в бледно-желтом платье и легкой шляпке, украшенной маргаритками и перьями, которая венчала ее кудрявую макушку. Она облизывала пальцы, откровенно наслаждаясь вкусом пирожного. Через весь салон Люсьен разглядел тонкую полоску сахарной пудры над ее верхней губой.

Одно движение языка – предпочтительно его собственного – и она была бы снова чиста и готова к поцелуям.

Поцелуй. Не в его правилах было смешивать дело с романтическими похождениями, но прошлой ночью он не смог устоять против чар Энни Уэстон, которая волею случая оказалась в его объятиях. Когда он увидел ее у поручня на палубе парохода в Билокси, ему стало интересно, насколько сильно ее талия стянута корсетом, если кажется такой тонкой. Теперь он знал наверняка, что ее грудь, талия и ягодицы совершенны безо всяких дамских ухищрений и даже без нижнего белья.

Он хорошо помнил свое ощущение, когда она прислонилась к его груди и коленям: пульсирующее тепло ее кожи проникало сквозь тонкую ткань ночной рубашки. Ее губы были сладкими и податливыми, как у захмелевшей невесты. Но гораздо сильнее, чем телесное совершенство, его душевный покой смутил тот невероятный факт, что Энни Уэстон поддержала разбойничью выходку Ренара с таким восторгом, с каким женщины обычно выбирают в магазине новую шляпку или зонтик. Она дрожала от радостного возбуждения, от того, что рабам удалось бежать. В этой девушке есть страстность и сила духа. Она идеалистка. Черт побери, она само совершенство!

Но придется оставить ее. У Люсьена нет времени на такие глупости. Ему нужно играть свою роль на этом маскараде, и некогда отвлекаться на соблазнительных девушек.

Она смотрела на него, пока он шел к свободному столику. На долю секунды он встревожился, потому что ему показалось, что она обнаружила в нем черты сходства с Ренаром. Он лукаво улыбнулся ей и подмигнул. Она бросила на него возмущенный взгляд и отвернулась. Удачно, но какой ценой!

До тех пор пока ему не встретилась Энни Уэстон, он даже получал удовольствие от своего маскарада, поражаясь тому, как легко ввести в заблуждение людей несложной игрой, несколькими вычурными манерами, эгоистичными замечаниями и показным пристрастием к волокитству, кутежам и картам. Однако лицемерная победа над Энни его вовсе не радовала. С ней ему хотелось быть самим собой.

– Этот подойдет, Боден? – спросил он, кивая в сторону свободного столика.

– Здесь слишком много солнца, но ничего не поделаешь, больше сесть некуда, – капризно поморщился Боден.

Люсьен видел, что они в центре внимания всех присутствующих, но его интересовало внимание лишь одной девушки, сидевшей за соседним столиком, и привлекал испытующий взгляд ее синих, самых чистых на свете глаз. Боден плюхнулся на стул, не глядя по сторонам, поставил локти на стол и обхватил ладонями голову.

Прежде чем сесть, Люсьен, приветствуя знакомых, обошел соседние столики. Он поцеловал несколько дамских ручек, получив в ответ ряд страстных взглядов и застенчивых улыбок. Одна юная девица покраснела до корней волос и

смущенно спрятала лицо за веером. Исполнив свой светский долг, он подошел наконец к столику Энни и учтиво поклонился.

– Bonjour,⁴ леди, месье Уэстон. Надеюсь, в это прекрасное утро вы счастливы и у вас все благополучно. – Он обнажил в беззаботной улыбке два ряда белоснежных зубов. Но Энни пристально следила за ним, и под ее взглядом ему было трудно изображать абсолютную беспечность. Он почувствовал, как скула у него стала непроизвольно подрагивать.

– Во всяком случае, мы куда счастливее, чем ваш друг мистер Боден, – сказала Кэтрин, кивнув в его сторону.

Люсьен приблизил к лицу ладонь тыльной стороной и стал внимательно рассматривать ногти. Сквозь слегка растопыренные пальцы он видел верхнюю губу Энни – все еще со следами сахарной пудры, – приподнятую в едва заметной презрительной усмешке. Безусловно, ему удалось вызвать ее раздражение своим кругом почета, во время которого он так откровенно заигрывал с дамами. Ничего не скажешь, очень утешительно.

– Да, вчера ночью случилось очень неприятное происшествие, не так ли? Насколько мне известно, он выложил кругленькую сумму за эту семью рабов. Не важно, насколько богат человек, но расставаться со своей собственностью таким образом всегда досадно. Больше всего Бодена раздражает то, что это дело рук разбойника Ренара.

⁴ Здравствуйте (фр.).

– Да, мистер Боден сегодня как в воду опущенный, – с ядовитой слащавостью в голосе заметила Энни и, вздохнув, скорбно добавила: – Как мне жаль его! Но может быть, он воспрянет духом после того, как позавтракает.

– Его тошнит, и голова раскалывается, так что вряд ли он закажет что-нибудь, кроме чашки крепкого кофе, – с оттенком озабоченности сообщил Люсьен. – Мой дружеский долг состоит в том, чтобы убедить его хоть немного поесть. А как вам показались сегодняшние пирожные, мадемуазель Уэстон? Я собирался поцеловать вашу руку, но если я почувствую привкус сахарной пудры на ваших пальцах, то уже не смогу оторваться и повергну вас в смущение... Сахар сладок, как губы женщины.

Он видел, что щеки ее зарделись. Это было похоже на то, как распускается алая роза, медленно раскрывая свежие лепестки. Он неучтиво уставился на нее, улыбаясь от удовольствия. Ее дядя бросил на него раздраженный взгляд и, склонившись к самому уху Энни, что-то шепнул. Она поспешно вытерла губы и пальцы салфеткой. Самообладание вернулось к ней, и она вызывающе подняла глаза на Люсьена:

– Пирожные сегодня необычайно вкусные, воздушные и ароматные, месье Делакруа. Надеюсь, что они также достаточно сладкие, чтобы поднять настроение мистеру Бодену. Возможно, вам стоит посоветовать своему другу заказать их, пока он не отослал официанта.

Люсьен понял отнюдь не тонкий ее намек: она хотела, что-

бы он ушел. И как раз в то время, когда он намеревался утешить ущемленную гордость Бодена и таким образом проявить себя его преданным другом. Показная дружба с Боденом была самым отвратительным обманом в том маскараде, который он разыгрывал.

– Вы правы, мадемуазель, – согласился Люсьен с галантным поклоном. – Я немедленно посоветую месье Бодену заказать блюдо пирожных. Au revoir,⁵ дамы, месье Уэстон. Надеюсь, в городе мы будем часто видеться.

Энни взглянула на него так, словно предпочитает встретиться с дьяволом, чем с таким повесой, как он. Люсьен должен был бы радоваться, добившись того, что она его так откровенно невзлюбила. Но он, напротив, огорчился и вернулся за свой столик к Бодену с твердым намерением выбросить из головы романтические мысли и сосредоточиться на деле.

– Обрабатываешь красотку, Делакруа? – спросил Боден, с трудом приподняв голову.

Люсьен бесстрастно взглянул в обрюзгшее лицо Бодена. Он выглядел так, как будто много часов шел по пустыне в песчаную бурю: глаза превратились в слезящиеся щелочки, щеки пылали жаром. Никто не предполагал, что он страдает от чего-нибудь помимо побега рабов, но Люсьен знал наверняка, что сонное зелье, которое приготовил Арман, доставляло ему куда более серьезные физические мучения.

– Немножко перебрал вчера вечером, а, Боден?

⁵ До свидания (фр.).

– Я выпил не больше, чем обычно, когда что-нибудь праздную, – дребезжащим голосом вымолвил он. – Ты выпил столько же, а я не какой-нибудь слабак и могу опрокинуть в себя столько же бокалов мадеры, сколько любой другой. Не понимаю, почему мне так плохо. Голова раскалывается на части. – Он потер глаза кулаками.

– Мне на долю выпала прискорбная обязанность разбудить тебя утром и сообщить неприятную новость. То, что тебя уже не в первый раз обокрал Ренар, поможет тебе пережить эту потерю.

Боден уронил руки на стол, и они непроизвольно сжались в кулаки. Его налившиеся кровью глаза излучали ненависть.

– Если мне повезет когда-нибудь добраться до этого ублюдка, я задушу его собственными руками!

– Mon Dieu! – Люсьен притворился, что его поразила страстная злоба Бодена. – Слава Богу, что я не тот, кто вызывает в тебе такую ненависть, Боден. – Он непринужденно положил ногу на ногу. – Скажи мне, сколько раз Лис забирался в твой курятник?

Боден свирепо засопел и не ответил. Люсьен медленно, безжалостно сыпал соль на его давнюю болезненную рану.

– По-моему, «курятник» – очень подходящая метафора, а? Он всегда уводит у тебя женщин, которые тебя интересуют. Жаль, что ты не успел поразвлечься с той черной девчушкой, прежде чем Ренар выкрал ее.

– А кто тебе сказал, что я не успел? – ошетинился Боден.

– А, mon ami,⁶ ты забыл, – покачал головой Люсьен. – Я сам проводил тебя в каюту вчера вечером и помог стюарду стащить с тебя ботинки и уложить в постель. Ты здоровяк, но вчера... как бы это выразиться?... мало на что был пригоден. Ты захрапел прежде, чем голова коснулась подушки.

У Бодена не было сил оспаривать очевидные вещи, и он снова уронил голову на руки. Люсьен делал вид, что сокрушен неудачей друга. Он похлопал его по массивному плечу, сдерживая отвращение:

– Что я за друг, если постоянно напоминаю тебе о неприятностях? Слушай, а почему бы тебе не завести любовницу и не перестать искать... э... утешения в объятиях неопытных девочек-рабынь? Посели какую-нибудь красотку в собственном *petite maison*⁷ на улице Рампарт и навещай ее когда душе угодно.

– Я не стану покупать какой-то шлюхе собственный дом. – Боден стряхнул с плеча его руку и снова принялся тереть глаза. – Когда она мне надоест – а это случится наверняка, не пройдет и года, – мне придется оставить ей дом, как того требует наш чертов рыцарский кодекс. По-моему, это глупое расточительство. Рабыни принадлежат мне, и поэтому спать с ними ничего мне не стоит. Кроме того, я люблю разнообразие. Мне нравятся молоденькие, и желательно девственницы.

⁶ мой друг (фр.).

⁷ маленьком домике (фр.).

– Понятно. Чистота и невинность в твоём вкусе, – поощрительно кивнул Люсьен, борясь с желанием плюнуть ему в лицо. – Тебе нужно поесть. Мадемуазель Уэстон утверждает, что пирожные сегодня просто божественны.

– Кофе. Это единственное, чего мне хочется, – пробормотал Боден, сложив руки на столе и опустив на них лысеющую голову.

Люсьен подозвал официанта и заказал кофе для Бодена и плотный завтрак для себя. Вчерашнее предприятие отняло у него много сил, и теперь он был по-настоящему голоден. А если от запаха вареных яиц Бодена мутило, что ж, оставалось лишь пожалеть об этом.

– Да, и вот еще что, приятель. – Люсьен намеренно обратился к официанту панибратски. – Отправьте блюдо пирожных на соседний столик с моими наилучшими пожеланиями. – Он кивнул в сторону столика Энни и случайно встретился с ней глазами. Она бросила на него уничтожающий взгляд. Он улыбнулся и подмигнул ей. Она отвернулась, притворившись, что не заметила этого. Он тихонько усмехнулся. Притворство. Люди всегда притворяются.

Новый Орлеан по сравнению со сдержанно-элегантным Лондоном производил впечатление эклектичного рая. Из суматошного порта до дома Кэтрин за Кэнэл-стрит они ехали в экипаже через Французский квартал, полностью восстановленный после пожара 1788 года. Светлые отштукатуренные дома в основном были двухэтажными, с плоскими крышами

и выходили прямо на тротуар или отделялись от него невысокой изгородью.

По улице сплошным потоком двигались люди с самыми немыслимыми оттенками кожи. На фасадах домов выделялись маленькие балкончики, украшенные затейливыми чугунными решетками. Энни увидела женщин-креолок, которые прятали под зонтиками изысканно-бледные лица; янтарно-желтых квартеронков в ярких шарфах-тиньонах; черных как смоль рабынь, которых, казалось, только что привезли из Гвинеи.

Торговки продавали на углах сладости, фрукты и цветы. Некоторые здесь же готовили рисовые кексы в медных печурках, которые топились углем, и варили пенистый *safe au lait* особо нетерпеливым клиентам. Густой кофейный аромат, смешиваясь со зловонием сточных канав, проникал в экипаж через открытое окно. Был конец сентября, но жара стояла адская. Энни чувствовала, как по шее у нее из-под шляпки стекала струйка пота.

Реджи, сидевший напротив, поднес к носу платок:

– Ты все еще думаешь, что мы попали в рай, Энни?

– Я как раз только что подумала о том, что все это очень напоминает рай, где всякой твари по паре, – ответила она, широким жестом указывая на вид за окном.

Реджи втянул носом воздух и, судя по тому, какая гримаса перекосила его лицо, пожалел об этом.

– Никогда не предполагал, что в раю может так отврати-

тельно пахнуть. Не понимаю, как люди, которые здесь живут, выносят нечто подобное. Скажи, твой... твой дом близко отсюда? – отважился он спросить Кэтрин.

– Нет, я живу в районе, населенном преимущественно американцами. Он называется Фобург-Сент-Мэри. Дома там расположены дальше от дороги. У меня во дворе много деревьев – дубы, магнолии, пальмы и даже банановое дерево, – поэтому в доме всегда прохладно. Скорее бы уже приехать! Надеюсь, Тереза все подготовила к нашему приезду. – Она внезапно сжала Энни руку: – Посмотри, это собор Святого Людовика!

Энни смотрела, смотрела и смотрела, восхищаясь всем, что видела вокруг; ей не терпелось узнать побольше об истории и культуре города, где будет ее новый, временный, дом.

Наконец они пересекли Кэнэл-стрит и оказались в так называемой американской части города. Здесь американцы построили для себя церкви, театры, отели и особняки. Они, как правило, презрительно относились к креольской архитектуре, поэтому предпочитали жить в больших домах с вычурными фасадами в стиле ренессанс. Глицинии и розы украшали дворики. Кирпичные дома были выкрашены в различные бледные цвета и на вид казались аккуратными и приятными.

Дом Кэтрин находился на Притания-стрит. Как только они свернули на покрытую гравием дорожку, ведущую на задний двор к конюшне, Энни стала разглядывать особняк цвета черного дерева, который потряс ее не меньше, чем все,

что она уже успела увидеть в Новом Орлеане. Она подумала, что, похоже, недооценивала благосостояние своей тети. Даже Реджи был несколько ошеломлен, поэтому воздержался от комментариев и тем самым не провоцировал Кэтрин на споры.

Когда они вошли в дом, Реджи по-прежнему хранил глубокое молчание. Энни предположила, что он просто не ожидал, что дом Кэтрин Гриммс окажется таким уютным и добротным. При всей грандиозности этого сооружения, помпезной лепнине на потолке, обилии карнизов и мраморных каминов здесь царил домашняя атмосфера, хотя и не лишенная экзотики.

Кэтрин сумела добиться такого эффекта, тщательно продумав и спланировав интерьер, – всему нашлось здесь свое место: сувениры и предметы искусства, привезенные ею из путешествий по всему свету; оттоманки и диваны с грудями подушек; маленькие столики, заваленные книгами. Повсюду в вазах стояли цветы. Энни дом очень понравился. Она подозревала, что и Реджи тоже, хотя он не проронил ни слова.

Экономка Тереза была чернокожей, но не рабыней, свободной. Большинство американцев из Нового Орлеана имели рабов, но у Кэтрин не было ни одного. Высокая, крупная Тереза, возраст которой определить было трудно, обладала очень гладкой коричневато-красной кожей; ее вьющиеся волосы под белым тиньоном уже тронула седина.

Она показала Энни ее комнату, в которой все предметы,

включая обои, балдахин на кровати и обюссонский ковер на натертом до блеска деревянном полу, были декорированы стилизованной розой. Задернутые легкие шторы на окнах закрывали доступ в комнату палящим лучам полуденного солнца, кровать была под москитной сеткой. К комнате примыкала гардеробная с глубокой фарфоровой ванной, которой Энни немедленно воспользовалась.

После ванны она решила немного отдохнуть перед трапезой. Лежа на мягкой перине и наслаждаясь прохладой ветерка, проникающего в комнату через задернутые шторы, она размышляла о предстоящем в течение года пребывании в Новом Орлеане. Что с ней произойдет за это время? Встретится ли она снова с Ренаром? Последняя мысль – как ни смешно – занимала ее больше всего, когда она думала о своем будущем. Его образ занимал главное место в ее подавляемом сном сознании. Вспоминая, как спокойно, надежно и восхитительно она чувствовала себя в объятиях опасного разбойника, Энни заснула.

Глава 4

Как снятая с петель калитка, неполная луна криво висела в черном безблачном небе. Стоя на балконе своих апартаментов в отеле Святого Людовика, Люсьен вальяжно облокотился на перила резной чугунной решетки и смотрел вниз, на Ройал-стрит. Над сточными канавами стелился туман, пар поднимался к низким окнам соседнего дома, где Бал голубой ленты был в полном разгаре.

Креольские джентльмены нескончаемым потоком фланировали по деревянному тротуару, соединяющему оба здания, благоразумно деля внимание и время между своими любовницами-квартирными, танцующими на Балу голубой ленты, и женами, собравшимися на традиционный Королевский бал, который проходил в бальном зале отеля Святого Людовика. В стороне от кружащихся пар, оставленные на время жены сбивались в кучки, словно галки-трещотки, и обменивались сплетнями, ожидая, когда их мужья вернутся после «перекура».

Вишневые чубуки попыхивали в ночи, яркие искорки то вспыхивали, то гасли между домами, как робкие светлячки. Каждый из джентльменов знал, что табачный запах может быть единственным оправданием их отсутствия в глазах ревнивых жен и позволит им хоть ненадолго сменить скучную атмосферу Королевского бала на более приятное общество

любовниц.

Стояла знойная октябрьская ночь, и илистый запах вод Миссисипи, смешанный с ароматом табака и зловонием сточных канав, пропитывал туман и делал все попытки Люсьена глотнуть свежего воздуха тщетными. Из соседней улочки донесся хриплый хохот, затем топот ног и сдавленные крики – очередная драка.

Светский сезон был в полном разгаре, и каждый, начиная от аристократа и кончая женщиной легкого поведения, чувствовал в себе подъем душевных и физических сил. Почти все «лучшие» семейства вернулись в город с отдаленных плантаций, где обычно укрывались в течение знойных, болезнетворных летних месяцев. Семья Люсьена только сегодня утром вернулась в особняк Делакура на Эспланад-авеню, и отец кратко и сдержанно попросил его нанести визит вежливости матери. Люсьен отговорился тем, что встретится с ней в опере на «Севильском цирюльнике», открывающем сезон.

Дело не в том, что ему не хотелось видеться с матерью. Он любил ее, несмотря на то что она слепо восхищалась мужем-диктатором и во всем покорялась его воле. Отца он тоже любил, но с оговорками.

В детстве Люсьен не осознавал важность того, что является наследником плантации Бокаж, а Жан-Люк Делакура считал это величайшей честью. Люсьен был подвижным и общительным ребенком, имел множество приятелей, но луч-

шим его другом стал Рой, из семьи рабов.

Лет до десяти сыновьям белых плантаторов разрешалось играть с детьми рабов, когда те не были заняты в поле или не выполняли работу по дому. Но когда сын плантатора отправлялся в школу, дружеские отношения сами собой заканчивались и обычно предавались забвению.

Однако Люсьен не забыл о дружбе с Роем. Когда они подросли, стало очевидно, что им уготовано разное будущее. Отец Люсьена не одобрял продолжения этих отношений, хотя при этом не возражал бы, если бы сын захотел переспать с какой-нибудь молоденькой рабыней. Люсьен никогда не понимал и не принимал этих издавна установленных порядков.

Люсьен не был уверен, что хочет вести тот образ жизни, который отец с гордостью навязывал ему. Он всегда подвергал сомнению креольскую традицию и общественное устройство Юга. Он не понимал, почему нужно продолжать поступать так, а не иначе только потому, что так проще и так было заведено.

То, что Люсьен бунтовал против того, что было дорого и близко Жан-Люку Делакруа, приводило отца в ярость, и он решил преподать сыну хороший урок. Он «в последний раз» велел сыну порвать дружеские отношения с Роем, угрожая наказанием, но отлично понимал, что юноши его не послушаются. Их застали вместе на рыбалке, поймали и привели к Жан-Люку на расправу. Никакого раскаяния молодые люди не испытывали.

Жан-Люк приказал сыну дать Рою двадцать ударов кнутом. Люсьен пришел в ужас и наотрез отказался. Тогда отец сказал, что если тот не согласится, его приятель Шарль Боден, который случайно оказался у них в гостях, с радостью выпорет его самого.

Зная кровожадность и жестокость Бодена, Люсьен был вынужден наказать друга. Он нарочно сжимал кнут не крепко, чтобы экзекуция прошла для Роя не так болезненно, но Боден заметил это, вышел вперед и показал, как это следует делать правильно. Люсьен в течение всей пытки был не в себе и старался не причинять Рою боли, но он понимал, что если не станет бить его достаточно сильно, то Боден с удовольствием заберет кнут и заменит его.

Этот день стал поворотным пунктом в судьбе Люсьена. Они с Роем больше никогда не разговаривали. Люсьен возненавидел Бодена и проникся жалостью и презрением к отцу. И еще он понял, что никогда не станет рабовладельцем.

Он уехал из дома в школу и не возвращался к родителям даже на каникулы, а потом отправился в Европу, где получил образование и прожил до тридцати лет. Два года назад Люсьен вернулся в Новый Орлеан другим человеком. Теперь он раздражал отца другим способом. Люсьен публично больше не осуждал рабство и прочие семейные традиции, которые глубоко укоренились в старомодном сердце Жан-Люка, но зато превратился в беззаботного лоботряса. Он не проявлял никакого интереса к делам поместья, которое собирался уна-

следовать, и занимался только тем, что волочился за девицами и играл в карты.

За несколько месяцев до своего возвращения в Штаты Люсьен решил вести двойную жизнь. Он знал, что на Юге ничто не изменилось за время его отсутствия, и понимал, что сможет вернуться домой только при условии, что сам внесет в жизнь некоторые коррективы. За границей его отрицательное отношение к рабству не изменилось, а еще более укрепилось. Картина же того, что случилось летним днем почти двадцать лет назад, в его памяти стала еще ярче. Он твердо усвоил: рабство бесчеловечно и недопустимо. Так на свет появились Денди Делакура и Ренар.

Люсьен часто навещал мать и оказывался, таким образом, в обществе отца, что было мучительно для обоих. В том, что мать вернулась в город, было еще одно неудобство. Теперь, когда начался этот безумный светский сезон, мадам Делакура возобновит разговоры о том, что недопустимо еще на год откладывать брак и что он должен немедленно выбрать невесту из числа благородных девиц высшего креольского общества. Весь предыдущий год мать намекала на то, что добродетельная шестнадцатилетняя Лилиан Шевалье устроила бы ее в качестве невестки как нельзя лучше.

Люсьен подумал о волоокой черноволосой мадемуазель Шевалье, которая была на семнадцать лет его моложе, — такая благочинная и тихая. Аристократическая чистокровность ее семьи подтверждена документами, хранящимися с

незапамятных времен под сводами собора Святого Людовика.

Мадемуазель Шевалье, как и большинство креольских девушек, воспитывалась монахинями монастыря Святой Урсулы в высокоморальном духе, побуждающем всех девиц на выданье сидеть на балах с плотно сдвинутыми коленями и потупленным взором. Для ее супруга должно быть величайшей честью раздвинуть эти девственно сомкнутые колени и приучить свою безответную жену к движениям и звукам, сопровождающим брачное соитие, которое произойдет в затемненной из скромности спальне. И так всегда они будут сходиться на брачном ложе не для того, чтобы любить друг друга, а чтобы произвести на свет очередного чистокровного продолжателя креольской династии.

Люсьен отказывался пожертвовать своей свободой ради вступления в такой фальшивый союз. К тому же, если он женится, это будет несправедливо по отношению к его избраннице – креолке или нет. Его тайная деятельность слишком опасна, чтобы он мог обременить себя семейными узами.

Он подумал об Энни Уэстон. Они не виделись с тех пор, как «Бельведер» пришвартовался в порту Нового Орлеана, но это не мешало Люсьену беспрестанно вспоминать о ней. Он старался стереть из памяти ее золотистый образ и поэтому чаще навещал свою любовницу Микаэлу, надеясь забыться в безудержных оргиях. Но все было напрасно. Он все сильнее хотел Энни.

Иногда, часами бездельничая, он придумывал повод для визита к Кэтрин Гриммс. Но здравый смысл всегда брал верх над желанием, и он воздерживался от визитов, по крайней мере от официальных. Это не мешало Люсьену под покровом ночи проезжать в экипаже по улице, где она жила, притормаживать у входа и смотреть на окно спальни Энни.

Дважды ему повезло увидеть ее, когда она высунулась из окна, чтобы подышать свежим ночным воздухом. Золотистые локоны рассыпались по ее плечам и блестели в лунном свете. Напротив ее окна росло дерево, по которому легко можно было бы забраться в комнату. Дни шли, и дерево казалось Люсьену все более соблазнительным путем. Однажды он заберется по нему в комнату Энни, когда та будет спать. А потом...

Он не осмеливался представить себе, что будет потом. Достаточно лишь посмотреть на нее. Или, может быть, один раз поцеловать...

Внезапный порыв ветерка охладил разгоряченное лицо Люсьена. Он запрокинул голову и закрыл глаза, наслаждаясь ночной свежестью. Она напомнила ему горный ветер, дувший через заснеженные долины Швейцарии в сторону северной Франции, или бодрящую речную прохладу побережья Темзы. Люсьен услышал в ветре насмешливый шепот прежних мест и отзвук давних времен.

Как бы ему хотелось снова стать самим собой, таким, каков он был в Европе! Как бы ему хотелось поговорить с Энни

начистоту, чтобы между ними не было ничего, кроме правды! Этот отвратительный маскарад разрушал его душу...

В дверь постучали. Люсьен отпустил на вечер слуг и не ждал в гости никого. Он прошел через комнату с уверенностью знакомого с обстановкой человека и с беззвучной грацией атлетически сложенного мужчины, привыкшего передвигаться в темноте. Приоткрыв дверь, он выглянул в щель.

– Люсьен, я знаю, что мне не следовало приходить, но...

Люсьен схватил человека за руку и втащил в комнату, после чего выглянул в коридор, нет ли слежки, и запер дверь на замок.

– Господи, Арман, тебе действительно не надо было приходить!

– Меня никто не видел.

– Ты уверен?

– Я был очень осторожен, – кивнул он и бросил на Люсьена умоляющий взгляд. – Я должен был прийти.

Люсьен внимательно разглядывал друга при свете единственной свечи в настенном канделябре. Высокий и гибкий, с темными волосами и медно-коричневой кожей, с печальными миндалевидными глазами, Арман был по-настоящему красив. В его негритянской крови чувствовалась какая-то примесь. Он не был рабом и носил приличествующую джентльмену одежду: ладно скроенный серый костюм, подходящий скорее для публичных балов, куда пускали по билетам. По вискам у него струился пот. Люсьен предположил,

что скорее от волнения, чем от жары.

Арман был явно чем-то очень расстроен. Люсьен привык верить каждому его слову, потому что Арман не только великолепный разведчик, но, что гораздо важнее, человек, на которого можно положиться, и друг, о котором может только мечтать любой мужчина. Они познакомились в интеллектуальных кругах Парижского университета, где Арман учился на физика. Он был сыном квартиронки и богатого американского банкира из Нового Орлеана.

В Париже они с Люсьеном сблизились, выяснив, что их воззрения на проблему рабства сходны. Когда Люсьен поделился с ним своей идеей начать по возвращении в Штаты подпольное аболиционистское движение, Арман выразил желание принять в нем участие.

После нескольких лет, проведенных в Париже, он стал более походить на француза, чем на американца. Теперь французское влияние проявлялось в легком акценте и поэтической краткости английских фраз.

– Что стряслось?

– Боден. Он снова это сделал.

– Что? Изнасилование? – стиснул зубы Люсьен.

– Хуже. Он убил всех троих мужчин, которых мы собирались перевозить на следующей неделе. Один из них проговорился девочке-мулатке – полагаю, он хотел уговорить ее бежать, – которая пользуется особыми привилегиями Бодена за то, что доносит на других.

– Дурак! – вымолвил Люсьен, растирая затекшие мышцы шеи. – Он же знал условия нашего соглашения! Неужели он не понимал, что рискует и подвергает опасности не только себя, но и жизни двух своих товарищей?

– Может быть, он и дурак, но очень смелый человек. И двое других тоже. Наш соглядатай в Бель-Флер видел все собственными глазами и сообщил мне эту печальную новость всего час назад. Боден жестоко избил их. Он хотел, чтобы они сказали, где у нас назначена встреча. Он надеялся преподнести тебе сюрприз, сделать так, чтобы ты вместо рабов наткнулся на отряд вооруженных палачей. С тех пор как мы выкрали его рабов с «Бельведера», Боден объявил тебе вендетту. Но те трое не назвали места встречи, Люсьен, – голос Армана дрожал от еле сдерживаемой злости и возбуждения, – мы должны быть благодарны им за это.

– Менее всего я готов испытывать сейчас благодарность! Хочется взять у Бодена кнут и оставить несколько рубцов на его бесценной шкуре, а потом вздернуть его на этом же самом кнуте! Теперь в Бель-Флер поселится панический ужас. Не найдется ни одного человека, который осмелится попробовать вырваться на свободу, хотя плантация Бодена, готов побиться об заклад, самое проклятое место для рабов на всем Юге.

Арман достал из жилетного кармана платок и вытер лоб.

– Со временем страх начнет сходиться на нет, – сказал он. – Жестокость Бодена и порядки, которые он завел в Бель-

Флер, заставят рабов взбунтоваться, и скоро найдутся новые храбрецы, способные рискнуть и решиться на побег. Тем более что ты прекрасно умеешь эти побеги организовывать и вывозить рабов за пределы штата. Это ведь твой первый... провал.

– Даже один провал – это много, Арман, – сокрушенно вздохнул Люсьен и направился к французским дверям, ведущим на балкон, чтобы еще раз глотнуть свежего воздуха и услышать шепот прохладного ветра. Арман остался позади в тени.

В комнате повисла долгая, мучительная тишина.

– Может быть, это было предзнаменование, – сказал наконец Люсьен, скорее самому себе, чем Арману.

– Что, mon ami?

Люсьен обернулся к Арману и мрачно, самоуничижительно усмехнулся:

– Погода стоит необычно жаркая для этого времени года. Слишком душно, я целый день задыхаюсь. Вышел на балкон и задумался о... разных вещах, и вдруг подул прохладный ветерок. Знаешь, Арман, я уловил в нем запах швейцарских гор. И резкое дуновение ветра с берегов Темзы. Меня охватило жуткое, мистическое чувство. Теперь я понимаю, что это было предзнаменованием, предвестием твоей дурной новости.

– Черные, креолы – все мы суеверны. Возможно, это действительно было предзнаменованием, но не обязательно

плохим.

– Мне лично так не кажется! – гортанно хмыкнул Люсьен.

– Нет, Люсьен. Избиение рабов было вчера. Может быть, этот прохладный ветер – твое спиритическое перемещение в те места, где ты был счастлив и безмятежен, – добрый знак. Возможно, что-то хорошее ждет тебя впереди, что-то, что придет из Европы.

Люсьен тут же подумал об Энни, и сердце быстрее забилося в его груди, но он решительно отогнал от себя глупую, тоскливую мысль и сделал кислую мину:

– Мой друг, это слишком вольная интерпретация прихоти речного ветерка!

– Возможно. – Арман пожал плечами и улыбнулся – чисто французский жест. – Я не предсказатель. Если хочешь узнать свое будущее, тебе нужно сходить к колдунье, королеве вуду.

– Единственное, что я вижу в будущем для себя и Юга, – это борьба и опасности, – покачал головой Люсьен.

– Так будет не всегда, *mon ami*. Ты сможешь сделать так, чтобы на эту землю пришли перемены. Постепенно, не сразу, но жизнь будет меняться – как меняется, выходя из берегов, по весне Миссисипи. И однажды эти изменения станут необратимыми, и тогда никто не сможет препятствовать им. А пока эти времена не наступят, тебе придется действовать втайне, носить маску и играть чужую роль.

Люсьен вздохнул и, отвернувшись, стал смотреть в ночное небо.

– Оно очень милое, Энни, но совсем не белое. – Реджи критически рассматривал сквозь очки темно-голубое платье племянницы.

– Не хочешь же ты, чтобы я вырядилась в белое, как какая-нибудь дебютантка, только что вышедшая из-за школьной парты, дядя Реджи? Господи, мне ведь уже двадцать три года!

– Я подумал, что следует придерживаться традиции и в первый раз выйти в здешний свет в платье соответствующего цвета. Все юные леди, насколько мне известно, впервые показываются в свете на открытии сезона в опере. Там будет море белого и, возможно, всего лишь одно пятнышко темно-голубого.

– Прекрасно, – ответила Энни, надевая золотой браслет поверх перчатки, которая доходила ей до локтя. – Мне не хотелось бы выглядеть еще одним клочком пены на поверхности этого белого моря. Мне нравится отличаться от других. Если же там действительно будет так много совсем молоденьких девиц, то лучше мне надеть что-нибудь оригинальное, чтобы выделяться из толпы. Старая дева вроде меня должна любыми средствами привлекать к себе внимание!

– Какая глупость! – раздался мощный голос Кэтрин, и вслед за этими словами она появилась на пороге гостиной. –

Ты всегда будешь оригинальна, дорогая, вне зависимости от того, какое выберешь платье. Ты прекрасна. Ты пошла в мою породу.

– Ты тоже замечательно выглядишь, тетя Кэтрин, – отозвалась Энни, оценив ее наряд. – В фиолетовом ты настоящая королева.

– Я думаю, что это из-за роста и груди, – согласилась Кэтрин, поправляя волосы, подобранные наверх и уложенные в нарочито простую прическу, которая подчеркивала строгую элегантность ее платья и пелерины.

– Эхм. – Реджи сдавленно хмыкнул и покраснел.

– В чем дело, Реджинальд? – Кэтрин обернулась и смерила его взглядом с головы до пят. Реджи смущенно теребил ус. – Ах да, конечно. Ты тоже наряжен. Всем мужчинам очень идет черный цвет.

– Господи, неужели ты думаешь, что я ждал комплимента? – Он взволнованно переминался с ноги на ногу.

– Но если тебе не хочется быть замеченным и обласканным вниманием, почему ты так странно кашляешь?

– Если хочешь знать, я категорически возражаю против твоего использования слова «грудь» в такой грубой и непристойной манере, не говоря уже о смешанной компании!

– Боже, да ты настоящий ханжа, Реджинальд! Ты считаешь, что Энни никогда прежде не слышала этого слова? Ты очень сдержан, но ради собственного блага больше не возражай. Если ты в своем преклонном возрасте никогда не слы-

шал, чтобы в женском обществе произносилось это слово, мне тебя искренне жаль.

– Избавьте меня от вашей жалости, мадам, – сухо отозвался Реджи с видом оскорбленного достоинства. – Я горжусь своим незапятнанным прошлым, и мне не в чем себя упрекнуть. Хотя оно, вероятно, кажется вам не таким бурным и насыщенным событиями, как ваше. Мы поедем в оперу наконец? Надеюсь, леди, я буду избавлен от ваших оскорблений и вольности манер в таком многолюдном и почтенном месте, как театр?

Реджи бросил устрашающий взгляд на Энни. Он понимал, что никаким влиянием на Кэтрин не обладает и что к ее манерам, вероятно, относятся с терпимостью в том кругу, в котором она вращается уже двадцать лет. Но мнение, которое сложится в свете об Энни, ему было небезразлично. А сегодняшний выезд в оперу во многом повлияет на то, как ее примут в наиболее предпочтительных кругах Нового Орлеана.

Энни не была уверена, что ее и дядюшкины представления о «предпочтительных кругах» совпадают, но не хотела спорить и расстраивать его перед самым отъездом в оперу. Она ласково улыбнулась и ответила как следовало:

– Я буду вести себя как ангел, дядя.

– Тогда пошли? – с облегчением вздохнул Реджи и предложил ей руку. – Экипаж ждет уже четверть часа.

Энни просунула руку в перчатке под локоть Реджи. Он

вел ее через холл к входной двери, когда она сжала его руку и с улыбкой спросила:

– Ты ничего не забываешь, дядя?

– Гардения в петлице, театральный бинокль, деньги, чистый платок в кармане, – нахмурившись, пробормотал он. – Что же я мог забыть?

– Эхм!

Они обернулись на Кэтрин, которая так талантливо его передразнила. Она поджала губы, скрестила руки на груди и, уставившись в потолок, нетерпеливо постукивала носком туфли по персидскому ковру. Лучшего напоминания о том, что – вернее, кого – он забыл, невозможно было представить.

Выше всех своих достоинств Реджи ставил безупречные манеры джентльмена. Снова зардевшись, как роза – в последнее время этот цвет лица стал для него обычным, – Реджи предложил Кэтрин другую руку. Сделав это, он еще раз откашлялся, поймал себя на этом и покраснел еще сильнее.

– Да... э... Кэтрин, почему бы нам... хм... уже не поехать?

Кэтрин ослепительно улыбнулась, как царственная особа, дарующая милость мелкой сошке. Она величественно преодолела несколько шагов, отделяющих ее от Реджи, и протянула ему руку, зажав в другой набалдашник своей вездесущей трости. Энни благодарно сжала локоть Реджи, и они втроем двинулись через холл под шуршание шелка и беско-

нечное поскрипывание новых модных бальных туфель.

* * *

Люсьен приехал в оперу с опозданием. Денди Делакруа считал пунктуальность старомодной. Он сразу направился в отцовскую ложу, намереваясь пробыть там первый акт, а потом потихоньку улизнуть и отправиться в домик на Рампарт-стрит, чтобы утонуть в страстных объятиях своей любовницы. После того как он узнал о последних злодеяниях Бодена, у него пропало всякое желание сплетничать и изображать светского льва в кругу своих «друзей».

В отблеске множества свечей четыре кольца с бриллиантами сверкали на его руке. Перед задрапированным входом в ложу он задержался, чтобы поправить галстук и взбить кружева на белой шелковой рубашке. В петлице его черного вечернего сюртука была белая роза. Последний глубокий вздох – и он готов предстать перед своим семейством.

Люсьен проскользнул внутрь и быстро оценил ситуацию перед тем, как обнаружить свое присутствие. На спектакле, кроме отца с матерью, присутствовали его младший брат Этьен и одна из нескольких сестер, Рене. Для Рене, которой в прошлом месяце исполнилось шестнадцать лет, это был первый выход в свет. Как и остальные его сестры, она была красива – высокая, гибкая, темноволосая.

В первом же антракте ложу начнут осаждать лощеные ка-

валеры, претендующие на ее внимание и благосклонность. Шампанское потечет рекой, пестрым веером конфетти начнут сыпаться комплименты. Уже за сегодняшний вечер она получит несколько предложений, а затем Жан-Люк Делакура, тщательно оценив состояние и генеалогию каждого претендента, сделает выбор вместо Рене. Будет объявлено о помолвке, и она в должное время выйдет замуж по истечении традиционного срока обручения. И хотя Рене отличается от своих сестер, она беспрекословно смирится с волей отца, потому что так принято.

Мать, обернувшись, поманила к себе Люсьена. Он шагнул вперед, поцеловал сестру в щеку, поклонился Этьену, который ответил на его приветствие сдержанным кивком, и занял место рядом с матерью в первом ряду. Этьен критически относился к бесшабашному образу жизни Люсьена и при любом удобном случае демонстрировал свое неодобрение.

Отец изучал публику, разглядывая зал в бинокль, и не обращал внимания ни на великолепную арию, звучавшую со сцены, ни на присутствие сына.

– Мама, ты выглядишь очаровательно, как всегда.

– Люсьен, как я рада тебя видеть! – Она ласково улыбнулась и похлопала его по колену веером, усыпанным жемчугом. Произведя на свет двенадцать детей, из которых только семеро не умерли в младенчестве, Мари Делакура сумела сохранить многие черты молодости и была довольно привлекательна. Ее темные волосы лишь едва тронула седина, а грудь,

стянутая корсетом, была лишь на несколько дюймов полнее, чем тридцать пять лет назад, когда она выходила замуж.

– Вы успели устроиться, мама?

– После того как я столько лет подряд каждую осень заново обживаю городской дом, мне удалось усовершенствовать этот процесс. Вот почему отец настоял, чтобы мы оставались в Бокаже вплоть до открытия сезона в опере. Он считает, что приезжать раньше бессмысленно. Ты знаешь, как он любит поместье.

Люсьен покосился на строгий профиль отца с густыми, зачесанными наверх волосами над высоким лбом, с тонкими, упрямо поджатыми губами.

– Как папа?

– Не так хорошо, как он старается выглядеть, – прошептала мать, нагнувшись к уху Люсьена. – Иногда задыхается. Я опасаюсь за его сердце.

– Жаль слышать это.

– Люсьен, ты так редко приезжаешь в Бокаж!

– Я бываю там так часто, как того требуют дела.

– Ты знаешь, что отец был бы рад, если бы ты приехал просто для того, чтобы повидаться с ним.

– Мама, ты ошибаешься, если думаешь, что мое общество так приятно отцу. Мы можем обсуждать урожай, а сказать друг другу нам нечего. Он не станет говорить со мной о своем здоровье, а я привык не задавать вопросов, чтобы не нарваться на скандал.

– Он был бы так счастлив... – Она замолчала и порывисто сжала его руку, так что острые грани бриллиантов врезались в его пальцы. – Мы оба были бы так счастливы, если бы ты женился в этом году, Люсьен.

– Ты хочешь дискутировать на эту тему, мама? – беспечно усмехнулся он.

– Люсьен, ты виделся с Лилиан Шевалье с тех пор, как они приезжали к нам прошлой весной? Она так повзрослела, похорошела. Вот, возьми мой бинокль и посмотри на нее. После Рене, по-моему, это самая красивая девушка из присутствующих здесь.

Он нехотя взял из рук матери бинокль. И вдруг вспомнил, что у Кэтрин Гриммс тоже есть ложа в театре и что она неизменно бывала на открытии сезона. Погруженный в тягостные раздумья по поводу убийства в Бель-Флер, Люсьен упустил из виду, что может увидеть здесь Энни Уэстон. От этой мысли сердце его воспарило под своды оперы Нового Орлеана. Он вцепился в бинокль с мальчишеским нетерпением, которое испугало его самого.

Повинуясь чувству долга, он сначала направил бинокль на ложу Шевалье. Люсьен быстро нашел ее, следуя подробным указаниям матери, и бегло осмотрел мадемуазель Шевалье. Она была вполне хорошенькой, пухлой в нужных местах, краснотубой, темноволосой, одетой в традиционное белое платье. При этом живости и подвижности в ней наблюдалось не больше, чем в мраморной статуе.

– Хороша, правда, Люсьен? Считаешь ли ты, что она очень мила?

Но Люсьен уже направил бинокль правее и выше ярусом. Он любовался прекрасным видением в темно-голубых тонах, восхитительной девушкой, на губах которой играла улыбка, а глаза возбужденно искрились. Среди гостей Кэтрин Гриммс, которых она пригласила в свою ложу, Энни Уэстон выделялась, как дикорастущая роза среди полевых маргариток.

Она была именно такой, какой он ее запомнил, но еще более желанной. Рядом с ней сидел человек, репутация которого была хорошо известна Люсьену, – Джеффри Уиклифф, репортер американской газеты «Пикайун». Они о чем-то шептались и смеялись как старые друзья.

– Люсьен, что ты думаешь о ней? – толкнула его мать.

– Я думаю, что она прекрасна, – искренне отозвался он, не спуская глаз с Энни.

– Я знала, что она тебе понравится. Ты заглянешь к ней в ложу в антракте?

– К кому, мама?

– А о ком ты думаешь? Ты собираешься нанести визит Шевалье?

– У меня не будет времени. – Люсьен протянул матери бинокль.

– Почему?

– Потому что у меня назначена деловая встреча.

– Но, Люсьен, ты же можешь зайти ненадолго, только чтобы сказать bon soir?⁸

– Вот увидишь, к ней в ложу потянется вереница поклонников, чтобы сказать bon soir. Уверен, что я не затеряюсь в этом столпотворении.

– Тем более тебе следует пойти. Или ты хочешь уступить такую хорошенькую девушку кому-то другому?

Люсьен всерьез задумался над этим вопросом. Разумеется, у него не было шансов помешать Энни Уэстон влюбиться в кого-нибудь из многочисленных соискателей ее благосклонности. У него не было на это права, как и желания увиваться возле нее. Но он испытывал страстное желание быть рядом с ней. Теперь, снова увидев ее, Люсьен понял, что готов многим пожертвовать ради того, чтобы провести с ней несколько бесценных мгновений. Пусть даже она возненавидит его за это.

Первый акт окончился, бархатный занавес упал на сцену. Люсьен встал, поцеловал на прощание мать, обменялся для приличия любезностями с отцом, братом и сестрой и вышел из ложи, прежде чем в нее хлынули первые поклонники Рене. Он вышел в фойе, быстро поднялся на ярус, где была ложа Кэтрин Гриммс, и, пробормотав себе под нос: «Будь проклята осторожность!» – вошел внутрь.

⁸ добрый день (фр.).

Глава 5

– Мистер Уиклифф, вы вынудили меня рассказывать о себе на протяжении всего первого акта! – весело воскликнула Энни. – Вы меня смутили, и дядя Реджи смотрит неодобрительно.

– Надеюсь, он не станет журить вас из-за меня. Клянусь, я никогда не думал, что так люблю «Севильского цирюльника».

– Вы всегда находите нужный ответ? – заметила Энни.

– Вы же знаете, я писатель, – улыбнулся в ответ Джефффри Уиклифф, и в уголках его карих глаз появились лучики морщин. – В опере я всегда чаще с кем-нибудь разговариваю, чем слушаю спектакль, но никогда прежде мне не везло оказаться рядом с очаровательной девушкой, которая была бы так увлечена происходящим на сцене, мисс Уэстон.

– Вот как! А разве вам не понравилась опера? – рассмеялась Энни. – Как неучтиво с вашей стороны признавать это! Впрочем, мне очень приятна ваша искренность, которая давно вышла из моды. Но скажите, если вы не поклонник драмы и музыки, то зачем пришли сюда?

Энни почувствовала, что кто-то вошел в ложу, но не хотела прерывать разговор с мистером Уиклиффом и предпочла не замечать визитера как можно дольше, насколько допускали рамки приличия.

– Я хожу в оперу, потому что так принято. Мне нравится наблюдать высшее общество, когда публика, причудливо украшенная драгоценностями, разыгрывает заранее расписанные роли. Мною движет природное любопытство журналиста.

– И природный цинизм, я полагаю. – Энни бросила на него пронизывающий взгляд. В черном вечернем костюме и с традиционной белой гарденией в петлице, он казался ей не таким, как все. К его прямым, песочного цвета, волосам, к открытому, привлекательному, чисто американскому лицу с ясными глазами и квадратным подбородком больше подошли бы высокие ботинки и штаны из кожи буйвола. – Однако вы одеты как и другие, мистер Уиклифф... А вы какую роль играете?

– Я – хамелеон, мисс Уэстон, – доверительно сообщил он ей, понизив голос. – Я умею приспособливаться к окружающему ландшафту. Я вписываюсь в любую обстановку, где бы ни оказался, но при этом никакой роли не играю. Я всегда остаюсь самим собой.

– А кто вы?

– Ничего выдающегося. Простой сирота из Балтимора, который обладает сноровкой водить пером по бумаге.

– Почему вы уехали из Балтимора?

– Там мне нечего делать, – пожал широкими плечами Джеффри. – У меня нет семьи, состояния тоже нет. Я поехал туда, где надеялся чего-то добиться в жизни. И вот я здесь.

– Вы – амбициозный человек.

– Очень. Потому что у меня нет выбора.

– А вам бы хотелось его иметь?

– Разумеется, я нахожу увлекательным то, что мне придется обламывать ногти и зубы, карабкаясь вверх по скале жизни. – Его глаза весело блеснули.

– Вы дразните меня, но я, однако, чувствую, что вы продолжаете говорить правду.

Он снова уклончиво пожал плечами и застенчиво улыбнулся.

– Новый Орлеан – удивительное место, – сказал он. – Он стоит на почве, которая таит в себе источник глобальных перемен. Писать об этих грядущих переменах и, может быть, отчасти провоцировать их своим пером – это невероятно занимательно.

– Я читаю все ваши статьи с тех пор, как приехала сюда. Мне понятно и близко все, что вы пишете, в частности о проблеме рабства и аболиционизме. Особенно мне нравятся ваши отчеты о смелых набегах Лиса. – При этих словах Энни почувствовала, что ее щеки и шея стали пунцовыми. Всякий раз при мысли о Ренаре она вспыхивала, как школьница, хотя уже прошло две недели со дня их встречи на пароходе.

К счастью, Джеффри не заметил в ней этой перемены. Он вдруг заговорил серьезно, отбросив даже тень насмешки:

– Я уважаю и высоко ценю этого человека. Если бы мне не был присущ цинизм, я назвал бы Ренара героем на все

времена.

– Не допускайте, чтобы цинизм помешал вам прийти к такому естественному умозаключению, мистер Уиклифф, – сказала Энни, радуясь тому, что нашла единомышленника. Она доверительно склонилась к его плечу и импульсивно сжала его руку. – Потому что Ренар действительно герой.

– Кого вы назвали героем, мадемуазель Уэстон? Может быть, вы говорили обо мне?

Энни подняла голову и увидела перед собой насмешливые глаза Люсьена Делакруа. Она не видела его с тех пор, как сошла на берег с «Бельведера». Все это время она пыталась забыть о его существовании, но безуспешно. Ее против воли тянуло к этому человеку, и она укоряла себя за то, что поддалась его внешнему мужскому обаянию. После того как ее поцеловал по-настоящему сильный, отважный мужчина – Ренар, – такая слабость казалась ей неуместной и непростительной.

Люсьен Делакруа был в этот вечер еще более неотразим. И казался самодовольным. Его сардонический взгляд на какое-то время приковал ее к месту, но Энни отвела глаза и посмотрела с некоторым удивлением на свою руку в перчатке, которая все еще покоилась на локте Джеффри Уиклиффа.

Энни заметила, что Люсьен не одобряет такого проявления дружеской близости, и рассердилась. Какое он имеет право судить ее? Если ей нравится свободно держаться с мужчиной, с которым она только что познакомилась, то это

не его дело. Движимая праведным гневом, она продержала свою руку на локте Джеффри еще несколько мгновений, после чего протянула ее Делакруа с вызывающей улыбкой:

– Мистер Делакруа, рада видеть вас снова.

Он поцеловал ей руку, и прикосновение его губ вызвало странную дрожь во всем ее теле.

– А я рад видеть вас, мадемуазель. Вы, как всегда, похожи на чудесное видение. Надеюсь, вы удобно устроились в своем новом доме?

– Спасибо, вполне удобно. Вы знакомы с мистером Уиклиффом?

Делакруа смерил Джеффри надменным, нетерпеливым взглядом, словно не желал брать на себя труд знакомиться с ним. Джеффри поднялся, и они пожали друг другу руки.

– Мы уже встречались с месье Уиклиффом.

– Да, встречались. Я делал репортаж об игорных домах Нового Орлеана, и мистер Делакруа фигурировал в нем чаще других.

Делакруа вежливо улыбнулся, очевидно, не придавая никакого значения унижительной характеристике, которую ему дал Джеффри.

– Помнится, в ту ночь мне чертовски везло. Если бы вы задержались подольше, то смогли бы включить в свой репортаж отчет о вечеринке, которой я отпраздновал выигрыш. Нынешний читатель любит сообщения обо всем, что отдает дебоширством. Такие новости лучше продаются, не так ли?

Джеффри поджал губы и не ответил. Энни вынуждена была признать, что Делакруа сумел побить противника его же оружием. Конечно, он был грубияном, но, без сомнения, умным. Делакруа медленно перевел взгляд на нее. Его глаза лукаво сияли и в полумраке ложи казались такими же черными, как его сюртук.

– А что думаете о дебоширстве вы, мадемуазель Уэстон?

– У меня мало опыта в подобных делах, – натянуто ответила она, не сомневаясь, что ее тон позабавит Делакруа.

– Человек, не имеющий возможности вести разгульную жизнь, может по крайней мере прочесть о тех, кто такую жизнь ведет. Позвольте мне поставить вопрос иначе. Вам нравится читать скандальную хронику?

– Я всегда предпочитала романы газетам, – призналась она, сдерживая улыбку и ненавидя себя за то, что находит его таким привлекательным. – Но в романах те, кто ведет недостойную жизнь – а именно дебоширы и повесы, – обычно в конце погибают.

Делакруа глубокомысленно кивнул, и при свете свечей стало особенно заметно, какие густые и пышные у него волосы.

– Я считаю, что это очень верно и поучительно для юношества. Но мистер Уиклифф пишет о реальной жизни и реальных людях. А газеты часто свидетельствуют о том, что плохие люди обычно уходят от ответственности и никогда не расплачиваются за свои преступления.

– Именно поэтому нам нужны герои, мистер Делакруа, – сказала Энни. – И один из них Ренар. Мистер Уиклифф постоянно пишет о нем. Вы знаете, кого я имею в виду?

– Ренара знают все. Мне он представляется глупцом, который рискует собственной шкурой неизвестно во имя чего.

Энни тут же рассердилась и готова была завести свой любимый спор о несправедливости рабства и необходимости его отмены, но Делакруа успел аккуратно направить разговор в другое русло:

– Как вам понравился Новый Орлеан? Похоже, что Новому Орлеану вы понравились. – Он кивнул в сторону двери, через которую в ложе появилось довольно много мужчин, спешащих представиться Энни. Здесь были также три дамы, которые смотрели на Делакруа как на большую конфету. Кэтрин задержала их у входа, пока Реджи разливал шампанское. Энни подивилась тому, что Делакруа удалось беспрепятственно миновать кордон, выставленный ее словоохотливой тетушкой.

– Все, что я успела увидеть, мне понравилось. Но к сожалению, я пока видела немного. Тетя Кэтрин все это время была очень занята хлопотами по дому и неотложными визитами. Мне бы хотелось осмотреть город, но дядя Реджи не позволяет выезжать одной – даже в сопровождении камеристки и двух лакеев, – а сам составить мне компанию отказывается. Он говорит, что сейчас слишком жарко для прогулок по городу.

Энни поймала себя на том, что в ее голосе невольно прозвучали жалобные нотки, и решила исправить положение. Ей не хотелось казаться неблагодарной.

– Дядя еще не привык к климату, – добавила она бодро. – Иногда мне жалко, что я не родилась мужчиной и не могу делать то, что хочу. Тогда я никому не была бы в тягость!

– Вашего дядю не в чем винить, – сказал Делакруа, щелчком сбросив с рукава едва заметную пылинку, после чего снова обратил на нее пристальный взгляд. Его улыбка была ленива, а в глазах сверкало лукавство. – Такая очаровательная английская девушка не продержится и десяти минут на улицах суматошного и склочного Французского квартала.

– Послушайте, Делакруа... – начал было возражать Джеффри. Манера Делакруа выражаться прямолинейно действительно была не вполне учтивая, но Энни это нравилось.

– И что бы вы мне посоветовали? – спросила она Делакруа.

Он склонил голову набок и прищурился, изучая ее. При свете свечей четко обозначилась линия его мужественного подбородка.

– Я предложил бы вам себя в качестве эскорта, но вы знаете, что в обществе такого дебошира, как я, вы будете в еще большей опасности.

– Разумеется, – пробормотала Энни и почувствовала мгновенную произвольную дрожь.

Их глаза встретились на довольно продолжительное вре-

мя, но он взял себя в руки и, приняв небрежную позу, произнес с нарочитой медлительностью:

– Так что советую вам, мадемуазель Уэстон, слушаться старших.

– Если бы я была двадцатитрехлетним мужчиной, мне позволяли бы выходить из дома без охраны, – возмутилась Энни. – Это несправедливо!

– Но вы не мужчина, и я чрезвычайно рад этому факту. – Делакруа приложил правую руку к белоснежным кружевам на груди, поклонился, прикрыв глаза, желая тем самым выразить восхищение и уважение к ее полу. Его густые ресницы при этом отбрасывали на щеки длинные тени.

Как и раньше, инстинктивное, безотчетное влечение к этому красивому мужчине испугало Энни и заставило ее сердце биться учащенно. Она рассердилась на себя и обернулась к Джеффри, надеясь путем сравнения – один из них благороден, другой – отъявленный подлец – отвлечься от неприятных ощущений. Отодвинувшись в сторону от Делакруа, словно опасаясь его «подлого» присутствия, она заметила, что Джеффри смотрел на него со смешанным чувством ненависти и... зависти. Нет, на его помощь рассчитывать не приходилось.

– Мисс Уэстон – сторонница равноправия женщин, Делакруа, – сказал Джеффри. – В нашей дискуссии во время первого акта она высказала мнение, что женщины должны обладать теми же правами и свободами, что и мужчины. – Он

с улыбкой повернулся к Энни: – Однако я согласен с вашим дядей. Избирательное право – это одно, и здесь я полностью разделяю вашу точку зрения, а прогулки по городу без эскорта – совсем другое.

Энни выслушала его слова с разочарованной улыбкой, слегка склонив голову набок. Ей было проще принимать советы со стороны любого другого мужчины, но только не от Делакруа, который обладал способностью выводить ее из себя, не прилагая особых усилий.

– И почему я нисколько не удивляюсь тому, что мадемуазель Уэстон ратует за право женщин принимать участие в выборах? – с ленивым любопытством и невыносимой снисходительностью в голосе спросил Делакруа. – Наверное, потому, что она очень отличается от традиционного идеала женщины, который принят у креольских мужчин.

– Вы раните меня в самое сердце, сэра, – ответила Энни с едким сарказмом. – Поскольку, да будет вам известно, я больше всего на свете мечтаю походить на креольский идеал женщины.

Ее поразил хохот, которым вдруг разразился Делакруа. Широко раскрыв глаза, она смотрела, как содрогается его мощная шея – он смеялся, запрокинув голову, – и не переставала изумляться такой безудержной энергии, которая казалась странной в таком лентяе. Ее заворожили открывшиеся в блистательной улыбке белоснежные зубы, мощный торс, волна черных волос, упавших на лоб. Эта оживленная реак-

ция на ее слова была ей приятна и – как стало понятно в следующий момент – оскорбительна.

В том, что она сказала, не было ничего смешного, а он продолжал хохотать. Энни поняла, что он смеется над ее современными взглядами на женское равноправие, которое стояло в одном ряду с ее представлениями о правах человека вообще. «Как легко ему смеяться над моими убеждениями, когда он не имеет собственных», – возмущенно подумала она.

Он, без сомнения, считал ее напыщенной, эмансипированной англичанкой. Она его считала грубияном.

В этот момент три дамы протиснулись наконец в глубь ложи и обступили Делакруа. Почувствовав, что задыхается от обилия пышных юбок из тафты и шелка, Энни поднялась и, подойдя к Джефффри, машинально взяла его под руку.

– Делакруа, – кокетливо протянула блондинка, вцепившись в его локоть, – расскажи, что это так тебя развеселило?

– Да, Люсьен, – прильнула к нему другая, брюнетка. – Наверное, что-то необычайно смешное. Мне так нравится твое чувство юмора, проказник!

Третья вертелась тут же, готовая подхватить Делакруа, если бы у него вдруг выросла еще одна рука. Очевидно, что все они явились в ложу вовсе не для того, чтобы познакомиться с Энни. Они пожаловали сюда из-за Делакруа.

Мгновенно перестав смеяться, он похлопал по дамской ручке, затянутой в перчатку, которая лежала у него на локте:

– Мы нарушаем изысканную благопристойность оперной ложи мадам Гриммс, леди. Предлагаю выйти в фойе, где никто не помешает нам веселиться, как нам хочется. – И добавил, склонившись к самому уху брюнетки: – Или как мы осмелимся.

– Дорогой Люсьен, – она погладила его по руке, – с тобой я готова идти куда угодно!

Делакруа лукаво улыбнулся, кивнул и подмигнул Энни на прощание, после чего пронесся мимо к выходу с двумя дамами, повисшими у него на локтях, и еще одной – ей повезло меньше, – которая волочилась сзади, пожирая его влюбленными глазами. Едва переступив порог ложи, все четверо расхохотались с новой силой.

– Господи! – потрясенно прошептал Реджи, украдкой подступив к Энни. – Что за отвратительные манеры!

– Ничего другого ожидать от Делакруа не приходится, – отозвался Джефффри, презрительно хмыкнув. – Не понимаю, что все эти дамочки в нем находят – не считая его денег, конечно.

Энни безошибочно распознала зависть в его тоне, хотя он вроде бы откровенно ненавидел Делакруа. Она не могла разобраться в своих чувствах. Конечно, она была оскорблена его снисходительностью и пренебрежением. Делакруа задел ее самолюбие. Но почему этот человек обладал такой властью над ней?

– Энни, дорогая, здесь множество моих друзей, с кото-

рыми я хочу познакомить тебя. – Голос Кэтрин ворвался в поток ее бессвязных мыслей, и только теперь она заметила, что в ложе толпятся щегольски одетые кавалеры, которым не терпится обратить на себя ее внимание. И еще она заметила, что по-прежнему держится за локоть Джеффри Уиклиффа.

Энни смутилась. Она бросила взгляд на Джеффри, увидела, что он смотрит на нее с усмешкой, и поспешно отняла руку, – Простите, мистер Уиклифф, – шепнула она ему. – Я несколько растерялась и забылась.

– Вы нравитесь мне больше всего, когда забываетесь, мисс Уэстон, – прошептал он в ответ.

Энни невольно улыбнулась, что было очень кстати, поскольку ритуал знакомства требовал благорасположенного выражения лица.

* * *

– Что стряслось, cher?⁹ – Золотисто-карие глаза Микаэлы полны здорового любопытства и сострадания.

Она протянула руку и убрала прядь волос со лба Люсьена. Они сидели на диване в ее маленькой, уютно обставленной гостиной. Роскошное тело Микаэлы прикрывал пленительно прозрачный пеньюар, который Люсьен сам выбрал для нее, но с тем же успехом на ней мог быть надет балахон из дерюги.

⁹ дорогой (фр.).

– Ничего, Микаэла, – ответил Люсьен, нагнувшись и обхватив голову. – Просто устал.

Повисла долгая пауза, которую осторожно нарушила Микаэла:

– В последнее время ты очень устаешь, Люсьен.

– Да.

Что еще он мог сказать? Лучшего оправдания не придумать. Сначала он старался как можно больше времени проводить в постели с Микаэлой, чтобы не думать об Энни, но оказалось, что это не помогает. А за последнюю неделю – задолго до их вчерашней встречи в опере – он совершенно утратил желание заниматься с Микаэлой любовью. Как можно объяснить любовнице, что тебе хочется просто... поговорить?

После отвратительной сцены в театре, когда он так грубо оставил Энни, Люсьен считал себя негодяем. Он причинил ей боль – это было видно по ее глазам. Но он почувствовал тогда, что сползает, сползает... в пропасть, с существованием которой не может смириться в такой сложный период своей жизни. Ему слишком сильно нравилась Энни Уэстон, и если бы он провел с ней в ложе еще несколько минут, то не исключено, что готов был бы наброситься на нее и повалить на пол с порочными намерениями. Он поступил с ней грубо в целях самообороны, убравшись оттуда как можно быстрее, хотя и произвел неприятное впечатление.

– Ты сегодня какой-то сердитый, Люсьен. На меня, cher? –

Микаэла погладила его по руке.

– Нет, не на тебя. На себя самого. – Люсьен выпрямился, взял ее руку и рассеянно сжал в ладони.

– Почему? Ты сделал что-то дурное?

– Да. – Он криво улыбнулся. – Ты удивлена?

Она улыбнулась в ответ, ободрившись, и придвинулась к нему ближе.

– Я могу сделать так, чтобы ты забыл об этом... – Она обняла его за шею и поцеловала.

Люсьену это было безразлично.

Микаэла изумленно отстранилась. В постели она была необычно, невероятно красива и восхитительно откровенна. Но это не Энни. Люсьен на мгновение прикрыл глаза, представляя, что она – Энни. Воображение уносило его все дальше, и он представил себе золотистые волосы Энни, разметавшиеся по подушке, страстно сверкающие голубые глаза, нежный, влажный язычок, умолкнувший от его поцелуев...

– Люсьен?

Он открыл глаза. Микаэла пересела на подлокотник дивана и издали наблюдала за ним.

– Прости, – сказал он, понимая, что извинение неуместно, но не знал, что еще сказать.

– Все в порядке, cher, – ответила она. – Расскажи мне о ней.

– Неужели это так заметно? – смущенно улыбнулся он.

– Да. Итак, расскажи мне о ней. Я выслушаю тебя.

– Нет, я не хочу говорить о ней. – Люсьен покачал головой. Ему не следовало не только говорить, но даже думать об Энни. Он благодарно улыбнулся Микаэлу: – Спасибо тебе за понимание. Но сейчас единственное, чего мне по-настоящему хочется, – это чашечка крепкого кофе.

– Все, что хочешь, cher. – Она с улыбкой поднялась и отправилась на кухню.

* * *

Энни печально вздохнула, глядя в окно. Их экипаж медленно ехал по Французскому кварталу к дому. Шел дождь, дорогу покрывал толстый слой грязи, в сточных канавах бурлила глинистая вода. Город освещали масляные лампы, висящие на цепях на каждом перекрестке.

Реджи дал понять Энни, что не одобряет то, как она повела себя с Уиклиффом, позволив ему завладеть ее вниманием на весь вечер. Энни не могла придумать подходящего оправдания, поскольку понимала, что проявила безответственность, уделяя Джеффри слишком много времени.

Возможно, она пробудила в нем романтические чувства, импульсивно опершись на его руку, когда Делакура так бесцеремонно покинул ложу. А до этого она прикасалась к его руке, позволив себе против всяких приличий затянуть это прикосновение только для того, чтобы досадить Делакура. Странно, что Люсьен побудил ее повести себя несвойствен-

ным для нее образом, только чтобы вызвать его раздражение. Энни не могла объяснить этого не только Реджи, но и самой себе.

Так что ее поведение с Джефффри было понятнее ей, чем Реджи. Дядя снобистски отнесся к сиротскому прошлому Джефффри, а его неодобрение амбициозных намерений в отношении Энни пробудило в ней решимость узнать журналиста получше.

Поскольку Кэтрин на этот раз не вмешивалась в спор, Энни, устав от бурной дискуссии, постаралась ее прекратить. Она рассмеялась и откинулась на плюшевые подушки сиденья.

– Я польщена неусыпной, заботой обо мне, дядя Реджи, но ты слишком торопишься с выводами. Ты говоришь так, словно я собралась замуж за Джефффри Уиклиффа. Он мне нравится – очень нравится, – пожалуй, я даже восхищаюсь им, но я не сумасшедшая, чтобы выходить за него! Не волнуйся, я не стану спешить в таком важном вопросе, как брак.

Эти прочувствованные слова Энни окончательно успокоили Реджи. Он тоже с видимым облегчением откинулся на подушки, и его лицо растворилось в сумерках. Они продолжили свой путь к Фобург-Сент-Мэри в полном молчании, так что Энни имела возможность погрузиться в размышления о наиболее интересных мужчинах, с которыми она уже успела познакомиться в Америке. Джефффри, Ренар, Делакура. Да, Делакура.

Но прежде всего Джеффри. Он более других соответствовал тому образу мужчины, которого она надеялась здесь встретить. Он был самостоятелен, честолюбив и занимался важным делом. И конечно, он был привлекателен. Однако Энни истинную причину своего увлечения Джеффри предпочла мудро утаить от Реджи. Дело в том, что журналист и она были явными поклонниками Ренара. Энни понимала, что это достаточное основание для того, чтобы они стали друзьями. Но она сомневалась в том, что между ней и Джеффри возможны романтические отношения. Он не действовал на нее так, как Ренар, не заставлял ее сердце выпрыгивать из груди.

Ренар был ее романтическим идеалом. Их случайная встреча на «Бельведере» представлялась Энни чудесным осуществлением золотой мечты. Она не надеялась и не рассчитывала на то, что они встретятся снова. Но то, что она почувствовала в его объятиях, несмотря на краткость и мимолетность этих ощущений, совершило переворот в ее душе. Теперь она всегда будет других мужчин сравнивать с ним. Но при таком неизбежном и очень серьезном соперничестве разве обычный человек сможет завоевать ее руку и сердце?

Оставался Делакруа. Энни покачала головой и невольно улыбнулась, но улыбка ее была горькой. Ее огорчила его сегодняшняя выходка. Он оставался для нее человеком-загадкой. В нем было что-то, что волновало ее. Неужели это простое любопытство? Он, несомненно, очень умен... Может

быть, она очарована его умом? Или она настолько поверхностна, что может пренебречь его чванством, высокомерием, аморальностью и дурными манерами и увлечься его физической красотой?

Она терялась в догадках. Но Делакруа все же сумел затронуть ее сердце, и не единожды...

Энни закрыла глаза. Засыпая, она думала о том, что американские мужчины очень разные.

Глава 6

Косые лучи полуденного солнца падали на ярко-красный с фиолетово-синими разводами персидский ковер, которым был застлан пол в гостиной Кэтрин. Солнечный свет, преломляясь в стеклах высоких французских окон, подсвечивал картины с экзотическими сюжетами, причудливые безделушки и статуэтки, расставленные на маленьких столиках.

Возле дивана на чугунной подставке стояла ваза с розами, желтые бутоны которых гармонировали с цветом платья Энни. Она читала последнюю статью Джеффри в «Пикайун», а он внимательно наблюдал за ее реакцией. В гостиной стояла тишина, которую нарушали лишь шелест страниц и глухое тиканье бронзовых часов на мраморной каминной полке.

Закончив чтение, она свернула газету, отложила ее в сторону и, глубоко вздохнув, с улыбкой взглянула на Джеффри:

– Разве Ренар не великолепен? Неужели он действительно все это совершил? И скажите, Джеффри, как вам удастся первому узнавать о делах Лиса?

После трех недель почти ежедневного общения – они виделись не только в обществе и на частных приемах, но и в доме Кэтрин – Энни и Джеффри стали хорошими друзьями и называли друг друга по имени.

– На какой из этих вопросов ответить сначала? – усмехнулся он.

– На все по порядку.

– Хорошо. Ренар действительно великолепен. Мы всегда придерживались такого мнения. Да, он действительно устроил побег пятерым рабам из дома Латроба на Бурбон-стрит, из самого центра города, и остался при этом незамеченным. А что касается того, каким образом я узнаю новости раньше других... – Он пожал плечами.

– Вы мне не скажете? Как неучтиво с вашей стороны, Джеффри. – Энни шутливо ударила его по плечу. – Я думала, что мы давно уже делимся друг с другом всем.

– Нет, не всем, Энни. – Он бросил взгляд на дверь и понизил голос: – Мы, например, еще ни разу не целовались, и вовсе не из-за недостатка заинтересованности с моей стороны. Может быть, у нас просто не было возможности? Кстати, где наш старый сторожевой пес?

– Если вы имеете в виду дядю Реджи, то я тоже удивлена его отсутствием, – рассмеялась она. – Думаю, он непременно появился бы, если бы знал, что тетя Кэтрин выбирает в гардеробной шляпку и оставила нас наедине. Я полагаю, что она специально это устроила. Ее нет уже несколько минут.

– Я ей нравлюсь.

– Да, я знаю. Ей всегда нравились литературно одаренные мужчины. Но скорее всего она просто следит за тем, какие цветы собирают для кладбища слуги. Вы ведь знаете, что на День всех святых ей приходится украшать могилы трех мужей. Сегодня прекрасная погода, и все кладбище будет уто-

пать в только что срезанных цветах. Вы можете поехать с нами, Джеффри.

– Нет, благодарю вас, – поморщился он. – Я не люблю кладбищ, даже празднично украшенных. Поскольку у меня нет родственников, я избавлен от обязательных посмертных визитов к усопшим.

Энни вздрогнула и улыбнулась. Ей нравилась его манера изъясняться, но удивляла душевная черствость.

– Это очень бессердечно с вашей стороны.

– Да нет, просто откровенно. Возвращаясь к разговору о поцелуе... – Он снова покосился на дверь и подсел ближе на несколько дюймов. – Я нравлюсь вашей тете, а вам?

– Разумеется.

– Точнее, нравлюсь ли я вам настолько, чтобы вы захотели поцеловать меня? Если это так, то сейчас очень подходящий момент сказать мне об этом... и продемонстрировать.

Энни взглянула в полные страстного желания глаза Джеффри. Они были ясными, искренними, пылающими. Он действительно нравился ей. Но она не была уверена в том, что хочет с ним целоваться. Он взял ее руку и стиснул в своих прохладных и твердых ладонях. Она внимательно посмотрела на плосковатые кончики его пальцев, широкие суставы и чистые, коротко стриженные ногти. На большом пальце темнело чернильное пятно. По какой-то неуловимой причине она стала мысленно сравнивать руки этого честного работника с руками Делакура, которые больше походили на руки

художника или музыканта – тонкие, чувственные, сильные и вместе с тем грациозные.

– Энни, – ласково, но настойчиво обратился к ней Джеффри, – вы дали мне повод надеяться, что я могу стать для вас больше чем другом.

Он говорил правду. Она флиртowała с ним с того самого вечера, когда они впервые встретились в опере. Все это время она искренне полагала, что с радостью поцелует его, когда наступит подходящий момент. Но теперь она все больше склонялась к мысли, что не стоит этого делать. Вряд ли Джеффри смог бы когда-нибудь стать для нее больше чем другом. Во всяком случае, не так скоро.

– Джеффри, вы мне очень нравитесь. И я отношусь к вам не так, как к другим. Только...

– Только что, Энни? Я понимаю, что я не Ренар, но надеюсь, что вы нас не сравниваете. Ни один мужчина не выдержит сравнения с такой героической личностью.

Энни вспыхнула. Он невольно попал в самую точку. Она сравнивала его с Ренаром. Он не догадывался о том, что они с Ренаром встречались и что у нее может появиться возможность сравнить его поцелуй с поцелуем Джеффри. Энни понимала, что глупо проводить время в мечтаниях о романтическом разбойнике, особенно рядом с реальным мужчиной, наделенным множеством блестящих качеств. Возможно, Джеффри не удастся заставить ее сердце биться учащенно, потому что она просто привыкла к нему. Может быть, ес-

ли она его поцелует, то это изменит ее чисто платонические чувства к нему. В конце концов восторжествовала совесть: Энни решила, что должна ему по крайней мере один поцелуй.

– Хорошо.

– Вы хотите сказать, что позволяете мне поцеловать вас? –

Он замер.

– Именно. – Она закрыла глаза и приготовилась, но вдруг ей в голову пришла блестящая идея. Она открыла глаза в тот момент, когда Джеффри закрыл свои. – Только сначала скажите мне, как вы добываете информацию о Ренаре.

– Ах, шалунья! Это же шантаж! – Джеффри отстранился, в шутку возмущившись.

– Да. А теперь рассказывайте.

Он хмыкнул и осторожно убрал ей за ухо выбившийся из прически локон.

– Я не могу открыть вам профессиональную тайну.

– Но почему?

– Потому что это может быть опасно для вас, – серьезно ответил он. – Те кроты, которым я плачу за то, что они роют землю, вынюхивая для меня информацию, пользуются сомнительной репутацией.

– Я не могу представить себе, что вы имеете дело с такими людьми, Джеффри, – нахмурилась Энни.

Ясные глаза Джеффри злобно сузились, придав его лицу угрожающее выражение. Это потрясло Энни. Она перестала

узнавать в нем своего обаятельного друга.

– Помните, Энни, я говорил вам, что я – хамелеон. Я приспособливаюсь к любой обстановке.

Странное выражение мгновенно стерлось с его лица, и Энни подумала о том, уж не показалось ли оно ей таким страшным.

– Эти «кроты», которым вы платите, работают на Ренара? Неужели среди его сообщников есть предатели?

– Вы очень скоры на выводы, – сначала удивился, а потом восхитился ходом ее мыслей Джефффри. – Мои информаторы собирают сплетни на улицах. На слухи не всегда можно положиться, но зачастую они соответствуют действительности. Однако для их проверки у меня есть надежный человек, член местной организации Ренара, которая очень малочисленна из соображений безопасности.

– Этот человек сообщил вам, кто такой Ренар?

– Нет. Он поставляет мне лишь пикантные подробности, факты, которые я могу использовать в своих статьях, но ничего, что могло бы поставить под угрозу их операции. Этот человек любит деньги. По-моему, он пристрастен к опию, как и большинство грязных типов, с которыми я общаюсь. Он очень раздражителен и сильно потеет.

– Такой человек может быть опасен для Ренара, – взволнованно заметила Энни.

– Пока нет. Но со временем – возможно. Награда за поимку Ренара увеличивается с каждым днем. Этот парень может

захотеть выдать Ренара и обменять его на наличные. Этим денег хватило бы на покупку достаточного количества опиума, чтобы хватило надолго.

– Некоторые люди готовы на все ради денег, – задумчиво вымолвила Энни.

– Что ж, деньги равнозначны власти, – небрежно заметил Джеффри. – Ну, где же обещанный поцелуй?

После его последнего заявления у Энни отпала всякая охота с ним целоваться, но выхода не было. Она закрыла глаза и стала ждать. Она ощутила прикосновение его губ и поразовалась, что не испытывает отвращения. Это было даже приятно. Он обнял ее за талию большими, сильными руками и впился в ее рот. Но когда он раздвинул ей губы языком и принялся возбужденно гладить ее по спине, Энни напряглась.

Она уперлась ему в грудь обеими руками и стала его отталкивать, но он только сильнее прижимал ее к себе. Его дыхание стало хриплым и сбивчивым, и Энни сначала испугалась, а потом рассердилась. Она отвернула голову и стала вырываться решительнее. Он отпустил ее.

– Господи, Энни, простите меня, – сказал он, проводя рукой по своим густым прямым волосам. – Я совсем потерял голову. Вы так чертовски... Я хотел сказать, что вы так прекрасны и нежны, что я на какой-то миг забылся и не смог сдержаться.

Разве вправду она была кинута в него камень? Она сама

потеряла голову, когда Ренар поцеловал ее на борту «Бельведера», и делала в своей жизни такие вещи, за которые дядя Реджи посадил бы ее под замок на целый год – если бы узнал об этом.

– Все в порядке, только больше так не делайте.

– Я никогда больше не смогу поцеловать вас?

– Если я когда-нибудь разрешу вам сделать это, вам лучше, когда я вас об этом попрошу, остановиться. – Она предостерегающе покачала пальцем у него перед носом.

– Обещаю. – Он сжал ее руку. – Честное слово, Энни. Мне очень жаль, что я...

– Жаль, что вы – что? – В комнату неожиданно вошел Реджи.

Джефффри растерялся и утратил дар речи, так что Энни, пришлось прийти ему на помощь:

– Джефффри жалеет, что не может поехать с нами на кладбище.

– Правда? – кисло усмехнулся Реджи. – Он должен благодарить судьбу за то, что не обязан сопровождать Кэтрин Гриммс к месту, где нашли последний приют трое несчастных мужчин, которых она называет своими мужьями. Лично меня это приводит в полное замешательство.

Кэтрин впорхнула в гостиную с охапкой белых хризантем.

– Ты боишься призраков, Реджинальд, или колдунов? Готова поклясться, что ты не встретишь ни тех, ни других на кладбище среди бела дня.

– Проведя месяц под крышей твоего дома, Кэтрин, я не испугаюсь больше ничего, – парировал Реджи, втянув щеки и выпятив впалую грудь. – Я лишь предполагаю, что меня охватит сочувствие к твоим усопшим мужьям. И не потому, что они умерли, заметь, а потому, что каждый из них в свое время был прикован к тебе цепью!

Кэтрин от души расхохоталась, от ее смеха зазвенели хрустальные бокалы в шкафу.

– Реджинальд, иногда ты бываешь невероятно остроумным! Если бы ты всегда не был настороже, я бы и тебя завлекла. Тогда ты на собственной шкуре испытал бы то, что довелось пережить моим мужьям.

Реджи, очевидно, всерьез отнесся к этой небрежно высказанной угрозе, которая испугала его больше, чем все привидения и заклятия колдунов, на наречии суеверных туземцев называемые «гри-гри». У него открылся рот и задергался правый глаз. Энни и Джеффри изумленно переглянулись, когда он извинился и бросился вон из комнаты.

– Как ты думаешь, он вернется, тетя Кэтрин? – с улыбкой спросила Энни.

– Конечно, – ответила она, зарывшись лицом в благоухающий букет цветов, который прижимала к своей пышной груди. – Хотя ему не нравится эта затея, он ни за что не допустит, чтобы мы поехали одни. Он слишком джентльмен и чересчур волнуется за тебя, чтобы пренебречь своим «долгом». Поехали, дорогая?

Джеффри попросился с ними, перехватив взгляд Энни, и многозначительно, с чувством посмотрел ей в глаза, отчего ей едва не стало дурно. Она боялась, если он, как последний идиот, еще несколько минут повертится возле нее, то не будет знать как себя вести.

* * *

Кэтрин спланировала поездку на кладбище Святого Людовика так, чтобы оказаться там в тот час, когда большинство креолов-католиков пойдут к мессе. Таким образом, на кладбище должно было быть немногочленно. Они вышли из экипажа и двинулись вдоль аккуратных рядов надгробий, которые были заново побелены родственниками усопших перед Днем всех святых.

Кладбищенские памятники различались формой и размерами, вокруг них росли дубы, магнолии и сосны. Вокруг все было чисто, аккуратно, множество цветов, так что обстановка не действовала на Энни угнетающе.

Они оставили экипаж возле протестантской части кладбища, отгороженной от католической и от места, предназначенного для погребения черных. Кэтрин и ее первый муж приобрели большой участок кладбищенской земли, и с тех пор она здесь хоронила своих мужей.

– Рядом еще есть место и для моей могилы, хотя я не скоро еще собираюсь на покой, – пошутила Кэтрин.

Они стояли перед надгробиями. Пока Кэтрин украшала их цветами, Энни и Реджи читали эпитафии. Внимание Реджи привлекла эпитафия на могиле ее первого мужа, он вдруг стал серьезным и задумчивым. Энни подошла к нему ближе и прочитала, заглянув ему через плечо: «Здесь покоятся мой любимый муж Натаниэль и наш сын Дэвид. Да возрадуются ангелы двум прекрасным, нежным душам, которые сделали мою жизнь несказанно счастливой».

– Тетя Кэтрин, я не знала, что у тебя был сын, – вздрогнув, сказала Энни. Они с Реджи переглянулись и вопросительно посмотрели на Кэтрин, которая продолжала заниматься цветами, повернувшись к ним спиной.

– Да, я не очень люблю говорить об этом. Я рассказала твоим родителям о нем много лет назад, сразу после того, как это произошло.

– Они никогда ничего мне не говорили.

– Это было очень давно, наверное, они просто позабыли. И потом, они знают, что я не люблю разговоров на эту тему.

– Прости, тетя Кэтрин, я не хотела напоминать тебе о том, что причиняет такую боль, – огорчилась Энни.

– Я могла бы догадаться, что вы прочтете надпись, и подготовиться к возможным вопросам. – Она обернулась с улыбкой, но в ее глазах Энни заметила слезы. – Натаниэль погиб во время аварии на речном пароходе. Я была на восьмом месяце беременности, и роды случились преждевременно из-за шока. Ребенок – я назвала его Дэвидом в честь деда

со стороны отца – не выжил. – Она попыталась вновь улыбнуться, и уголки ее губ задрожали, когда она продолжала вспоминать: – Он был бы прекрасен, как и его отец. Мы с Натаниэлем хотели иметь несколько детей, но жизнь не всегда считается с нашими планами. После неудачных родов я больше не могла забеременеть, и мне просто посчастливилось встретить двух чудесных мужчин, которые любили меня, несмотря на то что я не могла родить ребенка.

– Прости меня, тетя Кэтрин, – повторила Энни, чувствуя себя глупо и неловко. Она никогда не видела свою тетю настолько близкой к тому, чтобы расплакаться.

– Ничего страшного, дитя мое. Мне полезно время от времени говорить об этом, хотя бы раз в год, когда я украшаю цветами их могилы в День всех святых. – Ее голос снова стал звучать как обычно. – Видишь ли, я по натуре борец. Жизнь слишком богата и полна, чтобы тратить время на пустые сожаления.

Однако сердце Энни разрывалось от сочувствия тому горю, которое довелось в молодости пережить ее тете, и хотя время затянуло рану, она все еще причиняла ей боль. Кэтрин вернулась к своему занятию, а Реджи молча стоял рядом, плотно сжав губы и уставившись в землю перед собой.

Энни погрузилась в глубокое уныние, и в это время на солнце напозла черная туча. Она огляделась и увидела, что, как это часто бывает в Новом Орлеане, погода резко изменилась и надвигается гроза. Энни не особенно встревожилась,

потому что внезапные дожди, как правило, длились недолго.

– Можно, я немного погуляю, тетя Кэтрин? – спросила Энни, чувствуя, что хочет подумать наедине.

– Конечно, Энни! – через плечо ответила Кэтрин, не глядя ни на племянницу, ни на Реджи. – Кладбище очень красиво в это время года. Почему бы тебе тоже не пройтись, Реджинальд?

– Ну, – Реджи откашлялся, – если ты не против, Кэтрин... Я заметил несколько сорняков с подветренной стороны... на могиле Натаниэля. Я мог бы их вырвать.

Руки Кэтрин на мгновение замерли, но она так и не обернулась. Это было очень кстати, потому что Реджи стал красным, как спелый помидор, и в этот момент лучше было на него не смотреть.

– Как хочешь, Реджинальд. Я вчера так долго возилась с побелкой, что закончила уже в потемках. Наверное, когда убирала, я кое-что пропустила.

– Конечно... это понятно, – пробормотал Реджи. – Только я сначала положу цветы...

Энни положила свои цветы рядом с букетом Реджи и, нежно поцеловав его в щеку, пошла прочь. Она знала, что, несмотря на постоянные споры и пререкания, тетя и дядя относились друг к другу с глубоким взаимным уважением. И сегодня их истинные отношения проявились в полной мере. Энни полагала, что спорить они не перестанут, но пропасть непонимания, которая лежала между ними до сих пор, пре-

одолена. Возможно, теперь они смогут изредка позволить себе роскошь дружеского общения и станут получать удовольствие от этого. Или по крайней мере станут друг к другу терпимее!

Солнце то выходило из-за тучи, то снова скрывалось. Энни оказывалась то в тени, то жмурилась от яркого света. Она лениво брела по кладбищу, огибая район негритянских захоронений. Ей хотелось приблизиться к могилам и почитать надгробные надписи, но она боялась, что темнокожие люди, пришедшие навестить своих усопших родственников, сочтут ее вторжение неприличным и оскорбительным.

Наконец она оказалась в католической части кладбища. Надгробия здесь были массивнее, стояли ближе один к другому и утопали в море цветов. Но людей было немного; как справедливо предполагала Кэтрин, большинство из них присутствовали на мессе в церкви.

В старой части кладбища памятники были очень высокими и стояли почти вплотную, так что пробираться среди них было так же трудно, как по узкому проходу. Энни почти ничего не видела вокруг. Она слышала голоса, но не замечала людей, так что казалось, бесплотные духи дают о себе знать из потустороннего мира. Такая странная фантазия рассеялась, когда из-за камня неожиданно появился человек, вполне живой и реальный.

Энни подумала о том, что с наступлением темноты кладбище становится идеальным местом для ужасных преступ-

лений или романтических свиданий. Даже при ярком свете солнца, а особенно когда оно заходило за тучу, ощущалась таинственная аура этого места. Она вспомнила, как тетя шутила по поводу привидений и колдунов, и холодок пробежал у нее по спине. Конечно, это глупость, но все же...

– О! – Энни чуть не налетела на массивного мужчину в сером жилете. Он быстрым шагом обогнул могильный камень, и они чудом избежали столкновения. Она сделала шаг назад и увидела перед собой очень красивого темнокожего мужчину.

– Прошу прощения, мадемуазель. – Он отступил в сторону и поднес руку к элегантной шляпе. На его лице сияла добродушная улыбка, а серо-зеленые глаза сверкали на солнце. – Вы в порядке?

– Да, спасибо, – улыбнулась в ответ Энни. – Просто я немножко испугалась. – Он отступил еще на шаг, не сводя с нее глаз, в которых она заметила искру восхищения, чем была очень польщена. – Похоже, вы спешите, так что не беспокойтесь обо мне. Не отвлекайтесь от своих дел. Я уверена, что они очень важные.

– Да, мадемуазель, это так. – Он снова улыбнулся, коснулся края шляпы и быстро пошел прочь. Его кожа была светло-медного оттенка, и, судя по одежде, он был цветным. Его отличали хорошие манеры и речь образованного человека. Энни смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом.

Она побрела дальше, но вдруг остановилась, когда заме-

тила, как ей показалась, знакомый силуэт между надгробиями. Она спряталась за мраморную плиту и осторожно выглянула из-за нее.

Это был Делакура. В элегантном костюме для верховой езды: черный сюртук, белые брюки, высокие черные ботинки. Белая сорочка и широкий галстук дополняли его наряд. Несколько крупных перстней на его руке ярко вспыхнули в лучах показавшегося из-за тучи солнца.

Но у Энни не было никакого желания покидать свое укрытие. Она находила, что Делакура выглядит восхитительно, и могла наблюдать за ним отсюда, оставаясь незамеченной. Она много раз пыталась проанализировать свой интерес к Делакура и понять, почему чувствует себя не в своей тарелке, когда он оказывается поблизости, но до сих пор не пришла ни к какому разумному выводу.

Восхищение, которое он вызывал в ней, казалось тем более странным, что она неодобрительно относилась к нему и ко всему, что было с ним связано. Она считала его безответственным повесой, лишенным всяких серьезных мыслей. Однако ему нельзя было отказать в уме. Но чем он был занят? Он не походил на мужчину, о котором она мечтала, отправляясь в Америку. Он был для нее... загадкой. Да, должно быть, ее влекло к нему простое любопытство. Вот почему она не могла отвести от него глаз.

Делакура прислонился к надгробию, скрестив руки на груди. Он был без шляпы, его волосы трепал ветер, делая их по-

хожими на водоворот черных волн, сверкающих на солнце. Он стоял запрокинув голову и упираясь затылком в каменную плиту, подставив лицо солнцу и закрыв глаза.

Энни вспомнила, как он выглядел в тот вечер в опере, когда, вот так же запрокинув голову, смеялся над ее саркастическим заявлением о желании походить на креольский идеал женщины. Он излучал в тот момент такую мужскую силу и энергию, воспоминание о которой не раз возвращалось к ней на протяжении последних нескольких недель. Но это воспоминание имело привкус горечи. Он так грубо оставил ее, удалившись под руку с двумя дамами и еще с одной, которая ухватилась за фалды его сюртука.

Энни прищурилась и продолжала наблюдение. Солнце грело ей плечи, от чего по всему телу расплзалась приятная лень и слабость, а отчасти и... чувственная нега. Аромат цветов наполнял влажный воздух. Она внимательно рассматривала Делакруа с головы до пят. Несправедливо, чтобы один человек обладал столькими физическими достоинствами одновременно...

Он пошевелился, и Энни нырнула за плиту и прижалась щекой к холодному камню. Ее дыхание странным образом участилось. Она закрыла глаза и постаралась успокоиться. Она просто смутилась от того, что поймала себя за неприличным любованием этим скандально известным типом...

– Мадемуазель Уэстон! Не ожидал встретить вас здесь.

Энни открыла глаза, отодвинулась от плиты и выпрями-

лась. Она быстро взглянула на него и тут же отвернулась, потому что ей показалось, что в глубине его глаз сверкнули веселые искорки. Она, опасаясь снова посмотреть ему в лицо, полагала, что он заметил, как она разглядывала его, и это его развеселило. Поэтому ее взгляд рассеянно блуждал вокруг.

– Я... я приехала сюда с дядей и тетей. Она привезла цветы на могилы своих мужей.

– Понятно. – Он помолчал. – Но разве они похоронены не в протестантской части?

– Да. Но я решила немного прогуляться.

Он подошел ближе, пристально глядя ей в лицо, и Энни почувствовала, что у нее начала подниматься температура.

– Похоже, вы переутомились?

– Что вы имеете в виду? – Ее ресницы удивленно взметнулись вверх.

– Вы стояли прислонившись к камню, с закрытыми глазами. – Он улыбнулся и провел кончиками пальцев по ее щеке. – У вас лицо горит, а глаза восхитительно блестят. Хотя сейчас уже ноябрь, осень в Новом Орлеане, вероятно, отличается от той, к которой вы привыкли, не так ли? У вас, должно быть, жар.

– Да, я немного утомилась от жары, – поспешно согласилась она, радуясь удачно найденному объяснению ее смущенного румянца и странной позы, в которой ее нашел Делакруа. Вся беда в том, что если он будет и дальше стоять так близко от нее и прикасаться к ней так ласково, она никогда

не избавится от своего «жара». Почему он вдруг проявляет такую заботу о ней? Она огляделась, ожидая увидеть стаю его преданных поклонниц, скрывающихся за надгробиями.

– Вам нужно присесть. – Он взял ее под локоть: – Пойдемте со мной.

– Пойти с вами? Куда? – Сердце испуганно подпрыгнуло у нее в груди.

– Не тревожьтесь, *ma petite*. – Он рассмеялся. – Давайте просто свернем за угол. – Он осторожно поддерживал ее под руку, и Энни не могла узнать в этом учтивом джентльмене прежнего беззаботного нахала из оперы. – Здесь поблизости наш фамильный участок, и там есть скамья. Она стоит в тени, там вы сможете отдохнуть и прийти в себя.

– Тетя будет беспокоиться.

– А почему вы не говорите про дядю? Неудивительно, что мадам Гриммс очень волнуется из-за вас, но ваш дядя – совсем другое дело.

– Это правда! – нервно рассмеялась Энни. – Дядя Реджи всегда очень тревожится. Тем более мне пора возвращаться.

– Но если вы упадете в обморок по дороге, я никогда себе этого не прощу. Вот. Присядьте ненадолго, а потом я провожу вас в протестантскую часть кладбища.

– Вы очень добры, – ответила Энни с улыбкой.

Делакруа сел рядом, положил ногу на ногу и небрежно оперся локтем о колено. Энни снова поймала себя на том, что любит его ногами и руками, пальцами в кольцах и

вообще всей фигурой. На левой руке у него было кольцо с огромным изумрудом, который, несомненно, стоил не меньше половины всего ее приданого.

– Почему вы не на мессе? – спросила она, с трудом подыскав тему для беседы.

Он улыбнулся и принялся вертеть на пальце именно это кольцо. Такие действия оказались на удивление возбуждающими, и Энни поспешно отвела глаза.

– Дорогая мадемуазель Уэстон, как вы представляете себе такого грубияна, как я, в церкви?

Она задумалась и представила его себе... в окружении женщин. Отогнав неприятную мысль, она спросила:

– Вы вместо мессы катались верхом?

– Да. А вы ездите верхом, cher?

– В Англии ездила, а здесь не приходилось.

– Вам понравилась бы верховая прогулка по Бокажу. Сотни акров зеленых полей вдоль реки.

Энни смущенно расправила юбку влажными ладонями. Неужели он действительно приглашает ее с собой на прогулку?

– Я... боюсь, что я разучилась из-за отсутствия практики.

– У нас есть спокойная старая кобыла, на которой вы могли бы...

– Ну не настолько же я разучилась ездить верхом! – рассмеялась она.

– Я тоже так думаю. У меня действительно есть лошадь

под стать вам. Прекрасная молодая кобыла с легким шагом и длинной светлой гривой. Она очень норовистая и постоянно трясет головой.

– Вы намекаете на то, что я с норовом, мистер Делакруа? – Несмотря на то что жар не проходил, Энни стала чувствовать себя свободнее.

– Да.

– И постоянно трясу головой, как ваша кобыла?

– Нет, но у вас есть восхитительная привычка вызывающе приподнимать подбородок. Вы, как и моя златогривая красавица, – прекрасное, гордое создание.

– Готова поклясться, что вы говорите так всем женщинам, – с сожалением покачала головой Энни. «И еще я готова поклясться, что они так же глупо поддаются очарованию, как и я», – подумала она.

Делакруа улыбнулся и молча пожал плечами, предоставляя ей право считать как угодно.

– А на какой лошади ездите вы сами, мистер Делакруа?

– На вороном жеребце.

– Вы выбрали его под цвет глаз? – Энни смущенно вспыхнула, пожалев, что упомянула о его глазах. Это замечание показалось ей слишком интимным.

– Нет. – Его глаза лукаво блеснули. – Под цвет моей черной, испорченной души, cher.

– Мне кажется, вы вовсе не такой испорченный, каким притворяетесь.

– Вы думаете, я притворяюсь? – Его улыбка на мгновение стерлась с лица, но тут же засияла снова. Он провокационно понизил голос: – Хотите, я докажу вам, что это не так? Хотите узнать, насколько испорченным я могу быть?

– Вы шутник, мистер Делакруа! – нервно захохотала Энни, чувствуя, что ее снова бросает в жар. – Зачем вы насмехаетесь надо мной? Однако хочу заметить, что хотя вы и не пошли в церковь, тем не менее нашли время заглянуть на кладбище в День всех святых. Значит, вам все же не чужды религиозные чувства.

Делакруа внутренне напрягся, и Энни ощутила, что его плечо коснулось ее руки, а складки юбки шевельнулись от прикосновения его бедра. Его настроение также изменилось, и он ответил серьезно:

– Здесь похоронены пятеро моих братьев. Я – самый старший, и хотя они умерли очень давно, я помню каждого из них так живо и отчетливо, словно мы только вчера вместе валялись в траве, играя в солдатиков.

– Мне очень жаль, мистер Делакруа, – прониклась сочувствием Энни.

– Merci.¹⁰

– Вы позволите спросить... Впрочем, не важно.

– Спрашивайте. То, что вы проявляете любопытство, вполне естественно. Мои братья умерли один за другим в течение недели, когда в Новом Орлеане свирепствовала эпи-

¹⁰ Спасибо (фр.).

демия желтой лихорадки. Родители были на грани смерти. Я сам выжил чудом.

– Значит, вы – единственный оставшийся в живых их сын?

– Нет. У меня еще пять сестер и брат. Они родились уже после эпидемии и намного младше меня.

Энни задумчиво покачала головой, поражаясь тому, какую страшную утрату пришлось пережить его родителям, и восхищаясь их стойкостью, позволившей начать строить семью заново.

– Ваша мать, должно быть, очень сильная женщина. Не представляю, как я смогла бы потерять одновременно столько детей, а затем решиться обзавестись другими.

– Не все креолы ведут такую фривольную жизнь, как я. Несмотря на недостаток жизненного опыта и ограниченную сферу влияния в семье, моя матушка сумела остаться сильной, терпимой и любящей женщиной.

– Вы подвергаете меня наказанию за мое насмешливое заявление в опере. Помните, когда я сказала, что хочу быть похожей на креольских женщин? Я была не права, смешивая их в единый образ без разбора. – Энни застенчиво улыбнулась. – Стоит мне вообразить себя самой справедливой и мудрой на свете, как я говорю что-нибудь несурзное.

– Все мы совершаем ошибки, мадемуазель. В общении с людьми бывает так, что суть не всегда находится на поверхности.

Небо снова заволочло тучами, и начался мелкий дождик.

Энни не сразу это заметила, потому что разглядывала Дела-
круа, задумавшись над его последними словами.

– Я совершенно согласна с вами, мистер Делакруа, – ска-
зала наконец она. – Например, вы представляетесь окружаю-
щим легкомысленным прожигателем жизни, но за этим фа-
садом скрывается что-то существенное.

Он громко рассмеялся и, поднявшись, протянул ей руку.

– Вы отдохнули, мадемуазель? – На его лицо снова верну-
лось снисходительное, самодовольное выражение. – Начал-
ся дождь. Кроме того, мне бы не хотелось давать вашему дя-
де повод думать, что его племянница сбежала со мной. Я не
дрался на дуэли уже две недели и не имею ни малейшего же-
лания прерывать затянувшийся период хорошего поведения.
Видите ли, я обещал это матери.

– Да, я отдохнула, – натянуто ответила она и подумала,
что, похоже, настроение у Делакруа изменчиво, а характер
слишком сложен для понимания. Она оперлась на его руку
и встала, а когда попыталась отнять ее, он крепче сжал ее,
осторожно притянув к себе, и они оказались на расстоянии
нескольких дюймов друг от друга.

– Что... что вы делаете, мистер Делакруа? – пробормота-
ла Энни, в упор глядя на его красивые губы, слегка искрив-
ленные в лукавой усмешке.

– Я все же склоняюсь к мысли о том, чтобы продемон-
стрировать вам свою испорченность, мадемуазель. Я обещал
матери не драться на дуэли. Но ничего не говорил о том, что

не стану соблазнять хорошеньких женщин на кладбище.

Энни смотрела на него как загипнотизированная. Она не могла оторвать глаз от его губ, которые неуклонно приближались.

– Обычно принято закрывать глаза, когда тебя целуют, – прошептал он.

Энни послушно закрыла глаза. Но вместо тепла его губ ощутила прохладу дождевых капель. Через минуту полило как из ведра, и разразилась настоящая гроза.

– Вам повезло, – пробормотал он. – Вас спасло провидение, сошедшее на землю в День всех святых. – С этими словами он взял Энни за руку и повел к протестантской части кладбища, где она могла укрыться от дождя в тетушкином экипаже.

Энни была потрясена и разочарована, поэтому двигалась как во сне. Позже, намного позже она пришла в себя и попыталась понять, что произошло и почему она почти позволила ему поцеловать себя...

Глава 7

– В Англии ни одна благородная дама не отправила бы свою племянницу за покупками, – ворчал Реджи, волочась следом за Энни, которая вышагивала вдоль торговых рядов рынка с огромной корзиной, висящей на локте. – Ведь существуют слуги, которым за это платят.

– Все ходят на рынок, – спокойно ответила Энни. Она взяла с прилавка гроздь сочного винограда, тщательно осмотрела ее и положила в корзину. – Возможно, это единственная причина, по которой я с удовольствием выполняю такие поручения тети Кэтрин. Рынок – это место, где представители всех рас и сословий гармонично сосуществуют.

– Не понимаю, как ты можешь говорить о гармонии применительно к этому суетливому и шумному скоплению людей, – возразил Реджи, отодвигая с пути мальчишку-мулата, торговца медными браслетами, нанизанными на его тонких руках, которыми он размахивал перед носом потенциальных покупателей.

Энни развеселилась и попыталась поднять настроение дяди: она остановила миленькую девчужку, торгующую бутоньерками, и купила для него маленький букетик, составленный из испанского жасмина, гвоздик и фиалок.

– Вот, возьми корзинку, дядя.

– Я счастлив сделать наконец то, что предлагал тебе целое

утро. Но ты так же упряма, как твоя тетя... Что это? Что ты делаешь, Энни?

– Прикалываю бутоньерку тебе на лацкан. Может быть, вид цветов и их восхитительный запах помогут тебе немного развеселиться! – Она ласково похлопала его по руке и улыбнулась.

Реджи скептически скосил глаза на бутоньерку, но в следующий миг на его лице тоже появилась улыбка. Затем он приподнял лацкан и рассмотрел бутоньерку внимательнее.

– Хм! А они действительно очень хороши, правда?

– Правда, старый, всем недовольный ворчун! А теперь улыбнись, пожалуйста.

Реджи хмыкнул, и Энни приняла это как знак согласия. Она знала, что дядя никогда не признается в том, что полюбил кофе не меньше, чем чай. Они протиснулись через толпу и нашли пустой столик. Реджи заказал кофе для них обоих. Едва он успел поставить корзину на стул и с облегчением вздохнуть, как Энни заметила, что он снова недовольно морщится.

– В чем дело, дядя Реджи?

– О, опять этот твой надоедливый обожатель. Похоже, нам ни одного дня не прожить спокойно без его общества.

– Мой обожатель? Кого ты имеешь в виду? – Энни посмотрела вокруг. На какой-то миг она подумала о Делакруа. Мысль о том, что она почти позволила этому грубияну поцеловать себя, не давала ей покоя. Она сожалела о своей сла-

бости и не переставала укорять себя за нее с того самого дня, когда они встретились на кладбище. Делакруа не принадлежал к тем мужчинам, кому разумная женщина может доверить свое сердце.

– Не оборачивайся, – прошептал Реджи, съезживаясь на стуле. – Может быть, он не заметит нас. Проклятие! Слишком поздно!

Энни обернулась и увидела Джефффри, направляющегося к ним со счастливой улыбкой на лице.

– Это же Джефффри! Сядь прямо, дядя Реджи, ты выглядишь смешно и неучтиво в такой позе.

Реджи неохотно выпрямился и придал своему лицу вежливо-дружелюбное выражение.

– Энни! Какая удача, что я вас встретил! – Джефффри приподнял шляпу и уважительно поклонился Реджи.

– Полагаю, вы не помнили, что вчера за обедом Энни сказала, что собирается с утра пойти на рынок? – сварливо поинтересовался Реджи.

– Правда? – простодушно пожал плечами Джефффри. – Ну что ж! Я все-таки ужасно рад вас видеть!

– Еще бы! Ведь прошло целых восемнадцать часов с тех пор, как вы расстались! – проворчал Реджи.

– Неужели только восемнадцать? – с притворным удивлением воскликнул Джефффри. – А мне кажется, что прошла целая вечность!

– Болтун! – рассмеялась Энни. – Садитесь и выпейте с на-

ми чашечку кофе. И не обращайтесь внимания на дядю Реджи. Он не любит эти прогулки по рынку. Они приводят его в мрачное расположение духа.

Реджи хмыкнул и ничего не ответил, притворяясь, что с интересом разглядывает прохожих. Энни все еще не могла понять, почему Джефффри так неприятен дяде. Возможно, потому, что он не хочет расстаться с убеждением, что Джефффри слишком «прост» для нее. Но Реджи не может не понимать, что своим отношением лишь подогревает в ней решимость сблизиться с Джефффри.

– А где сегодня ваша тетя? – спросил Джефффри, пододвигая стул и усаживаясь.

– Она отправилась навестить приятельницу, мадам Тюссо. Тетя наносит ей визит каждую субботу и отсылает меня и Реджи на это время с какими-нибудь поручениями, – сказала Энни. – Это настоящая загадка. Тетя всегда ездит к ней одна.

– Возможно, это какая-нибудь из ее вульгарных подруг, с которой она не хочет тебя знакомить, – предположил Реджи. – Дельфина-стрит – не вполне фешенебельное место.

– А я думаю, что мадам Тюссо тяжело больна, и тетя не хочет, чтобы кто-нибудь сопровождал ее во время благотворительного визита. Но кем бы она ни была, тетя никогда не пропускает встречи с ней. Она как на работу по субботам ездит к ней. Значит, это важно.

Джефффри вежливо слушал ее, но Энни видела, что ее болтовня о домашних делах ему безразлична.

– А что сегодня делаете вы? – спросила она его. – Разыскиваете новую информацию для статьи о Ренаре?

– Мне впрору проникнуться ревностью к тому, кто всегда был героем моих излюбленных сюжетов, – печально усмехнулся Джеффри.

– Был? – Она удивленно приподняла бровь.

– Иногда мне кажется, что моя связь с Ренаром – единственное, что вам во мне нравится, Энни.

– Не говорите глупостей. У нас с вами с самого начала было много общего. Даже если бы вы не завели разговор о Ренаре...

– Что ж, дело в том, что мне удалось узнать кое-что любопытное о Лисе... – Джеффри понизил голос и тревожно покосился на Реджи, который делал вид, что не слушает их и продолжает разглядывать прохожих.

В этот момент им подали кофе, и Реджи полез в карман, чтобы достать несколько монет и заказать еще чашку. Джеффри воспользовался моментом и, склонившись к самому уху Энни, прошептал:

– Я зайду сегодня вечером и все расскажу вам. Я почти наверняка знаю, какова будет следующая операция Ренара. Я надеюсь оказаться поблизости, когда это произойдет.

После такого откровения Энни уже не могла вернуться к обычному разговору. Она сгорала от любопытства. Теперь настала ее очередь ревновать. Джеффри собирается стать участником такого захватывающего события! Возмож-

но, ему даже удастся увидеть Ренара, о чем сама она мечтала столько времени! Если бы она была мужчиной, то, без сомнения, пошла бы вместе с Джеффри. Какая жестокая несправедливость!

– Вы уже успели побывать на площади Конго, Энни?

– Простите, Джеффри. Что вы сказали? – Она подняла на него глаза и увидела, что он многозначительно на нее смотрит.

Своим взглядом он пытался выразить то, что она ведет себя странно и может таким образом пробудить в Реджи подозрения. Она, мечтательно глядя перед собой, машинально помешивала ложечкой кофе, который давно остыл. Джеффри был прав, ей следует на время отложить размышления о Ренаре.

– Я спросил, бывали ли вы на площади Конго.

– Я слышала о ней, – задумчиво улыбнулась она, отхлебнув кофе. – Это то место, где по воскресеньям рабы собираются на танцы. – Она взглянула на Реджи с укором, но он притворился, что не заметил этого. Его притворство начинало раздражать ее. – Я мечтаю побывать там с того дня, как сюда приехала, – призналась она. Увидеть еще раз Ренара было второй ее несбыточной мечтой. Энни понимала, что шансы их осуществления практически равны нулю. От этой мысли ей стало грустно.

– Завтра как раз воскресенье... – Джеффри обернулся к Реджи: – Почему бы нам не поехать туда? Всем вместе, сэр.

Вы, я, Энни и миссис Гриммс, конечно. Это действительно очень занимательное зрелище.

– Насколько мне известно, это занимательное зрелище не предназначено для дамских глаз, – сухо ответил Реджи.

– Напротив, дамы в сопровождении джентльменов обычно собираются, чтобы посмотреть на негритянские танцы, – сказал Джеффри. – Миссис Гриммс в прошлом часто бывала там.

– Боюсь, миссис Гриммс чересчур американизовалась здесь. У нас в Англии представления о том, какие зрелища приличны для дам – особенно если речь идет о воскресных развлечениях, – несколько отличаются от здешних, мистер Уиклифф, – с видом превосходства заявил Реджи. – Я обещал родителям Энни заботиться о ней как о собственной дочери. И я горжусь тем, что мне до сих пор удавалось выполнять свое обещание безупречно. Варварские танцы – неподходящее зрелище в христианское воскресенье.

– Я всегда относился к ним как к явлению чуждой нам культуры, – настаивал Джеффри. – Рабы танцуют туземные танцы, аккомпанируя себе на тамтамах и самодельных струнных инструментах, которые звучат довольно грубо, но зато прекрасно держат ритм. Их танцы подлинны. Полагаю, для рабов это единственная возможность хоть на время почувствовать себя свободными. Если вы разделяете мнение своей племянницы о рабстве, то получите удовольствие, наблюдая, как черные рабы объединяются в танце, чтобы слиться

с душой своего народа.

– Не пытайтесь устыдить меня и таким образом добиться, чтобы я согласился на это, мистер Уиклифф, – надменно взглянул на него Реджи. – Можно испытывать интеллектуальное любопытство или чувство сострадания к очень разным вещам – например, к китайской казни в воде или к родам, – но это не означает, что нужно стремиться стать их свидетелем.

– Только если ты мужчина, – небрежно заметила Энни. – Тогда можно делать, что хочешь. – Реджи собрался ей возразить, но Энни опередила его: – Нет, не говори ничего. Я не хочу с тобой ссориться, дядя Реджи. Сегодня слишком прекрасный день, и я намерена неплохо провести время здесь, на рынке, прежде чем мы вернемся домой. Джеффри, разве вы не заказали еще кофе?

Он поднялся и отправился узнать, что с его заказом, а Энни сосредоточилась на своей чашке. Ощущать себя во власти условностей было неприятно и грустно. Благодаря Джеффри у Реджи снова испортилось настроение. Энни наблюдала за дядей поверх чашки, и вдруг в поле ее зрения неожиданно появился еще один человек – Делакруа.

Он стоял к ней в профиль и выбирал букет орхидей, очевидно, для своей спутницы, которая – надо справедливо отметить – была очень красива. Квартеронка в ярко-синем платье и таком же тиньоне прижималась к его боку, ее длинные, тонкие пальцы ласково поглаживали плечо спутника.

Наблюдая за тем, как женщина держится с Делакруа на публике, Энни пришла к выводу, что она его любовница. Ни одна из тех кокеток с призывно горящими глазами, которые обступали Делакруа на балах, не осмелилась бы прикоснуться к нему так интимно, как эта женщина.

Странное, непривычное чувство зародилось у Энни, сдавливая грудь и мешая дышать. Оно несколько поутихло, когда она отвернулась от Делакруа и его любовницы. Энни подумала бы, что это ревность, если бы не знала себя слишком хорошо.

– Господи, вон и Делакруа, – заметил его Реджи. – Наверное, он тоже захочет подсесть к нам.

– Он тоже тебе не нравится, дядя Реджи? – поинтересовалась Энни. – Его по крайней мере трудно назвать моим обожателем. – В ее голосе невольно прозвучала грустная нотка.

– Знаешь, Энни, он мне нравится, сам не пойму почему. Может быть, потому, что он не волочится за тобой. Это было бы опасно. Боже мой, он умеет находить подход к женщинам, не так ли?

Они оба стали разглядывать Делакруа. Сегодня на нем был кремовый костюм, который восхитительно оттенял смуглый цвет его лица и темные волосы. Женщина, с которой он был, тоже смотрелась великолепно и, судя по всему, была очень рада тому положению, в котором находилась – практически прилепившись к боку Делакруа.

– Очень красивая пара, – заметил Реджи.

– Может быть, не следует так пристально смотреть на них. – Энни решительно отвернулась. – Если он увидит, что мы за ним наблюдаем, то обязательно подойдет.

– Нет, не думаю, – испуганно взглянул на нее Реджи. – Я уверен, что он не осмелится сделать это со своей... – Он покраснел, заерзал на стуле и откашлялся. – То есть... я хочу сказать...

– Ты можешь спокойно произнести это слово, дядя Реджи, – устало отозвалась Энни. – Я не полная дура. Я понимаю, что он с любовницей. Более того, я догадалась об этом раньше тебя.

– Мне не хотелось бы обсуждать такие вещи с тобой, Энни. – Реджи напрягся и упрямо отводил глаза в сторону. – А уж леди совсем не пристало говорить об этом. Должен сказать, что Делакруа в достаточной степени джентльмен, чтобы не знакомить нас со своей... спутницей. Даже если он заметит нас, то не подойдет. Помяни мое слово.

«Неужели правда не подойдет?» – подумала Энни.

Возможно, из чистого любопытства она снова обернулась на красивую пару, одетую по контрасту друг с другом. Возможно, только любопытство побуждало ее не спускать глаз с лица Делакруа, когда тот расплачивался за цветы, и гадать, обратит ли он на нее внимание, заметит ли он ее, узнает ли.

Делакруа обернулся, как будто почувствовал на себе ее взгляд. Когда их глаза встретились, Энни даже не вздрогнула. Она не потупилась смущенно, не притворилась, что удив-

лена, не среагировала так, как предписывало кокетство в затруднительной ситуации. Она смело выдержала его взгляд – секунды, отсчитанные бесстрастным начальником команды, снаряженной для расстрела, – и он отвернулся первым. После чего взял свою спутницу под локоть, и они растворились в толпе.

– Есть столько вещей, которых я не понимаю, дядя Реджи, – тяжело вздохнула Энни. – Люди, чувства, отношения. Сплошная загадка.

Реджи смотрел на Джеффри, который возвращался к столику с чашкой дымящегося кофе и со своей обычной самодовольной улыбкой на лице.

– Да, Энни, – устало отозвался Реджи, и его лоб прорезала глубокая вертикальная морщина. – Я тоже многого не понимаю. Люди часто вовсе не таковы, какими кажутся.

Говоря это, Реджи продолжал смотреть на Джеффри, но Энни не предполагала, что его слова относятся к ее американскому другу. Она никогда еще не встречала более открытого и искреннего человека, чем Джеффри Уиклифф.

Может быть, Реджи имел в виду Кэтрин, которая поразила их обоих на кладбище, когда вдруг раскрылась перед ними с неожиданной, сентиментальной, стороны.

А может быть, он говорил о Делакруа. Для Энни Денди Делакруа действительно был тайной за семью печатями, невиданным смешением характеров и страстей.

Ей интересно было бы узнать, куда он повел свою любов-

ницу. В маленький домик, где внезапный ливень не помешает их поцелуям? И снова к ней вернулось ужасное, болезненное чувство.

* * *

Люсьен в костюме Ренара карабкался вверх по дереву, которое росло напротив спальни Энни. Его полумаска, рубашка, башмаки и брюки сливались с ночными тенями. Было около полуночи; небо походило на тяжелый бархатный театральный занавес, звезды и луна скрывались за низкими облаками. Вдалеке грохотал гром. Воздух был напоен густым ароматом влажной земли.

Он увидел, как в окне ее комнаты погас огонь, подождал еще немного, чтобы убедиться в том, что она заснула, и только тогда начал продвигаться к окну. Он не хотел испугать ее и не мог допустить, чтобы на ее крик сбежалась вся прислуга и домашние. Он понятия не имел, как она поведет себя, если увидит его, не знал, что будет делать, оказавшись внутри... Именно это он и намеревался выяснить.

По мере того как он осторожно продвигался в темноте, росло его нетерпение. Он уже давно представлял себе, как осуществит эту рискованную вылазку. Каждая встреча с Энни усиливала его желание увидеть ее... будучи в образе Ренара. Она тоже хотела этой встречи. Ренар ей нравился. Она и Ренар верили в одно и то же. В роли Делакура он был об-

речен на поражение. На кладбище он едва не поцеловал ее, но она все время боролась с собой, стараясь не поддаться его очарованию. И на рынке он видел, как отчаянно она оборонялась от него. Она хмуро смотрела на них с Микаэлой, бросая им вызов взглядом своих прекрасных синих глаз.

Сегодня вечером он принимал этот вызов. Разумеется, он не собирался ни к чему вынуждать ее, но, черт побери, ничего поделать с собой не мог. Он должен был ее увидеть еще раз, хотя это было опасно для них обоих. Ни одна женщина, которую он сжимал в своих объятиях, не производила на него такого впечатления. Он готов был пойти на любой риск ради того, чтобы еще раз обнять ее.

Он перелез на карниз, несколько секунд балансировал на нем, затем осторожно толкнул створку наполовину открытого окна, раздвинул шторы и влез в комнату. Он замер на месте. Вокруг было совсем темно, а он понятия не имел, где стояла кровать Энни.

Практически ничего не видя, он обнаружил, что другие его чувства заметно обострились. В комнате присутствовал запах Энни – легкий, сладкий, цветочный. Он прислушался, стараясь уловить звук ее дыхания, но тщетно. Прошло несколько минут, прежде чем он понял, что находится в комнате один...

...Дверь отворилась, и в комнату вошла Энни, держа в одной руке лампу, а в другой стакан молока. Люсьен замер на месте в ожидании неизбежного крика и звона разбивающихся-

ся об пол лампы и стакана. Но она не закричала и ничего не уронила.

В тот момент, когда она увидела его темный силуэт на фоне штор, у нее задрожали руки, от чего отсвет пламени пробежал по стенам, а молоко стало выплескиваться через край стакана. Она провела в нерешительности всего несколько секунд, после чего осторожно притворила за собой дверь и сделала шаг ему навстречу.

Люсьен перевел дух. Смелая девочка. Смелая и наивная.

Она была похожа на ангела. Золотистые волосы рассыпались по плечам. Свет лампы изливал на ее лицо мягкое, неземное сияние и отражался в глазах яркими звездочками. Белая воздушная ночная рубашка подчеркивала восхижительные формы ее тела, когда она шаг за шагом... подходила к нему.

Люсьен предостерегающе поднял руку и отступил в тень:

– Энни... не подходите ближе.

– Почему? – резко остановилась она.

– Задуйте лампу.

– Я не понимаю. Зачем вы пришли? Я рада, что вы здесь, но...

– Уберите свет, и тогда мы с вами поговорим.

Она смотрела на него обескураженно.

– Не волнуйтесь... – усмехнулся он. – Я найду вас в темноте.

Действительно ли ее щеки покраснели от смущения, или

это игра теней и света лампы? Она взглянула на него еще раз, после чего подошла к туалетному столику, поставила на него лампу и молоко. Затем погасила лампу.

Темнота, несколько шагов вперед, и он снова держит ее в своих объятиях.

Он впился в ее губы со страстностью, порожденной долгими неделями ожидания. И зачем он ломал голову над тем, что станет делать, оказавшись в ее комнате? Обнять и поцеловать ее было так же естественно, как то, что солнце ежедневно восходит и заходит.

Ее губы были податливыми и свежими, как нежнейший розовый бутон, и источали привкус нектара. Она приникла к нему, и от этого все его мышцы напряглись. Его охватило такое сильное желание, о возможности которого он и не подозревал. Ее хрупкие любознательные пальчики ощупывали его спину, затылок, играли краями капюшона, скрывающего его волосы. Он обнимал ее за талию, прижимая к себе все ближе, ближе... Это было чудесно, восхитительно и очень опасно.

Он взял себя в руки и отстранился от нее. В темноте было хорошо слышно их сбивчивое дыхание.

– Теперь вы поняли, зачем я пришел? Я хотел еще раз обнять вас.

– Я не думала... – Она тихо рассмеялась. – С той ночи на «Бельведере» я только об этом и мечтала.

– Я так рад, что вы думали обо мне, как и я о вас. Но прий-

ти сюда было безумием. Могу представить себе заголовки в газетах: «Ренар наконец пойман... в спальне женщины!» Очень героично.

Она провела обеими руками по его мощным плечам и выпуклым грудным мышцам. По спине у него пробежала дрожь. Он услышал ее тихий, сладостный вздох.

– Вы всегда будете для меня героем, Ренар. Скажите, вы обычно наносите визиты дамам именно в такой экстравагантной манере?

Люсьен рассмеялся, надеясь, что его смех прозвучит убедительно и дьявольски соблазнительно. Он не хотел, чтобы Энни знала, что она первая, к кому он влез в окно. До сих пор в его жизни не было женщины, настолько желанной, чтобы подвергаться риску быть схваченным. И если уж говорить совсем честно, спальни женщин, в которых он бывал прежде, были всегда открыты для него, и он мог в любой момент попасть туда самым обычным способом – через дверь. Его везде встречали с распростертыми объятиями. Но давно они его уже не радовали.

– Где спит ваша камеристка?

– В соседней комнате, через дверь.

– Господи! Тогда мне лучше уйти. Вы проявили завидную смелость и выдержку, а она может закричать, если увидит меня.

– Здесь так темно, что я не вижу кончика собственного носа. Если Сара проснется, она тоже ничего не увидит. К

тому же она большая соня.

– Тем не менее я не хочу рисковать больше, чем нужно. Ради нас обоих.

– Но ведь вы только что пришли, – капризно пожаловалась Энни.

Он представил себе, как обиженно надулись ее губки, и ему снова захотелось поцеловать ее. У него заметно участился пульс.

– Я должен уйти, пока могу еще это сделать. Неужели вы не понимаете?

– Тогда поцелуйте меня еще один раз на прощание, – попросила она, задыхаясь от возбуждения.

– Ваши поцелуи сводят меня с ума. Заставляют забыть обо всем, кроме вас.

– Один поцелуй, Ренар. – Она задрожала и потянулась к нему губами. – Умоляю.

– А вы не из стеснительных, правда? – рассмеялся он.

– Только с вами.

Они снова поцеловались. Люсьен почувствовал, как каждая клетка его тела пробудилась к жизни в ответ на ее чистое, девственное желание отдаться любви. Он гладил ее по спине, его ладони опускались все ниже, пока не оказались на талии, а затем на ягодицах. Он прижал ее к себе и ощутил горячую тяжесть ее бедер. Она задыхалась, запрокинув голову. Боже, как он хотел ее! И она, возможно, хотела его не меньше...

Из-за стены раздался приглушенный стон и шорох. Лю-

сьен вскинулся:

– Это ваша камеристка?

– Не знаю. Наверное, – сдавленно ответила она.

– Мне нужно идти. – Он отстранил ее на расстояние вытянутых рук, убедился, что она крепко стоит на ногах, и только затем выпустил.

– Ренар, когда мы снова увидимся?

– Не знаю. – В его голосе слышалось колебание. Он сделал движение в сторону окна.

– Можно, я напишу вам письмо?

– Лучше, если вы не будете знать, как меня найти. – Он раздвинул шторы.

– Вы не доверяете мне?

– Это небезопасно. Прощайте.

– Не «прощайте», а «до встречи», – упрямо поправила его Энни.

Он знал, что она не видит его лица, но все же улыбнулся. Она действительно с норовом.

– Да, моя маленькая. До встречи. – С этими словами он перелез через подоконник на крепкую ветку дерева.

Быстро спустившись на землю, он посмотрел вверх. Она выглядывала в окно, волосы свешивались вниз, как у принцессы из волшебной сказки. Она послала ему воздушный поцелуй, на который он ответил, прижав руку к сердцу. Затем он растворился во мраке ночи.

Энни бродила из угла в угол по своей комнате. Утром она была в церкви с Реджи и Кэтрин, как положено благовоспитанной англиканской прихожанке, а теперь, когда с обязанностями покончено, ей ужасно захотелось сделать что-нибудь такое, что никакой англиканской прихожанке и не снилось.

Ночная встреча с Ренаром, больше похожая на сон, чем на реальность, только обострила ее ощущение собственной скованности и закрепощенности. После ухода Ренара она провела много часов без сна, лежа в кровати и вспоминая его ласки и поцелуи, которые пробудили в ней желание. Она размышляла над тем, что в действительности побудило его прийти в ее спальню. Ей казалось слишком прекрасным, и потому невероятным, его стремление поцеловать ее ценой такого риска. Но он запомнил их встречу мгlistо-туманной ночью на борту «Бельведера», которая произошла много недель назад, а это значит, что она небезразлична ему. Возможно, не так, как для нее самой, но все же.

О, как ей хочется снова увидеть его! Поговорить с ним. Узнать лицо, которое скрывается под черной маской. Она надеется, что так же интересна ему, как и он ей, и что для него это не является банальным романтическим увлечением. Она допускала, что скорее всего он частенько пробирается

в спальни к женщинам, чтобы украсть поцелуй или что-нибудь более существенное, но ей очень хотелось верить в то, что к ней он относится иначе.

Он был ее героем и олицетворял свободу и радость жизни, от которых она была ограждена. Энни опустила на край кровати, с грустью глядя на окно, через которое приходил Ренар. Она должна выбраться отсюда. Если она не вырвется на свободу хотя бы на несколько часов, то сойдет с ума от духоты и скуки.

Логичнее всего было отправиться на площадь Конго. Реджи дал ей понять, что не повезет ее туда, а тетя Кэтрин по какой-то непостижимой причине не хотела противоречить его авторитетному мнению в этом вопросе и отказывалась ехать туда без него. Энни не оставалось другого выхода, кроме обмана. Ей казалось оскорбительным то, что в свои двадцать три года она вынуждена прибегать к хитрости, чтобы просто прогуляться по городу.

После завтрака Реджи и Кэтрин разошлись по комнатам, чтобы почитать и немного вздремнуть. Энни смирилась с этим американским обычаем отдыхать по воскресеньям и, как правило, ничего особенного не делала и читала под лиственницей в саду. Но сегодня перспектива просидеть целый день дома показалась ей угнетающей. У нее не было ни малейшего желания прозябать в бездеятельности и тупом послушании. Ее охватил бунтарский порыв.

Энни взглянула на кабинетные часы, которые стояли на

полу у стены. С тех пор как ее наставники разошлись по комнатам, прошло больше часа, а значит, они давно мирно спали. Энни уже была одета для выхода: коричневое шелковое платье, прочные полуботинки, черная бархатная шляпка с вуалью, опустив которую она может не беспокоиться, что ее узнают.

В маленьком бисерном ридикюле было достаточно денег, чтобы нанять кеб, надушенный, аккуратно выглаженный носовой платок, флакон с нюхательной солью. Ни одна леди не выходит из дома без этого традиционного набора. Теперь она должна осторожно выбраться на улицу, чтобы слуги ее не заметили. Поскольку воскресный день для слуг был таким же беззаботным, как и для господ, она полагала, что осуществит свой замысел без особого труда.

Так и случилось. Через пять минут Энни была уже на расстоянии целого квартала от тетиного дома и останавливала кеб, который мигом доставил ее на площадь Конго. Она заплатила вознице сколько следовало и дала щедрые чаевые. Он по-дружески, но вполне плотоядно подмигнул ей. Энни немного встревожилась, но решила, что одно из естественных, но неизбежных неудобств прогулок по городу без сопровождения – это то, что окружающие – в том числе розовощекие кебмены – могут превратно понять ее. Эта неприятная мысль лишь подхлестнула ее решимость поступать так, как ей хочется.

Еще за три квартала она услышала звуки музыки и пение,

бой барабанов и ритмичное хлопанье в ладоши. Теперь, когда она остановилась на площади, ритм необычной музыки, казалось, стучал у нее в голове. Ее потрясло зрелище танцующих мужчин, женщин, детей, которых собралось на площади не менее полутысячи.

На отгороженной площадке, в тени древних смоковниц, танцоры отдавались во власть музыки. Энни пожалела, что рядом нет Джеффри, который мог бы объяснить ей смысл разных танцевальных движений. Впрочем, он мог быть здесь в толпе зрителей, приникших к ограде. Она огляделась в надежде разыскать его среди десятков мужчин в сюртуках.

Заметив, что элегантно одетая креольская публика, прогуливаясь мимо, косится на нее, Энни поняла, что выглядит странно, наблюдая за танцами издали, как ребенок, остановившийся в нерешительности у входа в цирк и опасющийся войти внутрь. Она опустила вуаль и стала пробираться вперед, где как раз освободилось место. Оказавшись в первом ряду, она сосредоточила все внимание на происходящем.

Черные танцевали босиком и были одеты, судя по всему, в обноски своих белых хозяев. Но несмотря на жалкую, поношенную одежду, танцоры держались с достоинством, которое восхитило Энни. Казалось, они не думали о том, что на них смотрят, и полностью растворялись в музыке, барабанной дробь и завораживающем монотонном пении. Многие двигались с полужакрытыми глазами, достигнув в своей медитации состояния транса.

Один танец закончился, начался следующий. Прежде танцоры, сбившись в кучу, просто притоптывали и плавно извивались в такт музыке, а теперь разбились на пары. Пение и барабанный грохот стали более ритмичными и напористыми, от чего сердце у Энни буквально заколотилось. Она была потрясена и заворожена и даже начала машинально отбивать ногой ритм.

Теперь она уже не хотела, чтобы с ней был Джеффри, который мог объяснить ей смысл танца, ей хотелось оказаться рядом с Ренаром, чтобы он разделил ее восхищение. Но она не могла представить его себе в такой обстановке – среди бела дня, в обычном костюме. Он оставался для нее таинственным ночным героем.

Танец с каждой минутой становился все более смелым и экзотичным. Мужчины кружили женщин, после чего ползали у их ног по-змеиному. Некоторые пары изображали... половой акт! Энни смотрела на это широко раскрытыми глазами и... возбуждалась. Теперь она понимала, почему Реджи возражал против ее присутствия здесь. Он, без сомнения, умер бы на месте, если бы узнал, что она была на площади Конго, видела этот танец и реагировала на него таким бесстыдным образом!

Энни не задумывалась о том, что в танце есть какая-то аномалия или даже что-то аморальное. Этот танец был слишком интимным для публичного исполнения, и Энни вдруг с негодованием поняла, что это всего лишь еще одно свиде-

тельство унижения африканцев. Они не имели права даже на то, чтобы собраться вместе и потанцевать без посторонних глаз. Каждое их движение оценивалось, подвергалось критике или одобрению. Даже в танце они оставались рабами.

Энни отвернулась, и вдруг ее пронзило желание немедленно уйти, так же как совсем недавно она стремилась сюда. Она стала пробираться через толпу, в глазах у нее стояли слезы. Ей не терпелось вернуться домой, чтобы как можно скорее отделиться от скопища любопытных зрителей. Она не хотела принимать участие в этой эксплуатации человеческих чувств.

Наконец она выбралась из толпы на пустынную улицу. Смахнув с ресниц невольные слезы, Энни стала оглядываться в поисках кеба. Не найдя его, она двинулась домой пешком. Кеб, возможно, попадетя по пути, но оставаться на площади ей не хотелось.

Но в таком случае она подвергает себя риску встретить кого-нибудь из знакомых. Это могло быть либо кстати, либо очень нежелательно. Столкнуться с Джеффри было бы спасением, а встреча с кем-нибудь из светских знакомых тетушки, которые осудили бы ее появление на улице без провожатого, могла иметь неприятные последствия. Энни не была расположена пускаться в объяснения и собиралась придумать какую-нибудь, пусть даже нелепую, историю, чтобы оправдать свое поведение.

Она подобрала юбки, вызывающе приподняла подбородок

и устремилась по кратчайшему пути, ведущему на север, к району Фобург-Сент-Мэри, где находился тетин дом. Не глядя по сторонам, она спешила как могла, надеясь на спасительную черную вуаль. Миновав четыре квартала, она переходила дорогу, когда кто-то сзади схватил ее за локоть.

Вынужденная резко остановиться, Энни с трудом удержалась на ногах. Она испугалась и рассердилась одновременно; в ее глазах сверкало возмущение, когда она обернулась к тому, кто посмел так грубо обойтись с ней. Перед ней стоял высокий и плотный мужчина средних лет с красным, как редиска, носом. Его костюм был поношен и неопрятен, светлые короткие бакенбарды буйно кустились. Судя по его остекленевшим, лукаво поблескивавшим глазам, он был пьян.

– И куда это спешит такая красотка? – Он огляделся и, пошатнувшись на нетвердых ногах, приблизил к ней свое лицо. – И похоже, в полном одиночестве. – Из рта у него дурно пахло алкоголем и какой-то едой, что подтвердило ее предположение о том, что этот тип как следует подкрепился горячительным в ближайшей забегаловке.

Энни попыталась вывернуться, но его рука оказалась такой же крепкой, как и запах изо рта. Его толстые пальцы впились ей в локоть; она не сомневалась, что на коже от них останутся синяки.

– Я требую, чтобы вы отпустили меня, сэр, – сказала она, оглядываясь в поисках возможной помощи. Но улица была пустынна, если не считать одной пары в ее конце, которая

быстро удалялась в противоположном направлении. Для того чтобы привлечь внимание людей, ей пришлось бы закричать, но она не хотела устраивать сцену. Она представляла себе, в какое негодование придет Реджи, если ее доставит домой городской патруль.

– Ты требуешь, чтобы я отпустил тебя, да? – хохотнул незнакомец. – А ты с гонором, как я посмотрю. И выговор у тебя смешной. Ты из старой доброй Англии, детка?

– Вы нарушаете закон, сэр, – сквозь стиснутые зубы процедила Энни, свирепо глядя на него. – И если вы сию секунду не отпустите мою руку, я закричу и позову на помощь.

– Кричи. Только не придет никто. Все на площади, смотрят, как танцуют эти дикари. Интересно, чем, по-твоему, я нарушаю закон?

– Вы задерживаете меня против моей воли. Это оскорбление, сэр.

– Оскорбление, вот как? А я-то думал, что ты собираешься кричать, что тебя насилуют, или что-нибудь в этом роде. – Он широко усмехнулся и плотоядно скосил глаза на ее грудь. Энни не на шутку испугалась. – А я тебя еще даже не поцеловал.

– Если вы не отпустите меня сейчас же, я закричу, – повторила свою угрозу Энни тихо, но отчетливо. Она хотела, чтобы он понял каждое ее слово. Хотела дать ему последний шанс.

– Ты уже это говорила, красавица, – отвратительно оскла-

бился он.

– Теперь я действительно это сделаю.

Энни почувствовала, как расслабились его пальцы, и это вернуло ей надежду на спасение. Но вдруг он толкнул ее в ближайший проулок и прижал к кирпичной стене дома, навалившись на нее всем телом.

Теперь закричать она уже не могла. Дыхание сперло у нее в груди, когда она стукнулась спиной о стену. А когда она немного пришла в себя, насильник поднял вуаль и зажал ей рот рукой.

Энни вырывалась изо всех сил, била его кулаками по спине и извивалась всем телом, но тщетно – ее противник был слишком силен. Она добилась лишь того, что он прижал ее к стене сильнее, так что она ощущала прикосновение его мощных бедер. Настолько тесный контакт она выносить уже не могла.

Несмотря на страх оказаться в полной власти этого проходимца, который неизвестно что собирался с ней сделать, Энни чувствовала, что ее тошнит от запаха его пота, засаленной одежды и дыхания, пропитанного луком и винными парами.

Она с ужасом видела, как он склонился к ней и выпятил толстые губы для поцелуя. У нее не было времени понять почему, но в последний момент, когда она зажмурилась, смирившись с реальностью неизбежного, из ее замутненного сознания выплыло на поверхность видение – красивые руки в

перстнях с алмазами и изумрудами и точеный профиль Делакруа.

Глава 8

Энни крепко сжала веки, насильник был слишком поглощен своим грязным делом, и никто из них не заметил, что в проулке появился еще один человек. Энни очнулась от странного звука, напоминающего удар топора дровосека по толстому стволу дерева, – глухого и увесистого. Она открыла глаза и увидела, что на лице ее обидчика застыло удивленное выражение. Он держал ее так же крепко, но, судя по всему, его сосредоточенность на ней была чем-то рассеяна. Может быть, ударом по голове? Они одновременно обернулись и поняли, что не одни здесь.

От радости и облегчения сердце подпрыгнуло в груди у Энни. В трех футах от них во всем своем самодовольном великолепии стоял Делакруа, словно материализовавшись из ее воображения. Он был одет в черное, многочисленные цепочки от часов поблескивали серебром на солнце, шляпа небрежно сдвинута набок.

На его спокойном лице застыло едва ли не скучающее выражение. В теле не чувствовалось никакого напряжения, но поза была воинственной. Он немного наклонился вперед, его руки, усыпанные драгоценными камнями, небрежно лежали на набалдашнике трости. Всю тяжесть тела он перенес на одну ногу, другая была чуть согнута в колене. В его прищуренных обсидиановых глазах читалось ленивое недружелюбие.

– Месье, я предлагаю вам отпустить леди или испытать на себе последствия своего упорства.

Энни впервые с неопишуемой радостью слушала этот надменный, протяжный выговор.

– А ты кто такой? – язвительно поинтересовался насильник, кровожадно оглядывая Делакруа с головы до пят. – Видимо, это ты стукнул меня по куполу своей тростью, а?

– Признаю себя виновным. – Делакруа надменно выгнул бровь.

– Так вот, предупреждаю тебя, красавчик, если ты еще раз поднимешь на меня свою палку, я отниму ее у тебя и так отхожу ею, что ты надолго это запомнишь.

– Merci, месье. – Делакруа еще сильнее прищурился. – Я признателен за то, что вы предупредили меня о своих намерениях. Но не забывайте, что я предупредил вас первым.

Его противник расхохотался, запрокинув голову и выставив Энни на обозрение свою грязную толстую шею. Делакруа терпеливо ждал, когда он перестанет смеяться, не отводя бесстрастного взгляда от его лица. Но Энни почувствовала, как накаляется атмосфера вокруг. Она видела, как напряглись руки и ноги Делакруа. Его расслабленная поза была обманчивой. Он напоминал проволочную спираль, готовую в любой момент развернуться.

– Черт, ну и развеселил же ты меня! – Бродяга вытирал слезы с глаз тыльной стороной ладони, продолжая другой рукой крепко держать Энни. – Ни один парень, раздетый в

пух и прах, как ты, не захочет получить трепку из-за бабы и память свои кружавчики. А теперь иди своей дорогой, я еще не закончил с этой красоткой.

Делакруа выпрямился и прислонил трость к стене, после чего неторопливо снял перчатку только с правой руки и засунул ее в карман сюртука. Он скрестил на груди руки и слегка расставил ноги для устойчивости.

– Я не имею ни малейшего желания уходить отсюда, поэтому еще раз предлагаю отпустить даму и, как говорят американцы, убрать от нее руки.

– Ты что, как надоедливый комар, будешь зудеть над ухом, пока тебя не прихлопнут, а? – Насильник повернулся к Энни, снова обдав ее своим смрадным дыханием. – Подожди минутку, красотка, сейчас я размажу по стенке этого клопа, и мы вернемся к нашим делам. – С этими словами он отпустил ее.

– Идите домой, мадемуазель, – сказал ей Делакруа строго.

Но Энни упрямо покачала головой и, отступив всего на несколько шагов в сторону, прижалась к противоположной стене, чтобы наблюдать за предстоящей сценой. Ей претило всякое проявление жестокости, она не любила кровопролитий, но чувствовала, что не следует оставлять Делакруа один на один с этим громилой. Делакруа был очень силен, но, кто знает, сможет ли он использовать свое физическое превосходство лучшим образом? Одно дело дуэль, другое – кулачный бой. Ему могла понадобиться ее помощь.

Очевидно раздосадованный ее упрямством, Делакруа снова обернулся к своему противнику, который готов был на него броситься. Энни в отчаянии огляделась в поисках какого-нибудь оружия и подобрала с земли обломок доски. В этот момент она подумала о том, что леди нынче должна носить в сумочке не надушенный платок, нюхательную соль и немного денег, а крупнокалиберный пистолет.

С оглушительным пьяным ревом негодяй бросился на Делакруа. Тот увернулся, нанес ему удар в челюсть и отправил в нокдаун.

Таким образом, это малоприятное дело было улажено быстрее, чем Энни успела охнуть, и обошлось без пыхания, проклятий и стонов. Одним ударом в челюсть Делакруа расправился со своим противником. Энни осторожно шагнула вперед, изумленно глядя на поверженного врага и опасаясь, что он вдруг поднимется и свирепо бросится на Делакруа, как раненый, озлобленный медведь. Он лежал лицом вниз, его нижняя губа была разбита, из нее тоненькой струйкой вытекала кровь. Энни молча постояла над ним, после чего робко ткнула его ботинком в плечо. Он не шевельнулся. Его тело было безжизненно.

Энни взглянула в лицо своему спасителю, на лбу которого не было ни капли пота. Он казался холодным и невозмутимым, как английские озера весной. Своим спокойствием и важным видом он напоминал петуха, который с достоинством расхаживает среди кур на своем птичьем дворе. Энни

утратила дар речи.

– Мадемуазель, с вами все в порядке?

Энни отбросила доску, которой вооружилась для драки, и восхищенно покачала головой:

– Вы вышибли из него дух одним ударом.

– Да, – хмуро согласился Делакруа, растирая руку, которая нанесла этот решающий удар. – Он пьян и грязен, я не хотел бороться с ним. И потом, существенного вреда я ему не причинил. Он проспится, а через несколько часов очнется и не будет помнить, как здесь оказался, после чего потащится домой, правда, немного потрепанный. – Он строго оглядел ее с головы до пят. – Я повторяю свой вопрос, мадемуазель: с вами все в порядке? Вы тоже лишь немного потрепанны?

– Да, – поспешила успокоить его она. – Но скажите, мистер Делакруа, как вам удалось это сделать? Я вижу, вы умеете драться!

– Я иногда боксирую для разминки, – пожал плечами он. – Поскольку я часто бываю в обществе женщин, мне приходится быть готовым к нападениям ревнивых мужей и отставленных любовников. Однако спасение дам, оказавшихся в пикантных обстоятельствах, – мой излюбленный повод для демонстрации боксерских способностей. – Он лукаво улыбнулся. – Обычно я получаю поцелуй в награду.

– Об этом не может быть и речи, – ответила Энни, чувствуя, что по ее груди, шее и щекам медленно распространяется жар. После того как она целовалась ночью с Ренаром,

Энни понимала, что не сможет поцеловать Делакруа даже в награду за свое спасение. Эта мысль смущала ее, потому что, несмотря на близость с Ренаром, ее все же влекло к Делакруа. – Но я готова искренне поблагодарить вас за помощь. А как вы узнали, где я? И что мне нужна ваша помощь? Я не видела на улице никого, когда этот мерзавец затащил меня сюда.

– Я видел вас на площади Конго, – ответил он, поднимая свою трость. – Вы ушли, но не взяли кеб, и я догадался, что вы решили идти домой пешком. Это было так же глупо, мадемуазель, как пойти одной смотреть негритянские танцы.

– А что я могла сделать? Никто не хотел идти со мной, – защищалась Энни.

– Вы могли остаться дома.

– Но ведь со мной ничего не случилось!

– С вами ничего не случилось, потому что я догадался пойти за вами следом, когда вы покинули площадь Конго. – Его глаза вспыхнули.

– Интересно, как вы заметили меня в такой толпе.

– Бестолковые женщины обычно выделяются из толпы, мадемуазель.

– Так же как самодовольные павлины с распущенными хвостами, мистер Делакруа! Однако вас я не заметила!

– Вы считаете меня павлином? – Делакруа улыбнулся. Его развеселило такое смелое сравнение. – Меня называли и похуже.

– И вполне заслуженно!

– Похоже, вы стараетесь оскорбить меня, мадемуазель. Восхитительно! У вас в Англии принято награждать своих галантных защитников оскорблениями?

– Это вы оскорбили меня! – задыхнулась от возмущения Энни. – Я действительно признательна вам за вмешательство, мистер Делакура, но этот грубиян всего лишь ухаживал за мной. Знаете, хотел... поцеловать меня и все такое.

– Именно «все такое» и должно было вас обеспокоить. Возможно, сначала он на самом деле хотел всего лишь поухаживать за вами, но страсть обычно вспыхивает внезапно. Он был пьян и очень опасен.

Энни нахмурилась. Делакура был прав, но она не хотела признавать это. В действительности она всерьез рисковала быть изнасилованной и своей нетронутой девственностью обязана своему спасителю. Она всерьез разволновалась и решила переменить тему разговора:

– А почему вы пошли за мной с площади Конго?

– Я уже сказал вам почему. – Он вытащил из кармана перчатку и принялся неторопливо натягивать ее, методично расправляя тонкую ткань между пальцами. Энни наблюдала за ним, как всегда, замороженная красотой его рук. – Я подумал, что вы легко можете попасть в беду. – Он весело взглянул на нее. – И как видите, я оказался прав.

– Я живу всего в нескольких кварталах от площади. В том, что я решила пройти пешком такое незначительное рассто-

ание, не было ничего глупого. – Она махнула рукой в сторону распростертого на земле тела: – Это просто несчастливая случайность. И потом, почему вы взяли на себя труд охранять едва знакомую женщину? Должно быть, вам это было неудобно.

– Да, чертовски неудобно. Мне пришлось оставить ради этого блистательную компанию.

Энни расценила его слова таким образом, что он был на площади со свитой своих неизменных поклонниц. Или, может быть, с любовницей. По какой-то причине эта мысль пробудила в ней желание спорить.

– Тем более. Значит, для того чтобы вы последовали за мной, должна была существовать какая-то веская причина, – настаивала она.

– Разве преступно быть джентльменом? – устало пожал плечами Делакруа. – Помимо того, что даме вашего круга и воспитания небезопасно гулять по городу без сопровождения, еще одна причина держать особу вроде вас на коротком поводке заключается в том, что вы, мадемуазель, имеете свойство притягивать к себе неприятности.

– Особу вроде меня! – Она вызывающе приподняла подбородок. – Я не давала вам повода отзываться обо мне в таком тоне. Дядя Реджи постоянно держит меня на коротком поводке, как вы изволили выразиться, поэтому у меня не было возможности притягивать к себе неприятности с тех пор, как я покинула Англию!

Если не считать, конечно, ее вмешательство в авантюру Ренара на борту «Бельведера». Но Делакруа не мог знать об этом.

Они молча смотрели друг на друга.

– Мадемуазель, я имел счастье наблюдать за вами в обществе с тех пор, как мы познакомились на «Бельведере». Вы даже не считаете нужным скрывать свой бунтарский нрав. А такая неженская, вызывающая манера держаться всегда чревата неприятностями.

– Это и вправду так? – переспросила она, уперев руки в бока и наклонившись вперед.

– Несомненно. Не думаете же вы, что я пошел за вами, потому что испытываю по отношению к вам некоторую симпатию? Поверьте, вы не в моем вкусе. Совсем не в моем.

– Если бы я была в вашем вкусе, мистер Делакруа, то у меня появилось бы основание немедленно перерезать себе горло, – придвинувшись к нему почти вплотную, заявила она. – Настоящий мужчина никогда не станет растрачивать жизнь на карты и женщин...

– Правда?

– И не будет эгоистично и потребительски относиться к деньгам и времени. Настоящий мужчина делает в своей жизни важное дело, например, сражается на поле брани, или занимается семьей и детьми, или строит школы, или... или... еще что-нибудь!

Взгляд Делакруа стал тяжелым, а нижняя челюсть окаме-

нела. Его глаза сверкали, как сколки каменного угля. Энни победоносно улыбалась, радуясь, что ей удалось поставить его на место, сбить с него обычную спесь.

– Настоящий мужчина никогда...

Она испуганно осеклась, когда Делакруа схватил ее за локоть. Он рывком притянул ее к себе, оттеснил на несколько шагов назад и прижал к стене. Энни была настолько ошеломлена, что не оказала никакого сопротивления.

Она чувствовала прохладный круглый контур его часов под правым соском, который вдруг затвердел. Кровь прихлынула к голове, кончикам пальцев на руках и ногах, сердце забилося быстрее. Грудь Делакруа была мощной и теплой.

Вблизи Энни хорошо видела синеву его тщательно выбритых щек и подбородка, заметила, какими жгуче-черными и буйными становятся глаза, когда он впадает в ярость. Но Делакруа владел собой, и эта ярость, как ей казалось, была для нее не опасна.

– Мое бедное дитя, – начал он с угрожающим спокойствием, – сдастся мне, что вы понятия не имеете, что такое настоящий мужчина. – В его дыхании смешивались приятные запахи мяты, лимона и чая. Энни инстинктивно лизнула верхнюю губу. Он заметил это движение языка и перевел взгляд на ее губы. – Итак... коль скоро вы так печально необразованны, почему бы мне не показать вам, что такое настоящий мужчина?

За последние десять минут Энни прижимали к стене уже

во второй раз. Сначала это сделал отвратительный, опасный тип, который собирался лишить ее девственности. Теперь она растерялась еще сильнее, чем в первый раз, потому что не была уверена, что не хочет этого. То, как вел себя Дела-круа, было не похоже на грубость уличного пристава. Он держал ее крепко, но не сковывая движений. Энни знала, что ей стоит только оттолкнуть его, и он ее выпустит.

Тогда почему она не отталкивала его? Ведь он ей не нравился. Совсем не нравился...

– Вы деретесь с яростью дикой кошки, cher. Интересно, целуетесь вы с такой же страстностью?

Энни почувствовала, что теряет над собой контроль, когда увидела, как губы Делакруа приближаются к ее лицу. Молить Бога о ниспослании еще одного дождя, способного охладить их пыл, было поздно.

– Вы забыли, что нужно закрыть глаза, ma petite... – усмехнулся он.

Она покорно закрыла глаза, и он поцеловал ее. Водоворот неведомых доселе ощущений поглотил ее целиком.

Вернее, не совсем неведомых... Она чувствовала то же, что и тогда, когда ее целовал Ренар!

Его губы были твердыми и теплыми, настойчиво просящими ее ответа. Она приоткрыла рот, и он провел кончиком языка по гладкой поверхности ее зубов. Она раздвинула губы еще шире, и он осторожно коснулся ее языка своим. Их поцелуй становился все более страстным. Он по-мужски гор-

танно зарычал от наслаждения, и от этого звука все содрогнулось в ее душе. Она ощутила, что слабеет от желания.

И еще от любопытства. Перед ней открывались новые возможности чувственного познания. Она медленно провела руками по его плечам, спине, затылку. Над тугим воротничком вились темные густые кудряшки. Энни запустила в них пальцы, на ощупь они оказались шелковистыми.

До этого момента руки Делакруа неподвижно лежали на ее талии. Теперь они пришли в движение, ласково сжимая ее. О, как близки они были друг к другу! Издалека, с площади Конго, доносился барабанный бой, и звуки этой примитивной музыки эхом отдавались в каждом нерве, в каждой клетке ее тела. Энни чувствовала себя восхитительно: такой распушенной, безответственной, окончательно вышедшей за рамки приличия. Она утратила чувство времени и пространства, забыла обо всем, кроме мужчины, который держал ее в объятиях и целовал...

– Cher, мне подождать тебя в экипаже, или ты закончишь... быстро?

Грудной и медоточивый женский голос, в котором слышалось саркастическое удивление, раздался у них почти над ухом со стороны улицы и разрушил магические чары их близости. Делакруа и Энни одновременно отстранились друг от друга и поспешно опустили руки по швам, как два маленьких проказника, устроивших драку в воскресный полдень и пойманных родителями на месте преступления.

Он смотрел на нее, она на него. Делакруа казался совершенно выбитым из колеи, как будто получил неожиданный удар кувалдой по голове, и смущенным, словно его застали врасплох. Энни предполагала, что выглядит не менее обескураженно и растерянно. Они оба оглянулись на ту, кто прервал их близость. Это была любовница Делакруа.

Воцарилось длительное молчание. Энни смотрела на прекрасную четверонку в ярко-розовом элегантном платье, с белым шелковым тиньоном на голове. Она держалась с царственным величием, словно была выше той сцены, невольным свидетелем которой стала, и взирала на Энни с холодным любопытством и небрежной улыбкой.

Под этим снисходительным взглядом Энни с каждой секундой чувствовала себя все более глупо. Головокружительный, живительный порыв страсти улетучился без остатка. Энни стало стыдно, опустив глаза, она не осмеливалась взглянуть на Делакруа. Но может быть, он тоже смущен...

– Кому, как не тебе, Микаэла, следовало бы знать, что я не могу закончить «быстро». Ведь в спешке пропадает столько удовольствия.

Энни подняла глаза, услышав насмешливый, протяжный голос Делакруа. В это невозможно было поверить! На его лице не было и тени смущения. Он снова стал самим собой, в его глазах опять отразилась ленивая скука. Его губы – те, которые минуту назад заставили ее забыть обо всем на свете, что было ей дорого и важно, – скривились в самодовольной

усмешке. От негодования Энни утратила дар речи.

– Какая жалость, cher, что такая чудесная интерлюдия была прервана, – сказал ей Делакруа. – Жизнь непредсказуема. Кто знает, как далеко мы могли бы зайти, если бы нам не помешали?

Энни не могла вымолвить ни слова, но телом владела хорошо. Она размахнулась и ударила его по лицу.

Делакруа лишь поморщился, хотя она вложила в удар всю силу и знала, что ему больно. Он потер щеку и взглянул на нее с видом, полным раскаяния:

– Похоже, я получил по заслугам.

– Похоже, что да. – Энни не узнавала своего голоса, который вдруг стал слабым, глухим, дрожащим.

Разум говорил ей, что в этой ситуации она была виновна ничуть не меньше, чем Делакруа. Она не оттолкнула его и даже заразилась его пылкостью. А может быть, более того. Но в присутствии любовницы Делакруа Энни испытывала смущение, которое преобладало над голосом разума и справедливости. Ее долг, как истинной леди, состоял в том, чтобы поставить зарвавшегося Денди на место.

– Пойдемте, мадемуазель, я провожу вас домой. – Делакруа протянул к ней руку, но она быстро отодвинулась.

– Не стоит беспокоиться, мистер Делакруа, – ответила она с достоинством. – Вас ждут. Мне бы не хотелось снова лишать вас такого блистательного общества. К тому же, полагаю, в экипаже мало места для троих. Я пойду домой пеш-

ком, как и собиралась. – Она повернулась и пошла прочь.

Делакруа удержал ее, стремительно схватив за руку.

– После того, что с вами случилось, даже полный дурак поймет, что такой женщине, как вы, опасно ходить по городу одной.

– Вы говорите об опасности, которая исходит от вас, мистер Делакруа, или от того несчастного бродяги, который лежит в грязи вниз лицом? Насколько я помню, мне угрожала опасность быть скомпрометированной как от вас, так и от него...

– Со мной вы будете в безопасности, – сказал он. – Даю слово.

– Минуту назад я не была в безопасности...

– Я тоже, – парировал он.

– Сэр, вы не джентльмен! – оскорбилась она.

– Правда задевает ваше самолюбие? – Он снова потер щеку, покрасневшую от ее удара. – Во всяком случае, на сегодня я могу поручиться за свое пристойное поведение. А вы?

– Я тоже. – Энни с достоинством приподняла подбородок и кивнула в сторону его любовницы, которая продолжала наблюдать за этой сценой с искренним изумлением: – Это она будет вашим поручителем, мистер Делакруа? Разве нам нужна компаньонка?

– Нет. – Делакруа ласково обратился к женщине: – Микаэла, иди и подожди меня в экипаже, пожалуйста. Я провожу даму домой. Мне не хочется оставлять ее на улице одну.

– Я не нуждаюсь в ваших заботах! – выкрикнула Энни.

– Конечно, cher, я подожду тебя в экипаже, если ты так хочешь. – Микаэла выгнула дугой свои прекрасные брови. – Разумеется, нужно проводить леди домой. Позаботься о ней, только не задерживайся надолго. Au revoir, cher. Au revoir, мадемуазель. – Она, шурша юбками, удалилась.

– Надеюсь, вам доставляет удовольствие унижать меня в присутствии этой женщины! – выпалила Энни. – А теперь, если позволите... – Она постаралась отнять руку, которую он по-прежнему крепко сжимал.

– Я не шутил, когда сказал, что вы не пойдете домой одна. Пошли. – Он довольно грубо притянул ее к себе, взяв под руку, так что они стали похожи на прогуливающуюся парочку. – И если не хотите устроить скандальную сцену, советую вам не вырываться и не сопротивляться. В противном случае я побегу за вами, и все происходящее будет забавным развлечением для воскресных гуляк, а также мы станем предметом городских сплетен на ближайшие несколько недель. Так что выбирать вам, но я надеюсь, что вы достаточно разумны, чтобы хотя бы раз повести себя руководствуясь здравым смыслом.

– Хорошо, – согласилась Энни, сердито опуская вуаль. – Отведите меня домой, если вам так хочется предстать в смешном свете. Но только не рассчитывайте на то, что я буду с вами разговаривать.

– Поверьте мне, cher, я не только не рассчитываю на это,

но и не хочу этого. Однако позвольте дать вам совет: если вы предпочитаете выглядеть естественно и не привлекать к себе слишком много внимания, перестаньте дуться и постарайтесь выглядеть более непринужденно. Меня никогда еще не видели в обществе недовольных дам. Улыбнитесь, покажите ваши красивые зубки.

– Нахальный тип! – пробормотала она сквозь стиснутые зубы, когда они вышли из проулка на солнце.

– Невыносимая упряmica! – отозвался он еле слышно.

Так они двинулись по Притания-стрит неторопливым прогулочным шагом, приятно улыбаясь и раскланиваясь со знакомыми. Эти случайные встречи только подогревали их взаимное раздражение, и поток приглушенных оскорблений, которыми они обменивались по дороге, не прекращался.

– Не трудитесь приглашать меня в дом, мадемуазель, – сказал Делакруа, подводя ее к дому. – Я полагаю, что вы хотели бы отблагодарить меня за оказанную мной неоценимую услугу...

– Хм!

– ...тем более что нас так грубо прервали, когда вы пытались выразить мне свою благодарность в прошлый раз...

– Наглец!

– ...но я думаю, что вы предпочтете войти в дом так же, как вышли из него, – тайком, на цыпочках.

Энни не удостоила его ответом. Она выдернула руку и быстро пошла к дому по дорожке, вдоль которой тянулись

клумбы с цветами. Уже взявшись за ручку двери и будучи готовой войти, она вдруг ощутила нездоровое любопытство и обернулась, чтобы посмотреть, стоит ли Делакруа у ворот или нет.

Он все еще был там и, казалось, ждал, что она оглянется, мерзавец! Он усмехнулся, коснулся шляпы и повернулся к ней спиной!

Энни вошла в дом и захлопнула дверь. Миновав перепуганного заспанного лакея, который выскочил на стук двери в холл, она наткнулась на неизвестно откуда взявшегося Реджи.

– И где, позвольте узнать, вы были, юная леди?

Глава 9

– Прошу тебя, дядя, не заставляй меня объясняться сейчас. – Энни быстро прошла мимо и начала подниматься по лестнице.

– Почему? Почему не сейчас? – Он бежал за ней, стуча каблуками по паркету, и его голос с каждой секундой становился все более тревожным. – Что-то случилось?

– Нет, ничего. – Энни ускорила шаг, подобрав подол платья.

– Тогда почему ты не можешь сказать, где была? Я заметил, что тебя нет дома, еще час назад. Я уже хотел послать за полицией. – Реджи помолчал, тщетно ожидая ответа. Энни не могла сейчас ни с кем говорить, потому что чувствовала, что готова расплакаться. – Энни! Остановись сейчас же и объясни, где ты была, а не то я запру тебя в твоей комнате до тех пор... до тех пор, пока тебе не исполнится тридцать!

– О, дядя Реджи, как ты можешь быть таким жестоким! – Она остановилась, не зная, то ли ей плакать, то ли смеяться. Слезинка задрожала у нее на ресницах и скатилась по щеке. Она взглянула на дядю, который стоял несколькими ступенями ниже ее в красном бархатном халате, его очки были сдвинуты на кончик носа. Он беспокожно хмурился. – Ты знаешь, что я взрослая женщина. Ты не можешь навсегда запереть меня от целого мира.

– Дитя мое, ты плачешь? Что стряслось? – Выражение его лица смягчилось.

– Боюсь, я сделала из себя посмешище, дядя. – Она смахнула слезинку со щеки и стала медленно спускаться, опустив голову и глядя под ноги.

Когда она сошла вниз, Реджи протянул ей свой белоснежный платок – их у него всегда было в избытке на любой случай жизни, – после чего обнял за плечи и отвел в библиотеку, где усадил в массивное кресло перед камином.

Пока он наливал им шерри из хрустального графина, стоявшего здесь же на столике, Энни использовала дядин платок по назначению. Она немного поплакала, сердясь на себя за эту слабость, после чего вытерла глаза и громко высморкалась. Реджи терпеливо ждал с двумя бокалами в руках, пока она приведет себя в порядок. Наконец она, взглянув на него со смущенной улыбкой, взяла бокал, пробормотала благодарность и сразу же сделала большой глоток.

Реджи внимательно наблюдал за ней, как больничная сиделка, следящая за тем, чтобы пациент выпил рыбий жир до последней капли. Наконец он уселся на стул напротив и, положив ногу на ногу, сам отхлебнул изрядную дозу в чисто медицинских целях.

– Ну вот, моя девочка, теперь, надеюсь, ты чувствуешь себя лучше. Хочешь поговорить со мной?

– Да, конечно. Но я должна начать с признания. – Энни виновато взглянула на него.

Она рассказала Реджи все по порядку о том, как выбралась из дома, пошла на площадь Конго, а потом решила вернуться домой пешком, потому что не нашла кеб. Он изредка прерывал ее вопросами или тревожными восклицаниями.

Когда в своей истории она добралась до инцидента с пьяным бродягой, Реджи вскочил с места, пылая от негодования:

– Где этот мерзавец? Я вызову его! Я... я его...

– Не нужно, в этом нет необходимости. – Она взяла его за руки с невольно сжатыми кулаками и усадила обратно. – Он ничего не успел сделать. Даже не поцеловал меня. Мистер Делакруа случайно проходил мимо и подоспел вовремя, чтобы меня спасти.

– Делакруа? – Услышав это имя, он успокоился, но очень удивился: – Но я не понимаю, как он спас тебя? У него был пистолет?

– Делакруа не стрелял в него.

– Просто припугнул?

– Нет. Он ударил его, и тот потерял сознание.

Реджи раскрыл рот от изумления.

– Странно, – заявил он, придя в себя от шока. – Никогда бы не подумал, что этот молодой человек в состоянии ввязаться в уличную драку. Это характеризует его с лучшей стороны. Я глубоко признателен ему, и мне хотелось бы поблагодарить его. Я полагаю, он проводил тебя до дома? А потом, вероятно, не захотел, чтобы его увидели, и поспешил домой

переодеться и принять ванну. – Реджи старался удержаться от улыбки. – Представляю, в каком он был виде! Наверное, его кружева и кольца веером разлетелись вокруг, а?

– Нет, дядя. Мистер Делакруа нокаутировал этого человека одним ударом в челюсть. – Она печально улыбнулась. – И ни одно из его кружев даже не помялось.

– Боже мой! – Лицо Реджи озарила улыбка. – Мне всегда нравился этот юноша, но я не мог понять почему. Теперь я понимаю. Он обладает практической смекалкой. Должен заметить, что он оказал тебе невероятную услугу. – Реджи вдруг нахмурился и поник всем телом.

– Что с тобой, дядя?

– Энни, ты ведь могла пострадать. Милосердный Боже, тебя могли...

– Изнасиловать. Да, я знаю.

– Не представляю, как мы вообще можем выразить ему свою благодарность, – покачал головой Реджи.

Энни решила не разрушать восторженное настроение дяди рассказом о любовных поползновениях самого Делакруа. Сначала она хотела излить свою досаду и ублажить уязвленную гордость, но после, по здравому размышлению, призналась самой себе, что была виновата в их интимном сближении не меньше, чем Делакруа.

К тому же она понимала, что Реджи будет вне себя от ярости, потому что не сможет понять ее собственной роли в этой любовной сцене. Она сама до конца ее не понимала.

– Я очень устала, дядя. Мне нужно прилечь и отдохнуть.

– Конечно же! – Он вскочил, немедленно преисполнившись заботливости. – Если бы я знал, какой ужас тебе пришлось пережить, то немедленно отправил бы тебя в постель. – Он взял ее под руку и повел к двери.

– Превосходно! – Энни весело хохотнула. – Я в полном порядке, так что горячая ванна и получасовой сон окончательно поставят меня на ноги.

– Ты пережила серьезное нервное потрясение. Я думаю, тебе стоит пообедать в постели и оставаться наверху до завтрашнего утра...

– Нет, это невозможно. К обеду должен прийти Джеффри, и я должна повидаться с ним. Не хочешь же ты, чтобы я принимала его в своей спальне, а?

– Господи, да я терпеть не могу, когда он сидит рядом с тобой в гостиной! Энни, не упрямясь. Сделай хоть раз так, как я прошу.

– Я часто делаю так, как ты просишь. Но сегодня не могу. Помни, что я взрослая женщина и способна сама принимать решения, даже если они окажутся ошибочными. Ты можешь советовать мне, но не диктовать свою волю.

– Хорошо, больше не буду, – хмыкнул Реджи. – За исключением тех случаев, когда ты вознамеришься предпринять что-нибудь, к чему я не могу отнестись с одобрением. Скажи, ты не возражаешь, если я провожу тебя в комнату? Простишь своего старого дядюшку за излишек внимания?

– Если хочешь и силы позволяют тебе, ты даже можешь отнести меня наверх на руках, – улыбнулась она.

– Ха! Я вряд ли на такое способен. А вот Делакруа... Я начинаю думать, что этот человек способен гораздо на большее, чем мы привыкли о нем думать.

В глубине души Энни согласилась с ним.

Позже, лежа в горячей ванне, от которой шел душистый травяной пар, она постаралась разобраться, почему ее так тянет к Делакруа. Как и прежде, она пришла к выводу, что это всего лишь физическое влечение. Ей по-прежнему неприятны его надменность, самовлюбленность и лень, его манера ухаживать за женщинами... Ей не нравятся его представления об этике и морали, его политические убеждения. Энни не смогла бы найти с ним общий язык ни по одному из этих вопросов.

Правда, иногда он проявляет некоторое человеколюбие: спас ее сегодня днем, с искренним чувством рассказывал о своей семье на кладбище, проявил хороший вкус в выборе любовницы и, похоже, обращается с ней как с настоящей леди. Однако он всегда умудрялся разрушить приятное о себе впечатление какой-нибудь отвратительной выходкой.

Энни тяжело вздохнула и выжала мыльную пену из губки на торчащую из воды коленку. Обезоруживающая правда заключалась в том, что, несмотря на вызывающие, грубые манеры, Делакруа обладал внешностью и фигурой сексуально привлекательного мужчины, который умел восхитительно

целоваться. И природная, «примитивная» сторона ее сущности отвечала на его ласки и поцелуи, невзирая ни на что.

Признавшись самой себе в том, насколько похотлива ее натура, Энни погрузилась в ванну целиком, так что над поверхностью воды остались лишь глаза и нос. Что уж говорить, ей понравилось целоваться с Делакруа. И он, к Ренар превосходно умели это делать. И очень похоже. Однако объяснить себе возбуждение, в которое она пришла от близости с Ренаром, она еще могла. Он стоил того, чтобы воспылать к нему страстью. Но почему такой наглец, как Делакруа, вызывал в ней то же чувство?

«Боже мой, неужели знойная Луизиана превращает меня в распутную женщину?» – в отчаянии подумала Энни.

* * *

– Это она?

Люсьен повернул голову на подушке и при тусклом свете свечей взгляделся в лицо Микаэлы. Он лежал на постели одетым. Она стояла в дверях в прозрачной белой ночной рубашке с подносом, на котором дымился кофе и была вазочка с пирожными.

– О чем ты, Микаэла?

– О той блондинке в переулке.

Люсьен напрягся, приятная расслабленность и сонливость мгновенно сменились возбуждением. Но он старался

казаться равнодушным к словам Микаэлы. Она села рядом с ним на кровать и поставила поднос на столик. Ее соблазнительной формы бедро вдавилось в матрас, когда она прилегла рядом с Люсьеном и провела рукой по его груди.

– Это о ней ты рассказал мне несколько недель назад, когда я догадалась, что у тебя кто-то есть?

Люсьен онемел от этих слов. Его раздражала пронизательность Микаэлы. Он не хотел признаваться самому себе, не то что ей, в том, что Энни стала настолько важна для него, что он уже не может заниматься любовью с другой женщиной. Эта мысль пугала его.

– Микаэла, ты красивая, соблазнительная женщина, – уклончиво отозвался он. – С тех пор как я поселил тебя здесь, я не был близок ни с одной женщиной, кроме тебя.

Микаэла поежилась, медленно выводя кончиками пальцев круги на его груди. Она всегда была такой – очень чувственной и любящей прикосновения. Разве найдется хоть один мужчина в здравом уме, который не сочтет ее желанной?

– В последнее время ты очень напряжен, cher, и ведешь себя как человек, у которого тяжело на сердце. Может быть, ты никого и не любил все это время, но меня ты тоже больше не любишь. Уже несколько недель.

– Обычно ты жаловалась, что я ненасытен. – Люсьен выдавил из себя улыбку.

– Ты знаешь, что мне всегда нравилось то, как мы зани-

маемся любовью. – Она посмотрела, как он спокойно лежал одетый, после чего нагнулась, от чего ее густые темные волосы упали вперед, и внимательно посмотрела ему в глаза. – Но однажды ты женишься, Люсьен. Скажи, твоей женой станет эта англичанка?

– О Боже! – натянуто рассмеялся он. – Тот человек, который женится на этой маленькой мегере, проклянет все на свете!

– Я говорю серьезно, cher. – Микаэла не разделила его веселья.

Люсьен тоже нахмурился, взял ее за руку и нежно поцеловал в ладонь.

– Ты беспокоишься о своем будущем? Так знай, что я оставлю тебе этот дом и достаточно денег, чтобы начать новую жизнь... с человеком, который, я надеюсь, будет тебя достоин. Может быть, с тем кузнецом, который бросает на тебя влюбленные взгляды каждый раз, когда мы с тобой появляемся на базаре.

Щеки Микаэлы покрылись нежным румянцем. Легкая улыбка коснулась ее губ и тут же исчезла.

– Я беспокоюсь не о себе, Люсьен, а о тебе. А что, если эта английская девушка – любовь, которую ты ждал всю жизнь? Что тогда ты станешь делать с... другой частью своей жизни?

Люсьен никогда не рассказывал Микаэле о своем втором «я» – Ренаре. Они доставляли друг другу физическое удовольствие и заботились друг о друге, но их отношения не

были настолько близкими, чтобы делиться мыслями и тайнами, как это обычно бывает у влюбленных. Никто из них не питал романтических иллюзий насчет их будущего. Они были друзьями. А Микаэла к тому же обладала удивительной способностью читать его мысли. Но возможно ли, чтобы она догадалась о Ренаре?

– Что ты подразумеваешь под другой частью моей жизни? – спросил он как можно более непринужденно.

– Ты знаешь, о чем я, – ответила она, не отводя прямого и честного взгляда.

– Правда?

– Да. И коль скоро ты не хочешь подтвердить мои подозрения, я больше ничего не скажу. Но настанет день, cher, когда тебе придется сделать выбор. Я никогда раньше не видела, чтобы какая-нибудь женщина настолько завладела тобой, так эта. Ты всегда, разумеется, флиртовал с дамами, но сдается мне, что теперь встретил свою судьбу.

Люсьен не ответил. Микаэла не сказала ничего нового, о чем бы он сам не думал сотни раз. Противоречие между вынужденным маскарадом и охватившей его страстью к Энни Уэстон разрывало его сердце. Сегодня в проулке он снова вкусил райское наслаждение. Но этот рай был чреват дьявольскими ловушками для нее и для него. Их сегодняшние объятия привели его к пугающему, хотя и невероятно приятному выводу о том, что Энни по какой-то необъяснимой причине отвечает на его ласки. Она отвечает на ласки Денди

Делакруа...

Но сегодня мысли его были заняты не только Энни. На вечер они с Арманом запланировали очередной побег рабов. Эта акция должна была дать свободу по крайней мере еще троим неграм, которые влачили жалкое существование в невыносимых условиях здесь, в городе. Хозяйка жестоко избивала их. Люсьен готовил этот побег несколько недель.

Теперь он погрузился в размышления, его взгляд бесцельно блуждал по комнате. Часы на каминной полке пробили шесть раз. Он посмотрел на Микаэлу, которая терпеливо, участливо и немного торжественно ждала, когда он обратит на нее внимание.

– Микаэла, я никогда не расскажу тебе ничего, что может поставить под угрозу твою жизнь. Кто я и что я – вопрос сложный и запутанный. Я не стану утверждать, что мисс Уэстон мне безразлична, но я вовсе не уверен, что она может стать частью моей жизни. – Он тяжело вздохнул.

– Я хочу всего лишь, чтобы ты был счастлив и в полном порядке, Люсьен.

– Я хочу для тебя того же, cher, – нежно улыбнулся он. – А теперь я должен встать и пойти домой, пока не уснул.

– Иногда, Люсьен, мне хочется, чтобы ты был не таким уж благородным. – Микаэла с лукавой улыбкой поднялась с кровати.

– Обычно я вовсе не так уж благороден, как мне бы хотелось, – ответил он с сожалением, глядя ее по щеке тыльной

стороной ладони.

– Мы скоро увидимся? – спросила она, провожая его до двери.

Их глаза встретились. Они оба знали, что его следующий приход скорее всего будет последним.

– Да, Микаэла. Мы увидимся скоро.

* * *

Тем же вечером после обеда Энни и Кэтрин оставили Реджи одного и направились в гостиную подождать Джеффри Уиклиффа. Энни была особенно рада не мешать чисто английской привычке дяди пить после обеда портвейн, потому что хотела поговорить с тетей до прихода Джеффри.

– Тетя Кэтрин, не могла бы ты оказать мне услугу? – начала Энни, как только они опустились на мягкую софу у камина.

Кэтрин прислонила трость к подлокотнику и неторопливо расправляла складки на юбке.

– Конечно, дорогая, все, что в моих силах, – ответила она, взглянув на Энни.

– Надеюсь, что это в твоих силах. – Энни взволнованно разглаживала юбку на коленях. – Я хочу, чтобы ты как-нибудь уговорила дядю Реджи оставить нас с Джеффри наедине на несколько минут.

– Вот как? – Расторопные руки Кэтрин замерли, и она

пристально взглянула в глаза племяннице: – Могу я узнать, почему ты хочешь остаться с Джеффри наедине? Или ответ на этот вопрос слишком очевиден?

– Нет. – Энни прикусила нижнюю губу и неловко заерзала на своем месте. – Ответ не очевиден, если ты думаешь, что я хочу дать Джеффри возможность пофлиртовать со мной. Это не так.

– Тогда зачем тебе оставаться с ним наедине? Тем самым ты только ободришь его.

Энни придвинулась к ней ближе и заговорщицки прошептала почти в самое ухо:

– Он знает кое-что о Ренаре... И я до смерти хочу это выведать.

– Да что ты! И что же он может знать о нем? – Кэтрин явно заинтересовалась этой новостью, взяла трость и стала нервно вертеть набалдашник.

– У Джеффри есть сведения, что Ренар подготовил еще один побег рабов и собирается переправить их в Канаду. Разве не восхитительно?

– Откуда Джеффри может знать о таких вещах? – нахмурилась Кэтрин.

– У него есть связи.

– Какие связи?

– Понятия не имею. – Энни решила не рассказывать тебе о том, что у него есть свой человек среди людей Ренара. Джеффри наверняка этого бы не одобрил. – Какие-то люди,

которые роют землю и раскапывают интересные факты для его статей. Но сейчас случай особый, потому что Джеффри знает, где у Ренара назначена тайная встреча, и собирается лично быть там.

– И он хочет рассказать об этом тебе?

– Нет, я думаю, не хочет. Он собирается подразнить меня – держать перед носом морковку и не дать укусить ни разу. Но у меня будет возможность выведать его тайну, если Реджи выйдет из комнаты.

– А зачем тебе знать ее, Энни? Я понимаю, что тебя захватывают эти романтические истории о Ренаре, но не станешь же ты охотиться за ним? Этот человек – разбойник.

– Я не дура, тетя, – устало выдохнула Энни.

Наконец Кэтрин неохотно согласилась увести Реджи из комнаты. Когда Джеффри приехал, Энни так и не знала, каков тетин план, но не сомневалась, что она обязательно что-нибудь придумает. Реджи сразу же присоединился к ним. Он с высокомерной учтивостью кивнул Джеффри, небрежно пробормотал приветствие и уселся читать газету. Обычно он держался с Джеффри с притворной любезностью, но сегодня вел себя попросту грубо, потому что не мог простить молодого человека за то, что тот заронил в голову племянницы идею отправиться на площадь Конго.

В течение мучительных пятнадцати минут Энни терпеливо ждала действий со стороны тети. Наконец Кэтрин привела свой план в исполнение. Она упала в обморок. Энни сначала

ла пришла в замешательство, после чего решила подыграть тете:

– О Боже! Тетя Кэтрин! Что с тобой?

Кэтрин лишилась чувств настолько правдоподобно, что Энни в первый момент испугалась не на шутку. Она готова была подумать, что обморок настоящий, если бы Кэтрин не улучила момент и не подмигнула ей, когда Реджи бросился за бокалом разведенного водой вина, чтобы привести ее в чувство.

Кэтрин понемногу приходила в себя, пока Реджи суетился вокруг нее, хлопал ее по руке и вообще держался так, как будто собирался с ней под венец. Он несколько раз предлагал послать за доктором, но Кэтрин категорически возражала. Наконец ей удалось убедить его, что глоток свежего воздуха спасет ее. Энни удивилась, что дядя всерьез обеспокоен легким недомоганием Кэтрин, а та, судя по всему, получает удовольствие от того повышенного внимания, которое он ей уделяет.

Реджи помог Кэтрин подняться и с величайшей осторожностью и трогательной заботой повел ее из гостиной в холл, даже не оглянувшись на Энни и Джеффри. То ли из-за того, что она оставила трость в гостиной, то ли потому, что решила сыграть свою роль до конца, известная своей выносливостью Кэтрин Гриммс всю дорогу опиралась о плечо Реджи.

– Великолепное шоу! – тихонько хохотнула Энни.

– Энни, иди сюда.

Она обернулась, удивленная развязностью тона Джефффри. Оказалось, что он сидит на диване и похлопывает ладонью по подушкам рядом с собой.

– К чему ты хочешь склонить меня, Джефффри?

– Я не такой болван, – усмехнулся он. – Я видел, как Кэтрин подмигнула тебе, когда Реджи разливал вино, и знаю, что она разыграла обморок. Есть только одна причина, по которой ты захотела бы избавиться от бдительного ока твоего дядюшки. Интересно, что твоя тетя согласилась принять участие в этом розыгрыше.

– И что же это за причина? – Энни приподняла бровь и скрестила на груди руки.

– Чтобы мы могли остаться наедине, – пожал плечами Джефффри. – И если это не приглашение для очередного поцелуя, то тогда что же?

Энни покачала головой, подошла к дивану и села, но так, чтобы Джефффри не мог дотянуться до нее рукой.

– Ты самонадеянный тип, Джефффри. Мне не нужно было оставаться с тобой наедине, чтобы ты меня поцеловал. Разве ты забыл? Ты обещал рассказать мне то, что знаешь, о сегодняшнем побеге рабов, который организовал Ренар.

– Снова Ренар! – с удивившей Энни горечью в голосе и изменившимся лицом воскликнул он. – Неужели ты всегда думаешь только о нем? Или только тогда, когда бываешь со мной?

У Энни мгновенно испортилось настроение. Пренебре-

жительная манера, в которой Джефффри отзывался о Ренаре, смутила ее. Ей казалось смешным, что он ревнует ее к человеку, с которым у Энни не было никаких отношений, но... неужели он действительно ревнует ее?

– Мне казалось, что мы оба восхищаемся Лисом, – увещательно отозвалась Энни. – Я думала, тебе интересно разговаривать о нем.

– Да, – ответил Джефффри, проводя ладонью по волосам. – Я действительно восхищаюсь им и люблю говорить о нем с тобой. Но как ты уже знаешь, я не люблю говорить все время, особенно когда хочу, чтобы меня вместо этого целовали.

– Мне жаль разочаровывать тебя, – сказала Энни, несколько уязвленная и испуганная, что ее отказ помешает ей узнать то, что Джефффри знает о Ренаре. – Однако я избежала от дяди вовсе не для того, чтобы ты меня целовал. Я уже говорила, что еще не готова к этому. – Мысленно она добавила: «Не думаю, что я когда-нибудь буду готова – по крайней мере с тобой». – Ты обещал рассказать о Ренаре, и я подумала, что ты не сможешь это сделать в присутствии Реджи. Только по этой причине я попросила тетю Кэтрин помочь мне.

– Хорошо. – Джефффри вздохнул и печально покачал головой. – Мне давно следовало привыкнуть к твоим женским штучкам. – Несколько секунд прошли в гнетущем молчании, после чего он выдал из себя жалкую улыбку. Энни была рада даже этому крохотному знаку того, что к нему снова

возвращается дружеское расположение к ней.

– Давай не будем терять время. Расскажи мне, что ты знаешь о Ренаре, Джеффри.

Он сидел опустив голову и глядя на свои сплетенные пальцы, затем печально поднял на нее глаза.

– Ну? – настаивала она, сходя с ума от нетерпения.

– Я ничего не могу рассказать тебе, – вздохнул он.

– Ты разозлился на меня и хочешь таким образом добиться своего! – воскликнула она.

– Нет, это неправда. Я действительно не могу этого сделать. Это слишком рискованно для тебя и вообще для всех вовлеченных в это дело.

– Тогда почему ты сказал...

– Я не подумал. Я был не прав, когда пообещал тебе это. Я забыл о своем обещании и вспомнил только теперь, когда оказалось, что ты избавилась от дяди для того, чтобы что-нибудь разузнать о Ренаре, чем разрушила мои самые радужные надежды.

Энни нахмурилась и впала в глубокую задумчивость, после чего сказала:

– Ты не можешь сказать мне, на который час намечен побег? Когда придет время, я буду думать о тебе и постараюсь представить себя там.

– К тому времени, когда мы, мужчины, будем смотреть в лицо опасности, ты будешь крепко спать и видеть сны.

Энни решила пропустить мимо ушей это высокомерное

замечание и предпринять еще одну попытку выудить из Джеффри информацию.

– Ты ведь будешь осторожен, правда? Будет ужасно, если ты упадешь с лошади и сломаешь шею.

– У меня нет лошади, Энни. И... слава Богу!.. мне она не понадобится, чтобы... – Он вдруг замолчал и подозрительно посмотрел на Энни.

– Значит, место встречи где-то поблизости? Возможно, в черте города?

– Больше никаких вопросов, Энни. – Он поднялся. – Я знаю, что тебе очень хочется выведать у меня что-нибудь, но больше ни одного слова ты от меня не добьешься.

Она умоляюще взглянула на него. Джеффри тяжело вздохнул:

– И не думай, что я снова поддамся на твои маленькие женские хитрости. Мне пора.

Умоляющий взгляд сменился на хмурый.

– Ты злишься на меня. Это еще одна причина сделать мой сегодняшний визит кратким. – Энни не ответила, и он потянулся за шляпой. – Спокойной ночи, Энни.

Когда он сделал шаг к двери, она вдруг почувствовала себя виноватой и протянула руку, чтобы удержать его:

– Подожди, Джеффри.

Он обернулся и вопросительно посмотрел на нее.

– Мы ведь останемся друзьями? – улыбнулась она.

Джеффри долго и пристально смотрел на нее. Потом вер-

нулся к ней, взял ее за подбородок и поцеловал в губы, жадно и властно, прежде чем она успела возразить.

– Энни, мы больше чем друзья, – рассмеялся он, глядя в ее недоуменные глаза. После чего нацепил фривольно шляпу и направился к двери.

Через несколько секунд Энни, растирая подбородок, на котором остались следы от пальцев Джеффри, услышала, как за ним захлопнулась входная дверь.

Ей следовало рассердиться на него за то, что он поцеловал ее, но в тот момент ее интересовало совсем другое. Она просто ощущала прикосновение его губ к своим. А думала о другом. Энни строила планы, рассчитывала возможности. Она собиралась отправиться на сегодняшнюю встречу вместе с Джеффри. Существовали способы самостоятельно добраться туда. Далее он поможет ей, сам того не подозревая, и никогда не узнает, что она была там. Даже если ее и заметят, то никто ее не узнает. Она устроит маскарад.

* * *

Тем вечером Энни рано ушла к себе, предвкушая предстоящую встречу с Ренаром. Она сказала тете и дяде, что попросила экономку Терезу приготовить ей снотворное. Она знала, что каждый из них посчитает своим долгом заглянуть к ней в спальню прежде, чем отправиться к себе, поэтому решила громко храпеть, как будто действительно приняла сно-

творное и крепко спит. Реджи похвалил ее за благоразумное желание как следует отдохнуть ночью.

Поднимаясь по лестнице к себе, Энни жалела лишь о том, что у нее не будет возможности понаблюдать за тем, как Кэтрин и Реджи станут общаться после ее «обморока». У нее было чувство, что в их отношениях достигнут поворотный пункт. И теперь между ними будет крепнуть взаимное притяжение.

Реджи всерьез встревожило предположительное недомогание Кэтрин, а она искренне радовалась его заботливости. Но могут ли два таких в корне несопоставимых человека быть счастливы вместе? Энни считала, что они так же различаются во взглядах и отношении к жизни, как она и Делакруа.

В тот момент, однако, Энни занимали куда более насущные проблемы. Прежде чем подняться к себе, Энни заглянула в пустовавшие в то время помещения слуг и тайком проскользнула в маленькую комнатку слуги Реджи, Джеймса. Она взяла то, что ей было нужно, и удалилась, никем не замеченная. Затем она совершила набег на комнату дяди. Вернувшись к себе, она спрятала вещи в шкаф и вызвала камеристку Сару, чтобы та помогла ей переодеться ко сну, причесать и уложить волосы. После чего Энни отправила ее вниз за снотворным.

Когда Сара вышла, Энни не удержалась и, открыв шкаф, нащупала позади висящих платьев мужской костюм, кото-

рый выкрала из комнаты слуги Реджи. Он был ниже ростом, чем дядя, и обладал более хрупким телосложением, поэтому его костюм был Энни почти впору. К тому же скромный покрой и недорогая ткань, из которой он был сшит, больше подходили для задуманного маскарада.

Энни собиралась потихоньку выбраться из дома, когда Реджи и Кэтрин заснут, пешком дойти до пансиона Джефффри и дождаться, когда он выйдет. К счастью, несколько дней назад он показал ей, где живет, когда они проезжали по Кэмп-стрит – ответвлению Кэнэл-стрит в Американском квартале.

Из разговора с Джефффри ей не удалось выяснить точно, где будет устроен побег рабов, но она знала, что это произойдет поздно ночью, когда она предположительно должна крепко спать. Энни надеялась не опоздать. Джефффри также обронил ненароком, что отправится на тайную встречу пешком. Энни умела быстро ходить и не сомневалась, что с легкостью поспеет за ним.

Энни услышала шаги Сары, возвращавшейся со снотворным, и быстро спрятала костюм обратно в шкаф. Сара внесла в комнату чашку горячего чая, от которого шел пар.

– Вот, мисс, – сказала она. – Тереза говорит, что порошок, чтобы спать, в чае. Она говорит, что его следует выпить весь.

– Хорошо, Сара. Я это сделаю, как только лягу.

Сара кивнула, приподняла москитную сетку, откинула покрывало и взбила подушки. Пока она стояла спиной к Энни,

та успела выплеснуть содержимое чашки в умывальник.

– Ну вот, мисс, пожалуйста, – обернулась Сара к госпоже. – Вам тут будет удобно.

– Не сомневаюсь, – с улыбкой ответила Энни. Сара знала о ее неприятном столкновении с уличным пьяницей. Энни подозревала, что все слуги в курсе дела, но каждый знает свою версию этой истории. Она протянула Саре пустую чашку: – Я уже выпила и теперь буду спать крепко, как младенец в колыбели.

– Бог мой, мисс! Вы уже выпили? Но ведь чай был такой горячий!

– Не настолько, чтобы нельзя было вытерпеть. – Энни легла на кровать и натянула простыню до подбородка. Ночь была слишком жаркой, чтобы укрываться одеялом. – Если дядя спросит, скажи, что я выпила снотворное.

– Хорошо, мисс, скажу. – Сара расправила москитную сетку так, чтобы не оставалось отверстий, сделала книксен и улыбнулась.

Как только дверь за ней закрылась, Энни повернулась на бок и стала смотреть в окно. Стояла страшная жара. В ноябре. Здешний климат совсем не похож на британский. К тому же в Англии ей никогда не пришлось бы лежать в постели в нетерпеливом предвкушении такого заманчивого приключения.

Энни нахмурилась. Реджи не одобрил бы ее, называя это глупостью. Да мало кто не отнесся бы к этой затее, как к

опасной авантюре. Наверное, так оно и есть. Однако ее желание снова увидеть Ренара – хотя бы издали – было настолько сильным, что у нее не было выбора, кроме как подчиниться движущей силе инстинкта.

Прошлой ночью он был в этой самой комнате, обнимал ее, целовал. Энни закрыла глаза и вспомнила вкус его губ, тепло его рук, ласкающих ее обнаженное тело. Никто прежде не пробуждал в ней такую чувственность, желание жить.

Никто, это правда, кроме Делакруа! Энни неохотно призналась себе в том, что оба мужчины оказывали на нее одинаково разрушительное воздействие. За последние двадцать четыре часа она с обоими вступала в интимное соприкосновение, и, честно говоря, ощущения и воспоминания о них прочно переплелись и перепутались у нее в сознании.

Шторы колыхнулись от порыва ветра, легкий бриз пронесся по комнате и достиг кровати. Энни с наслаждением подставила ему разгоряченное лицо. Луна в эту ночь была почти полной, и по комнате разливался тусклый, потусторонний свет. Ничто не казалось реальным во мраке. Мебель, диванные подушки, безделушки на полках – все словно замерло в неподвижности, за исключением трепещущих штор.

Энни могла заснуть, если бы ее не переполняли нетерпеливое ожидание, мысли о Ренаре и... о Делакруа. Она потрянула головой. Как бы ей хотелось помешать этому негодяю проникать в ее мысли!

Она услышала какое-то движение и приглушенные голо-

са за дверь, затем ручка медленно повернулась. Она быстро перевернулась на бок, закрыла глаза и постаралась полностью расслабиться. Ей нужно было убедительно выглядеть спящей, давно и мирно.

Энни почувствовала отсвет лампы на лице, темнота немного отступила.

– Она спит, бедная девочка, – прошептал Реджи.

– Да, – ответила Кэтрин. – Снотворное сделало свое дело.

– Мы должны что-нибудь сделать для Делакруа, – сказал Реджи. – Он действительно спас ей жизнь, этой маленькой дурочке.

– Да, – согласилась Кэтрин. – Надо как-то продемонстрировать нашу признательность.

Наступила пауза, в течение которой, как сочла Энни, ее пристально разглядывали. Она чувствовала себя глупо, но при этом очень любимой. Где это видано, чтобы двадцатитрехлетнюю женщину так беззастенчиво баловали!

В следующий миг пятно света стало отступать, и дверь закрылась. Энни открыла глаза и прислушалась – ее любящие родственники расходились по своим комнатам. Интересно, с какими чувствами они расставались в этот вечер?

Из предосторожности Энни подождала еще около десяти минут после того, как внизу, в холле, в последний раз скрипнула половица, затем отбросила простыни и выбралась из-под москитной сетки. Она зажгла лампу, сделала пламя совсем маленьким, после чего натянула брюки и сюртук поверх

сорочки. Надев жесткие полуботинки, она завершила маскарад шляпой, которую позаимствовала в комнате Реджи. Под ней она и спрятала косу, предварительно уложив ее кольцом на макушке, и заколола шпильками. Оставалось лишь надеяться, что шпильки не выскочат и выбившийся из-под шляпы локон не выдаст, что она женщина.

Энни изучила свое отражение в зеркале и вынуждена была признать, что ее распознали бы в два счета, если бы она решила пойти по городу в таком виде днем. Но в темноте, она надеялась, ее импровизированный маскарадный костюм сойдет.

Теперь оставалось лишь подождать несколько минут, прежде чем можно будет выбраться из дома и отправиться к пансиону Джеффри. Она посмотрела на каминные часы. Без двадцати одиннадцать. Она села к туалетному столику и стала ждать, снова разглядывая себя в зеркале... Размеренное тиканье часов наполняло комнату, медленный ход времени не совпадал с ритмом лихорадочного биения ее сердца.

Скоро она снова увидит Ренара. Теперь уже совсем скоро.

Глава 10

Энни быстро шла через спящий квартал Фобург-Сент-Мэри, по возможности держась в густой тени деревьев и переходя с одного тротуара на другой, чтобы случайно с кем-нибудь не столкнуться. Ее костюм был вполне надежным, но все же лучше не рисковать.

Джефффри жил в уважаемом пансионе на Кэмп-стрит, в квартале от новой церкви Святого Патрика и недалеко от Кэнэл-стрит и Французского квартала. Чем ближе Энни подходила к Кэнэл-стрит, тем больше людей попадалось ей на улице и тем большее беспокойство она чувствовала. Одно дело – строить авантюрные планы в тиши и покое своей спальни, другое – осуществить их в жизни.

Но несмотря на это, она не жалела о том, что ввязалась в эту авантюру. Ей необходимо было снова увидеть Ренара, и она нашла единственный способ удовлетворить всепоглощающее желание.

Давешняя их встреча в ее спальне снова и снова возникала у нее перед глазами, не давала ей покоя. Она не знала, да и не могла знать, придет ли он к ней еще раз. Он был неуловимой мечтой, за которой надо следовать неотступно. Разумеется, он никогда не постучит в дверь дома ее тети и – как Делакруа – не станет подворачиваться ей под руку везде, где бы она ни оказалась.

Ночь была наполнена запахами, в воздухе перемешались ароматы и зловоние. Звезды висели низко, их сияние смягчалось и размывалось по краям, словно они светили сквозь тонкую, полупрозрачную ткань китайского фонаря.

Фронтон и ставни пансиона миссис Кавано, скромных размеров двухэтажного здания, окруженного маленьким садиком, были разукрашены лунным светом. Джефффри как-то заметил, что у него достаточно средств, чтобы иметь собственный дом, но, будучи холостяком, он предпочитает беззаботно жить у миссис Кавано.

Когда речь зашла о преимуществах собственной кухни и решении проблем со стиркой, Джефффри дал Энни понять, что с легкостью откажется от пансиона, когда встретит настолько неотразимую женщину, что захочет на ней жениться. Он сказал это в своей обычной застенчивой манере, так что у Энни не осталось сомнений, что под «неотразимой» женщиной он подразумевает ее.

Она решительно выкинула из головы раздражающую страстность Джефффри. В эту ночь ее мысли и чувства были поглощены одним образом, образом ее героя Ренара.

Энни посмотрела на единственное освещенное окно с опущенными шторами на верхнем этаже дома. Должно быть, это комната Джефффри. Когда в окне появился темный силуэт, она вдруг поняла, как хорошо видна улица в лунном свете. Если бы Джефффри выглянул, он непременно увидел бы ее. Она перешла на другую сторону и стала искать место,

чтобы спрятаться. На глаза ей попался огромный куст рододендрона, который рос в углу чьего-то маленького дворика. Укрывшись за ним, она сможет беспрепятственно продолжить наблюдение за пансионом.

Энни уже собиралась занять удобную для слежки позицию, как вдруг услышала торопливые шаги. Она бросила взгляд в конец улицы и увидела двух мужчин, направляющихся в ее сторону. Ей придется подождать, пока они пройдут мимо, и только потом спрятаться. А пока надо постараться выглядеть как можно более естественно и непринужденно, чтобы не возбудить их подозрений. Им может показаться странным, если она будет просто стоять посреди улицы как столб.

Но ничего разумного в голову ей не пришло, и Энни осталась на месте. Она приняла независимый вид, сунула руки в карманы брюк, вызывающе приподняла подбородок и уставилась на пансион через улицу. Она надеялась, что ее спокойная и самоуверенная поза не вызовет у прохожих интереса. Но ошиблась.

– Месье. – Один из них учтиво кивнул и коснулся поля шляпы. Энни искоса взглянула на него, не опуская подбородка и не поворачивая к нему лица. – Мы можем вам помочь? Вы разыскиваете чей-нибудь дом в этот поздний час?

Она отозвалась тихо и, как ей казалось, грубым голосом, надеясь, что ее ответ прозвучит по-мужски, – в ее планы не входило вступать в разговоры с кем-либо.

– Нет... э... спасибо. Я жду одного человека.

Прохожий не ответил. Возникла напряженная пауза, после чего Энни осмелилась взглянуть на мужчину. Каково же было ее удивление, когда она узнала в нем того темнокожего красавца, с которым несколько дней назад столкнулась на кладбище! Он внимательно смотрел на нее, как если бы узнал ее или разгадал ее маскарад. Она напустила на себя еще более вызывающий вид, но боялась в душе, что беспокорство выдаст ее.

– Арман, – спутник потянул его за руку, – пойдём, дружисе, этому парню не нужна наша помощь.

Энни взглянула на второго человека. Он тоже оказался смуглым и таким же красивым, но выглядел моложе. На его лбу выступила испарина, он нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Оба были хорошо одеты и явно куда-то спешили. У старшего, которого звали Арман, в руке был небольшой саквояж.

– Пойдем, Армян, – снова сказал молодой. – У нас есть дела.

Наконец ему удалось сдвинуть Армана с места. Напоследок с любопытством взглянув на Энни, он поспешил вниз по улице под руку со своим другом.

Энни не знала, насколько сильны были подозрения Армана, но он ушел, а это главное. Она с облегчением вздохнула, дождалась, пока они скроются за углом, и спряталась за кустом рододендрона. Тень в окне Джефффри исчезла, затем

появилась снова – очевидно, он в волнении мечется по комнате. Энни подумала, что он испытывает такое же беспокойство, как и она сама, и улыбнулась. По поводу Ренара они с Джеффри всегда найдут общий язык. Их обоих влечет к Ренару, к его героическому образу жизни, в которой активно реализуются их собственные идеалы.

Потянулись томительные минуты ожидания. Она не хотела садиться на землю, опасаясь, что мокрая трава испортит чужие брюки. Хотя прождала она не больше часа, ей казалось, что прошла целая вечность, и к тому времени когда свет в окне Джеффри погас, у нее затекли ноги и разламывалась от боли спина. Однако эти маленькие неудобства были щедро вознаграждены, когда Джеффри вышел из боковой двери пансиона и двинулся по улице. Даже в темноте Энни узнала его развязную, размашистую походку. Ошибки быть не могло, это Джеффри.

Она двинулась за ним на приличном расстоянии. Хотя было далеко за полночь, на улице еще попадались редкие прохожие. Энни ныряла в тень, когда кто-нибудь шел ей навстречу, но сердце ее замирало каждый раз, когда мимо проходил мужчина. Ее пугала возможность повторения вчерашней встречи в проулке, особенно в отсутствие поблизости Люсьена Делакура, который мог бы прийти ей на выручку.

Разумеется, впереди шел Джеффри, и она могла позвать его на помощь в случае необходимости, но ей не хотелось, чтобы что-то – пусть даже ее собственное спасение – поме-

шало Джеффри прийти к назначенному месту вовремя. Ее единственная надежда на встречу с Ренаром зависела от того, чтобы Джеффри оказался в нужном месте в нужное время.

Этим местом оказалось то самое кладбище, где были похоронены мужа тети Кэтрин, где сама Энни разговаривала с Делакура и где она видела того человека... Она вспомнила свои ощущения: настолько атмосфера последнего приюта подходит для тайных встреч и опасных приключений, для любовных свиданий и бандитских нападений.

Теперь Джеффри и сам старался держаться в тени и не попадаться никому на глаза. Предполагая возможную слежку, он спрятался за розовым кустом в ярде от входа на католическую часть кладбища. Энни последовала его примеру и укрылась за кустом поблизости, гладкие жесткие листья рододендрона касались ее щеки.

Она припала к земле и поздравила себя с тем, что так мастерски исполнила роль филера, что Джеффри ни разу не заподозрил слежки. Энни устроилась поудобнее и приготовилась к долгому ожиданию, как вдруг услышала глухой тяжелый отзвук лошадиных подков. Она осторожно раздвинула ветки и увидела, что по дороге медленно приближается ветхий фермерский фургон, очевидно, груженный доверху. При скудном лунном свете она разглядела корзины с провизией, бочонки и, как ей показалось, вязанки стеблей табака.

Странно, что в такой час кто-то везет товар на рынок или

к докам, но Энни этой ночью уже попадались на пути фургоны, и она решила, что у фермеров так заведено. Вот только поводя лошади сжимала вовсе не мозолистая крестьянская рука, да и широкополая соломенная шляпа возницы слишком сильно надвинута на глаза... Может быть, Ренар носит не только свой черный костюм, но и другие маскарадные наряды? Кто бы ни был этот возница, но выглядит он полусонным и вяло покачивается в такт неровному движению фургона.

Пегая кобыла, не чувствуя руки задремавшего хозяина, остановилась как вкопанная и потянулась мордой к редким кустикам зеленой травы, которые росли посреди дороги, набила полный рот и стала жевать в свое удовольствие. Энни наблюдала за происходящим с живым интересом. Все выглядело вполне невинно и естественно. Но на самом ли деле так и есть, или это часть плана Ренара?

Вдруг возница выпрямился на козлах, растер кулаками заspanные глаза, потянулся и спрыгнул на землю. Энни сразу поняла, что он не может быть переодетым Ренаром. Его фигура не походила на Ренара, которого Энни помнила с удивительной отчетливостью, словно сталкивалась с ним не дважды, да и то в темноте, а видела каждый день.

Мужчина отвел лошадь в тень высоких платанов, растущих вдоль кладбищенской ограды так тесно, что ветви их крон переплетались. Теперь фургон оказался в полной темноте. Возница появился с подветренной стороны фургона и

наклонился, чтобы осмотреть заднюю подкову лошади. Он был полностью на свету и, казалось, ни от кого не таился, но Энни не могла избавиться от странной мысли...

Она изо всех сил вгляделась туда, где в густой тени спрятался фургон. От напряжения у нее заболели глаза. Ей кажется, или вязанки табачных стеблей на самом деле шевелятся? Она прищурилась сильнее, стараясь разглядеть происходящее. Кто-то незаметно прокрался внутрь фургона и пытался спрятаться под вязанками! Еще одна темная фигура терпеливо ждала своей очереди, а из-за высокого могильного камня появился новый силуэт. Да, Джеффри действительно выбрал правильное время и место, чтобы спрятаться! Рабов собирались вывезти из города в фермерском фургоне. Но где же Ренар?

Энни внимательно следила за тем, как беглецы пробираются в фургон. От волнения дыхание у нее перехватило, сердце учащенно колотилось в груди. Все это время возница продолжал осматривать подкову, притворяясь, что не догадывается о происходящем в его фургоне. Когда трое рабов благополучно спрятались, он как ни в чем не бывало влез на козлы и взялся за поводья. От разочарования у Энни засадило в горле. Неужели она так и не увидит Ренара? Может быть, он тоже спрятался в фургоне? Кто-то ведь должен был проводить рабов до места тайной встречи!

И вдруг позади фургона появился Ренар. Как плоский камешек, брошенный по поверхности озера, запрыгало серд-

це в ее груди. Ошибки быть не могло – этот высокий, стройный и красивый силуэт принадлежит ее герою! Его движения были уверенны и слаженны, когда он поспешно расправлял вязанки табака, чтобы содержимое фургона выглядело естественно и не вызвало подозрений.

Когда Ренар покончил с этим делом, возница, не оглядываясь, подал ему знак – полуоборот запястья, – который Ренар тут же повторил. Тогда возница щелкнул поводьями по крупу кобылы, и та подняла голову, лениво жуя жвачку, и неспешно тронулась с места.

Все прошло без малейшей заминки, и Энни представляла себе, что на лице Ренара под черной маской играет самодовольная улыбка. Однако улыбаться было рано. Энни заметила какое-то странное движение во мраке позади Ренара. В тени деревьев кто-то прятался. Темные силуэты появлялись из-за могильных камней и, скользя украдкой, словно мистические хищники, все ближе подступали к Ренару. Может быть, это отряд полицейских, которые выследили Ренара и явились сюда, чтобы арестовать его? Энни боялась, что она недалеко от истины, а Ренар продолжал стоять на месте, не подозревая о надвигающейся опасности.

Ужас цепкими когтями сдавил ей горло и не позволял выкрикнуть слова предупреждения, которые уже готовы были сорваться с губ. Отчаявшись овладеть своим голосом, Энни раздвинула ветки и бросилась к Ренару, размахивая руками. Он изумился при виде ее и в нерешительности сделал шаг

навстречу, но тут же остановился.

Энни не укоряла его за нерешительность. Разумеется, он предположил, что человек, внезапно выпрыгнувший из-за куста и бегущий к нему, хочет завлечь его в ловушку. Возница тоже замер от удивления, как олень, попавший в свет фонаря, и остановил фургон.

У Энни не было времени думать о собственной безопасности, но свист пули, пронесшейся у ее уха, отрезвил ее и заставил понять, как сильно она рискует. И тут к ней вернулся голос. «Ренар!» – крикнула она, но он уже сорвался с места. Однако он не бросился бежать, а устремился прямо к ней. Через несколько секунд он налетел на нее и крепко притянул к себе за талию железной рукой. Не давая ей опомниться, он побежал вниз по дороге, прижав ее к себе.

Кровь стучала у нее в висках от быстрого бега, зубы стучали от страха, но Энни слышала стук копыт по дороге – кобыла уже не плелась шагом, а мчалась по тихой улице галопом, словно ее преследовала стая волков. Фургон скрипел и трещал по швам, подсакивая на ухабах. Из глубины кладбища доносились возбужденные голоса. Скрип солдатских сапог, грубые ругательства и конское ржание не оставили и следа от ночной тишины.

Несмотря на поддержку Ренара и собственное желание спастись, Энни понимала, что силы их на исходе и что исход погони предрешен. Как они могут убежать от конных преследователей? И вдруг она увидела лошадь, черный силуэт

которой выделялся на фоне густой тени плакучей ивы, растущей на краю кладбища. Ренар помог Энни сесть в седло, быстро отвязал поводья от ствола дерева и вскочил верхом сам.

– Держись крепче, – жарко шепнул он ей в ухо. Но Энни не нуждалась в советах, когда речь шла об очевидно разумных вещах. Жизни их обоих угрожала серьезная опасность, и Энни не помнила другого момента, когда бы испытывала такое страстное желание дожить до глубокой старости, когда можно будет с небрежной улыбкой вспомнить это опасное приключение. Она вцепилась в луку седла, как утопающий за веревку спасательного круга.

Энни почувствовала, как сильные ноги Ренара прижались к ее бедрам, когда он обхватил крутые бока коня коленями. Его мощный торс придавил ее вниз, он дотянулся до поводьев и щелкнул ими.

– Ийя! Вперед, Ураган! – крикнул он, и они сорвались с места так резко, что Энни ударилась затылком о подбородок Ренара. Она слышала, как от удара он громко клацнул зубами.

Когда они выбрались на дорогу, Энни оглянулась и с радостью обнаружила, что их преследуют всего трое всадников, а не целый вооруженный отряд. Скорее всего это не полиция, а добровольцы, желающие получить правительственную награду за поимку Ренара – их немного, потому что делиться деньгами никто не хочет.

От фургона они были на расстоянии корпуса лошади, а от преследователей гораздо дальше. Но Энни понимала, что они находятся в пределах ружейного выстрела. Широкая спина Ренара служила надежной баррикадой между ней и ружьями врагов, но Энни это не утешало. Она была в ужасе от того, что Ренара могут застрелить.

Он, казалось, не собирался попасть им в руки ни живым, ни мертвым. Умело правя конем, он то и дело отклонялся в стороны от прямой линии, так что являлся для стрелков очень подвижной и непредсказуемой целью. Наконец они поравнялись с фургоном и теперь скакали рядом. Ренар достал из кобуры пистолет и извернулся в седле, чтобы прицелиться.

Оглушительный выстрел раздался совсем рядом. В ушах у Энни зазвенело, но это не помешало ей услышать со стороны погони ржание испуганного коня, сбившегося с хода из-за того, что один из всадников обмяк и стал заваливаться набок.

Погоня внезапно прекратилась, конский топот позади стал тише и наконец совсем смолк. Ренар повернулся в седле. Энни обернулась к нему и устало склонила голову ему на плечо, как вдруг ощутила резкую, мучительную боль в виске.

Кровь, теплая и вязкая, струилась из раны на ее щеке и стекала по подбородку. На лбу у нее выступила холодная испарина. Она почувствовала, что слабеет, теряет равновесие, отдаляется от реальности. Лишь проблески сознания давали

ей представление об окружающем... Потом сознание отступило.

* * *

Люсьен почувствовал, что Энни обмякла, и, обхватив ее за талию, крепко прижал к себе. Должно быть, с ней случился обморок. Странно, что она продержалась так долго в этой переделке.

Несмотря на ее маскарад, Люсьен узнал Энни в ту же секунду, когда она выпрыгнула из-за куста. Он все время хранил в памяти ее походку, жесты, мельчайшие нюансы ее движений, которые стали ему знакомы и близки, как свои собственные. Уже несколько недель он пристально наблюдал за ней издали, страстно желая приблизиться, оказаться рядом, как тогда в ее спальне или как сейчас. Но только не при таких обстоятельствах, черт побери! Теперь к сильному чувству, которое он питал к Энни так давно, добавилась еще и благодарность. Эта маленькая дурочка рисковала жизнью, чтобы спасти его.

Слава Богу, погоня прекратилась, и благополучный ее исход стал возможен из-за того, что остались лишь два преследователя. Люсьен искренне надеялся, что нанес им не более серьезные увечья, чем намеревался. Он целился в руки и ноги, но на полном скаку было трудно гарантировать точное попадание.

Однако его ведь предупреждали запиской о том, что Джеффри Уиклифф или один из его осведомителей, который знал о сегодняшнем деле, вольно или невольно проболтался кому-то. Это и вызвало ненужное столкновение и кровопролитие. Люсьену впервые пришлось отстреливаться, чтобы избежать ареста. В душе у него клокотала ярость. Неужели пришел конец череде безупречно проведенных акций? В их подготовке принимало участие так мало людей, и они заслуживали бесконечного доверия, поэтому он не имел ни малейшего представления о том, кого же ему подозревать. Кто же информатор Уиклиффа?

Арман обернулся и помахал Люсьену рукой, когда они оказались на развилке. Их дороги расходились: Арман свернул направо и сбавил ход, чтобы старый фургон не развалился прежде, чем он вывезет беглецов из города на север по Речной дороге; Люсьен отправлялся на восток, к Бокажу.

На окраине его поместья, в кипарисовой чаще возле заболоченного озера находилась заброшенная хижина. О ее существовании никто, кроме Люсьена и Армана да еще нескольких избранных, не знал. Они договорились встретиться там на следующее утро и обсудить завершение побега.

Эта хижина была их излюбленным местом, где они часами разрабатывали стратегию каждой акции или просто отдыхали на крыльце, посасывая чубуки и слушая убаюкивающие трели сверчков, наблюдая за аллигаторами, которые притво-

рялись дрейфующими бревнами, сверкая своими маленькими блестящими глазками из-под тины. Именно сюда Люсьен собирался привезти Энни, чтобы она могла оправиться после обморока.

Он придержал коня и пустил его сначала рысью, затем шагом, ласково касаясь подбородком непослушной пряди волос над бровью Энни. Он улыбнулся и прижал ее к себе крепче, переполняясь восхищением и страстью, которые как яркие, теплые солнечные лучики осветили темные, холодные уголки его циничной души. Она была бесшабашной, немного бестолковой и упрямой, но смелой духом. И с каких пор он стал так заботиться о ней?

Да, он о ней заботился. Может быть, даже любил. Эта возможность казалась ему захватывающей, но нежелательной. Он не хотел любить ее. Он не имел права никого любить до тех пор, пока продолжается его маскарад с Ренаром, который связан со смертельным риском. Разве Энни может вписаться в его безумный образ жизни? Да и может ли он втягивать ее в те отношения, которые будут угрожать ее безопасности? Она откинула голову ему на грудь. Он поцеловал ее в лоб, провел губами по волосам...

* * *

И ощутил металлический привкус крови. Mon Dieu! Ее ранили!

Люсьен мог бы запаниковать, или расплакаться, или проклинать себя за беспечность и потерянное время. Но у него не было возможности выяснить, насколько серьезна рана Энни, до тех пор, пока он не осмотрит ее при свете, а это неосуществимо посреди чистого поля глубокой ночью. Так что эмоции следовало оставить на потом, а пока направить всю энергию на то, чтобы привезти Энни в хижину как можно скорее.

Он пришпорил изнуренного коня и пустил его галопом. Прижав Энни к груди, он поддерживал ее за подбородок, чтобы ее голова имела твердую опору, а не болталась из стороны в сторону, как у тряпичной куклы. Люсьен был закален жизнью, связанной с опасностями и риском, но вдруг испытал приступ гнетущего, тошнотворного страха. Что, если он опоздал? Что, если навсегда потерял ее?

Они свернули с дороги, и Люсьен погнал коня еще быстрее по пересеченной местности. Обогнув подстриженные лужайки Бокажа, хижины рабов и плантации сахарного тростника, он направил коня в спасительную глубь кипарисовой чащи. Чем ближе они подъезжали к месту, тем более дикими становились окрестности. Учитывая это, наверное, ему следовало попридержать коня, но Люсьен доверял своему другу, который прекрасно находил в темноте узкую тропу, хорошо ему знакомую.

Ураган обходил опасные кочки и вылезшие наружу сплетения корней деревьев, случайные валуны, заросли кустар-

ника, то есть все препятствия, которые возникали в самых неожиданных местах. Земля постепенно становилась мягче, и Люсьен понял, что они добрались до самой чащи. Теперь придется ехать медленнее, а время работает против них.

Люсьен молился. Он молился всем святым, которых знал по именам, и тем, которых не знал, со всей страстностью своей грешной души. В мыслях он стоял, преклонив колена, в храме под небесным сводом, и каждая звездочка на нем была свечой, зажженной им во имя ее спасения. Во имя нежной, нежной Энни.

Глава 11

Они уже оказались в самой глубине леса и продвигались медленно. Люсьен осторожно лавировал между стволами высоких кипарисов. Свет луны тонкими пальцами лучей с трудом проникал сквозь густое переплетение ветвей, поросших мхом. Непосредственная близость болотистой топи в гуще леса многим внушала панический страх, но Люсьену нравилась чащоба – и сегодня больше чем когда-либо – как способ укрыться от вторжения недружелюбной цивилизации. Вокруг, в темноте, мелькали светлячки.

Деревья постепенно расступились, и впереди появилась хижина, бревенчатые стены которой казались в лунном свете серебристо-серыми. Это была всего лишь рыбацья лачуга, стоявшая высоко на глинистом берегу озера. Широкие доски, подвешенные на заплесневевших канатах, служили переходом через размытую глину от столба к покوروبленной от влаги двери. Но внутри этой непрезентабельной постройки находились шкафы с запасом провизии, медикаментов, бинтов, а также множество всякой всячины, которая делала старую хижину бесценным пристанищем для Люсьена и немногих избранных. Энни была не первой беженкой из большого мира, которую он сюда привозил, но никогда прежде он не чувствовал себя настолько поглощенным этой миссией.

Он слез с коня, осторожно стащил Энни, поддерживая и

прижимая к себе ее ослабевшее тело. Она казалась такой невесомой и нематериальной, что Люсьена снова охватил страх. Он понес ее в хижину, рассеянно подумав о том, что как только он убедится, что жизнь Энни вне опасности, надо напоить изнуренного коня и позаботиться о нем. Он не уставал молить Бога о том, чтобы в его силах было спасти Энни.

Люсьен поднял на двери щеколду. Хижина никогда не запиралась на замок, и он боком внес свой бесценный груз. Он хорошо знал, где расположена кровать, поэтому, притворив за собой дверь, с легкостью нашел дорогу в темноте и положил Энни на кровать, дощатая рама которой тихо скрипнула, когда ее почти безжизненное тело утонуло в мягком, набитом мхом матрасе.

Он направился в кладовую, нашел трутницу, высек огонь и дрожащими руками засветил фитиль толстой свечи. Продолжая поиски, то и дело беспокойно поглядывая на Энни, он быстро нашел и зажег еще три свечи. Две из них Люсьен поставил по обеим сторонам кровати на маленькие столики.

Затем он присел на край постели и, склонившись, осторожно взял Энни за подбородок и повернул ее лицо к свету. Сердце у него замерло, каждая клетка переполнялась страданием. Господи, сколько крови! Ее слишком много, чтобы осмотреть рану и оценить, насколько она серьезна.

Подавив надвигающуюся панику, он сорвал черные перчатки, пропитанные кровью Энни, взял флягу с чистой питьевой водой и пропитал ею бинт, который нашел в короб-

ке с медикаментами. Осторожно касаясь раны, он стал смы-
вать запекшуюся кровь. За все это время Энни ни разу не
пошевелилась. Такая инертность не вязалась с ее обликом.
Прежде, всякий раз когда он ее видел, она излучала жизнен-
ную энергию. Что же он с ней сделал?

Страхи Люсьена немного отступили, и чувство вины по-
утихло, когда он как следует осмотрел рану. Пуля не попа-
ла ей в голову, а лишь задела, оставив поверхностный шрам
около дюйма длиной. Люсьен испустил глубокий вздох об-
легчения, которое заструилось по его телу, как благотвор-
ный, успокаивающий бальзам, расслабляющий напряженные
мышцы и согревающий до костей. Он взял чистые бинты и
дезинфицирующую мазь, изготовленную Арманом накану-
не, которая через несколько дней поставит Энни на ноги, а
от раны, возможно, не останется и следа. Ему не улыбалась
перспектива того, что на лице у Энни на всю жизнь останет-
ся напоминание о прошлой ночи в виде уродливого шрама.

Когда Люсьен принялся наносить на рану мазь, сознание
стало возвращаться к Энни. Она повернула голову набок, и
с ее губ слетел слабый стон. Люсьен стал действовать быст-
рее. Он не хотел, чтобы она окончательно пришла в себя до
тех пор, пока он полностью не обработает рану. Покончив
с этим, он потушил все свечи, кроме одной, которую отста-
вил подальше от себя. Энни незачем слишком хорошо его
видеть.

Собираясь обмотать ей голову бинтом, Люсьен на мгнове-

ние помедлил. Энни собирала волосы в тугий пучок и закалывала их шпильками. А ему нравилось смотреть на ее распушенные волосы.

Его пальцы ласково коснулись кольца сверкающих прядей. Он испытывал непреодолимое желание увидеть ее роскошные шелковые локоны разметавшимися по белой наволочке. Люсьен так часто представлял себе это... Шли минуты, его нерешительность так же ощутимо и угнетающе висела в воздухе, как рой комаров, привлеченных запахом крови.

Настойчивый, несмолкающий комариный писк вывел Люсьена из задумчивости и побудил к активным действиям. Сейчас не время предаваться романтическим фантазиям! Надо как следует перевязать рану. Люсьен быстро обмотал голову Энни бинтом, концы которого завязал узелком. Перебив с полдюжины комаров, он опустил москитную сетку и подоткнул ее под матрас со всех сторон.

– Ну вот, cher, – прошептал он, – теперь ты защищена от укусов насекомых. – Он пододвинул к кровати сплетенный из тростника стул с прямой спинкой и сел на него. – Но кто защитит тебя от меня?

Он печально улыбнулся. Этот вопрос вовсе не был риторическим. Люсьен знал, что представляет собой угрозу для нынешней безопасности и грядущего счастья Энни. Прошлой ночью ее могли убить. Он понятия не имел, что она настолько неустрашима, что может зайти так далеко в желании увидеться с ним. И если ему не удастся взять с нее

клятвенное обещание вести себя осмотрительнее, она вскоре снова попадет в беду. Существовала еще одна проблема – как вернуть девушку на Притания-стрит, не сделав ее объектом нежелательных сплетен.

Интересно, обнаружили ли уже ее исчезновение? Если так, то есть надежда, что Реджи обратится к нему, чтобы он провел поиски «прилично». Если слухи о ее побеге просочились за пределы дома, то общество отвернется от юной дамы, которая, переодевшись мужчиной, преследовала разбойника, а потом провела с ним несколько часов наедине в заброшенной хижине. И не важно, что он принес ее сюда только для того, чтобы оказать медицинскую помощь: детали, которые могут придать этой истории благопристойный вид, несомненно, будут опущены.

Взгляд Люсьена опять задержался на Энни, и он снова улыбнулся – на этот раз с нежностью. Она никогда не придавала значения сплетням и всегда поступала как хотела, руководствуясь своим, а не чужим умом. А теперь она выглядела невинным и незащищенным ребенком. Ее колени были чуть согнуты. Одна рука лежала на животе, другая была заброшена за голову и безмятежно покоилась на подушке. Ее длинные ресницы отбрасывали густую тень на щеки, на которых наконец появился слабый румянец.

Она была похожа на непорочного ангела. Но он знал, насколько самоуверенной и решительной она может быть. Она верила Ренару, верила в добро, обладала достаточной волей

и разумом, чтобы захотеть стать частью жизни своего героя, пусть ненадолго.

Улыбка сошла с лица Люсьена. Если бы она знала, что Ренар и Люсьен Делакруа – это один и тот же человек, стала бы по-прежнему считать его героем? Он всего лишь мужчина, который вовсе не заслуживает такого восхищения и преклонения. Он знал, что она влюблена в него – в Ренара, – но это влечение к легенде, а не к мужчине, потому что она не догадывается, кто скрывается под маской ее героя.

Впрочем, Люсьен так долго играл разные роли, что теперь не вполне уверен, кто он есть на самом деле. Слишком просто было бы сказать, что он и Ренар, и Делакруа. Но это не так. В нем было что-то еще, помимо суммы этих двух характеров. Как Энни может полюбить человека, которого она никогда не встречала?

Даже если ее любовь подлинна, а не вызвана сиянием его героического ореола, то вправе ли он принять эту любовь? Он предполагал, что его деятельность в роли Ренара продлится не дольше чем несколько недель – именно столько времени ему нужно для осуществления плана, в результате которого Боден навсегда отучится от жестокого обращения с рабами, – но за эти недели многое может произойти.

И сегодняшняя ночь это красноречиво доказала. Кто-то проник в сплоченные ряды его организации. Люсьен знал, что эпохе Ренара должен скоро прийти конец, однако он не собирался доставить своим врагам удовольствие отпраздно-

вать этот конец казнью Ренара через повешение. Впрочем, может быть, судьба уготовила совсем другое окончание его аболиционистской деятельности, чем то, которое он рисовал в своем воображении...

А тем временем Энни снова может оказаться в опасности. Лучше всего дать ей повод разочароваться в Ренаре и тем самым удержать от себя на безопасном расстоянии. Но как он может? Он приходил в ее дом, целовал и ласкал в ее собственной спальне, когда за стенкой спала камеристка. Теперь, оказавшись с ней наедине, он не мечтает ни о чем ином, кроме как, заключив в объятия, любить ее ночь напролет.

Когда она проснется, он даст понять, что рассержен ее рискованным поведением, и заставит разлюбить разбойника. Это будет трудно, но необходимо ради спасения их обоих. Он с сожалением вспомнил замечание Микаэлы по поводу его благородства. Сможет ли он остаться благородным человеком и сегодня ночью или уступит давлению страстного желания?

Люсьен услышал, как заржал конь под окном, и вспомнил, что несчастное животное нужно напоить и расседлать. Рядом с хижиной находилась лачуга поменьше, которую он использовал в качестве конюшни, где хранился запас сена и зерна. Он отводил туда Урагана на ночь, где тот был в недосягаемости от аллигаторов, которые за милую чуяли взопревшего коня и норовили подкрасться к нему. Даже сейчас за дверью могли оказаться нежелательные гости – длиннозубые, с глаз-

ками-бусинками и ненасытным чревом.

Взглянув на мирно спящую Энни, Люсьен поднялся и вышел. В траве раздался шорох, удаляющийся по направлению к реке, затем громкий всплеск. По тому, как сильно раздувались ноздри Урагана, и ужасу, застывшему в его глазах, Люсьен понял, что подоспел как раз вовремя, чтобы предотвратить нападение крокодила. Люсьен повел коня в лачугу, которая находилась несколькими ярдами выше по берегу, поглаживая его морду и успокаивая ласковыми словами. Он расседлал коня, накормил и напоил, после чего закрыл за собой дверь лачуги на крепкий засов. Справившись с делами, он медленно побрел по тропинке к хижине.

Когда он открыл дверь, внутрь влетел светлячок. Войдя, Люсьен бросил взгляд на кровать, чтобы полюбоваться спящим ангелом.

Но Энни не спала. Она сидела на кровати, смущенно глядя на него. Комната была ярко освещена четырьмя свечами.

* * *

Энни не понимала, где находится. Она чувствовала, что голова у нее легка и даже невесома, как воздушный шар, который мог бы улететь в любую минуту, если бы не был привязан за нитку. Память возвращалась к ней отрывками, где были перемешаны страх и полный хаос. Она постепенно связывала события воедино и в результате получала одну уди-

вительную картинку за другой. Кладбище, побег рабов, нападение вооруженных добровольцев, бешеная скачка по пересеченной местности на коне Ренара, ружейный выстрел, боль...

Ее охватила дрожь. Она потрогала повязку, плотно облегающую лоб, и невольно поморщилась. Голова чертовски болела, но, очевидно, рана была не смертельной. Скорее всего она долго находилась без сознания от шока, а не из-за физического недомогания.

Энни огляделась, чтобы привыкнуть к обстановке. Она лежала в постели, застланной чистым бельем, но ничем не была прикрыта – и слава Богу, потому что стояла страшная жара. Ее ложе забрано москитной сеткой, через которую все снаружи этого кокона казалось смутным и расплывчатым. Неотчетливость окружающих предметов, возможно, была связана также с тем, что у нее ужасно болела голова где-то за правым глазом.

Четыре круга света мерцали и пульсировали по краям кровати и на полке, похожей на стойку буфета. Она осмыслила это и успокоилась, прежде чем попыталась понять, где находится. Это Ренар привез ее сюда? Если так, то где он?

Отворилась дверь. Ренар вошел в комнату. Он, как и раньше, был одет в черный костюм, а черный капюшон на голове скрывал волосы. Маска с отверстиями для глаз закрывала лицо от лба до рта. На нем была рубашка с длинными рукавами, плотно облегающие брюки и высокие ботинки – все

черное. Он замер на пороге, а вокруг него кружился светлячок, ворвавшийся в дом снаружи. Ренар молчал и не сводил с Энни глаз.

И вдруг он сорвался с места, бросился к буфету и задул свечи, после чего склонился над кроватью Энни и пальцами потушил еще одну из свечей. Затем он взял оставшийся источник света и водрузил его на каминную полку позади себя. Это изменение освещения лишило Энни возможности увидеть лицо Ренара. Он оставался в тени – черный силуэт на черном фоне, – но она сама уже светилась радостью и восхищением, о чем и поспешила ему сказать:

– Ренар, почему вы прячетесь от меня?

– Прячусь? – Он прислонился к стене напротив кровати, от чего контур его фигуры поколебался при свете одинокой свечи. – Я здесь, *cherie*.

– Я не могу рассмотреть вас.

– В этом-то и заключается моя идея.

– Но вы же меня видите.

– И это доставляет мне страдания, о которых вы даже не подозреваете.

– Я... я не понимаю.

– Вас ранили из-за меня.

– Нет, вы ни в чем не виноваты!

– Зачем вы пришли на кладбище сегодня ночью, Энни? –

Он говорил строго и неодобрительно. – Это крайне неразумно с вашей стороны. Вам угрожала серьезная опасность. Вас

могли убить.

– Я хотела увидеть вас, – ответила она виновато, потому что понимала, что он прав. Никогда еще она не чувствовала себя такой идиоткой.

– И вы рисковали жизнью, чтобы увидеть меня? – после паузы спросил он. – Но почему? Вы ведь совсем меня не знаете.

Энни смущенно сложила руки на коленях, она все меньше чувствовала себя взрослой женщиной и все больше глупой, неопытной школьницей. Но темнота, окружавшая Ренара, придала ей смелости. Она упрямо приподняла подбородок:

– Я могла бы задать вам тот же вопрос. Зачем вы рисковали жизнью, когда забрались ко мне в спальню через окно? Вы ведь тоже меня не знаете.

– Я знаю вас лучше, чем вы предполагаете.

– Как это возможно?

– Я давно наблюдаю за вами.

При мысли, что Ренар тайно следит за ней, Энни, словно удар молнии, пронзила дрожь.

– Но как? Каким образом?

– Это не важно. Давайте вернемся к тому вопросу, который я вам задал. Почему вы рисковали из-за мужчины, которого совсем не знаете?

– Я знаю вас. По крайней мере мне известна суть вашей натуры. Когда в первый раз... я встретилась с вами на борту

«Бельведера», вы произвели на меня впечатление...

– Поцелуем? – спросил он, видя, что она смутилась.

– Нет, тем, что вы делали, месье! – Энни вспыхнула. – Вы не даете мне возможности сказать, насколько я восхищена вашими действиями. – Она пожала плечами, силясь найти правильное слово. – Это так благородно.

– Я вовсе не считаю это благородством, – с тихим вздохом ответил он. – Просто это необходимо. И я делаю все, что могу. Пройдет время, и еще многие присоединятся к тому движению, которое называется Подземная дорога. Вскоре я стану всего лишь одним из многих.

– А вас устроит, месье, быть одним из многих?

– Почту за честь. Я делаю это не для того, чтобы обо мне писали в газетах.

Энни не могла избавиться от непривычного смущения и затруднений в подборе слов, что казалось странным после тех событий, которые они пережили вместе прошлой ночью.

– С вашей стороны очень похвально, месье, что вы не гонитесь за известностью.

– Вы имеете в виду дурную славу, не так ли?

– Многие считают вас героем, – возразила она и добавила тихо: – И я тоже.

– Потому что я ношу черный костюм и полумаску? – В его голосе прозвучал плохо скрытый сарказм:

Энни обиделась:

– Разумеется, нет! Я же сказала, что восхищаюсь и привет-

ствую то, что вы делаете. Даже если бы ваши пальцы унизили драгоценности, а поведение отличалось героизмом, мое отношение к вам не изменилось бы. – Энни удивилась тому, что привела вдруг такой странный пример. Она невольно описала Делакруа! Но ведь он не был героем. Он был мерзавцем.

Впрочем, в глубине души она противилась такому определению Делакруа. Ведь он спас ее от опасности, разве не так? Разве он тоже не герой? И потом, почему его образ всегда вторгается в ее мысли, даже когда она наедине с Ренаром?

У нее заболела голова. Она потеряла висок, чувствуя, что теряется, не может совладать с собой. В ее голосе зазвучал оттенок нетерпения.

– Вы рассердились на меня за сегодняшнюю ночь, месье, поэтому не хотите меня слышать и верить мне. Почему так трудно согласиться с тем, что я искренне восхищаюсь тем, что вы делаете? Даю вам слово, я вовсе не одурманена вашим романтическим обликом. – На самом деле Энни покривила душой, но это вовсе не умаляло истинности ее слов.

Широкие плечи Ренара шевельнулись в темноте. Она услышала шорох ткани по деревянной стене. Светлячок, казалось, тоже не мог оторваться от него ни на минуту; он кружился вокруг его головы, высвечивая то одну, то другую черту его спрятанного под маской лица.

– Я знаю, что вы презираете рабство, мадемуазель, – неохотно согласился с ней он. – Я понимаю, что вы сами хо-

тели бы сделать для освобождения рабов больше, но вы ограничены рамками своего пола. Вам хотелось бы быть мужчиной, да? Тогда вы быстро преобразили бы мир.

Энни задумалась на мгновение над такой интересной идеей, но у нее никогда не возникало сомнений в том, что она предпочитает быть женщиной. И ее влечение к Ренару было тому лучшим доказательством.

– Нет, я не хочу быть мужчиной. Мне нравится быть женщиной. – Она произнесла это с особым значением, надеясь, что от него не ускользнет смысл, который она вложила в свои слова. – Но мне может понравиться такой мужчина, каким я сама хотела бы стать, если бы не родилась женщиной. Разве это не логично, месье?

Он не ответил. Его молчание взволновало ее. Ей хотелось заполнить пустоту словами. И по возможности правдивыми. Она призвала на помощь всю свою смелость:

– Вы мне очень нравитесь, месье Ренар. Возможно, я даже немного... влюблена в вас. Я хочу знать... какие чувства вы испытываете ко мне? Почему вы пришли ко мне в спальню?

– Мне не следовало этого делать, – резко отозвался он, лишив Энни надежды услышать такое же признание. – Я лишь усилил вашу безрассудную страсть к фантазии, к плодам вашего воображения.

– Вы ошибаетесь, – упрямо возразила Энни. – Не знаю почему, но мне кажется, что я знаю вас целую вечность. Между нами существует какая-то... близость, которую я не могу

объяснить. Кажется, что я постоянно сталкиваюсь с вами, и я не имею в виду наши встречи на «Бельведере» и в моей спальне...

– Это невозможно, – быстро перебил он ее.

– Да, я понимаю, – вздохнула Энни. – И тем более странно, что я чувствую себя рядом с вами как дома. А когда вы поцеловали меня...

В этот момент светлячок, как по заказу, скользнул возле губ Ренара. Они были прекрасно очерчены и очень чувствительны.

– И что же? – осторожно подтолкнул ее он. Его губы оставались слегка приоткрытыми. Энни представила, как они прикасаются к ее губам, ласково скользят по шее, задерживаются в ямочке за ухом.

Нет, это снова Делакруа! Она потрянула головой, чтобы отогнать его навязчивый образ, но добила лишь того, что у нее сильнее заболела голова.

– Когда вы поцеловали меня, это было так естественно, так правильно. Так восхитительно.

– Восхитительно?

– Да, как если бы вы...

– Как если бы я был единственным мужчиной, созданным для вас.

– Да, – призналась она.

– Если так, *cherie*, то из этого я должен заключить, что вы никогда не испытывали подобных ощущений с другим муж-

чиной, не так ли?

И снова возник Делакруа. Его темные глаза, густые ресницы, озорная улыбка. Она вспомнила, как он поцеловал ее в проулке. Она ощутила тогда то же, что и в объятиях Рена-ра. Это было так же естественно. Так же правильно. Так же восхитительно. Она должна сказать Ренару правду.

– Скажите правду, мадемуазель. – Он словно прочитал ее мысли.

– Есть один человек, который вызывает во мне подобные ощущения.

– Но ведь вы его не любите?

– Нет, не люблю, – отозвалась она, вложив в свои слова слишком сильное чувство. Поймав себя на этом, она добавила уже более равнодушно: – Я не могу любить его. Мне неприемлем образ его жизни. Он рабовладелец.

– И это единственный его недостаток?

– Разве этого мало?

– Нет, почему же. Вполне достаточно, – ответил он после паузы. – А что, если бы он не был рабовладельцем?

– У него есть и другие недостатки, – раздраженно заявила она. В висках у нее стучала кровь, как барабаны на площади Конго. – Но почему вы расспрашиваете меня о нем? Он ничего для меня не значит. Абсолютно ничего.

– Я спрашиваю, потому что он и я – одно и то же...

– Одно и то же?

– ...в том смысле, что мы оба вызываем у вас одинаковые

эмоции. Как же вы можете любить меня и не любить его?

Энни не знала, что ответить, поэтому стала жаловаться на головную боль. На самом деле боль начинала сильно досажать ей.

– У меня голова раскалывается.

– Mon Dieu! – встревожился Ренар. – Какой я глупец! Разглагольствую, пока вы страдаете. Минуточку. – Он подошел к буфету и стал перебирать бутылки и тарелки. – Сначала я принесу вам поесть. Вы, вероятно, голодны. А затем выпьете чашку чаю со специальным лекарством против головной боли, которое приготовил Арман.

– Арман? – Энни сразу же вспомнила двух мужчин с Кэмп-стрит. Арманом звали высокого, которого она уже видела раньше на кладбище, когда столкнулась с Делакруа. В ее мозгу мелькали разрозненные мысли, которые она тщетно пыталась связать воедино. Ее мучило отсутствие связующего звена. – Я знаю Армана.

Ренар тут же настороженно замер и взглянул на нее через плечо. Теперь его лицо было полностью на свету, но Энни стала видеть хуже; все перед глазами плыло как в тумане. Подчеркнутое равнодушие, с которым он задал следующий вопрос, не вязалось с его обычной манерой говорить.

– Вы знаете Армана? Я полагаю, это один из друзей-банкиров мадам Гриммс?

– Нет, такого я не знаю. Я говорю о мулате.

Вдруг комната опрокинулась и пошла черными пятнами.

Энни упала на подушки и безуспешно старалась не потерять сознание. Последнее, что она помнила, – это как Ренар сел на край кровати с чашкой в руке. Москитную сетку он поднял, так что можно было разглядеть детали обстановки. Ренар поставил свечу на столик возле кровати, и Энни увидела, какого цвета у него глаза. Темные, как горький шоколад.

– Ну вот, *cherie*. Выпейте это, и вам станет гораздо лучше.

Энни ужасно хотелось почувствовать себя лучше. Может быть, тогда мысли у нее прояснятся. А пока некоторые вещи ускользали от ее восприятия. Наверное, способность ясно мыслить вернется к ней, когда она почувствует себя лучше. Она была очень слаба, но все же села в кровати, чтобы удобнее было пить. Ей казалось, что у нее в голове происходит какое-то странное шевеление, а боль становилась все более мучительной. Ренар поддерживал ее голову. Она потянулась рукой за чашкой, но он на ее руку положил свою. Его длинные пальцы, форма запястья показались ей знакомыми.

– Ваша рука...

– Пейте, Энни.

Она послушно сделала глоток. Напиток оказался прохладным и по вкусу напоминал крепкий чай с добавлением чего-то горького. Впрочем, в чашку явно положили сахар, чтобы смягчить горечь.

– Пейте еще. – Ренар поднял чашку выше.

Энни подчинилась, полностью доверившись ему.

– А теперь ложитесь и отдыхайте, – добавил он.

И снова она послушалась, легла и закрыла глаза. Но, почувствовав, что матрас под ней шевельнулся, она открыла глаза и схватила Ренара за руку, прежде чем он успел подняться.

– Останьтесь со мной.

– Я не могу.

– А я не смогу заснуть, если вы не останетесь. Прошу вас.

– Мне нужно переставить свечу, – смутился он.

– Хорошо, только возвращайтесь.

Он поднялся и перенес свечу на каминную полку, где она находилась прежде. Затем он вернулся к ней и с минуту простоял, прежде чем снова сел. Его лицо оставалось в тени. Она протянула руку к его губам и прикоснулась к ним. Его теплое дыхание грело кончики ее пальцев, от чего по спине у нее ползли мурашки. Он отнял ее руку от своих губ и прижал к кровати, чтобы акцентировать ее внимание на своих словах.

– Не прикасайтесь ко мне, Энни. Я не могу этого вынести. Коснетесь меня – я уйду.

– Мне жарко, – ответила она, покраснев, и потянула за лацкан своего сюртука. – И тесно. – Она стала теревить пуговицы, но, обессилев, уронила руку.

Прохладная рука Ренара коснулась ее лба.

– Наверное, это лекарство произвело на вас такое действие, и вас бросило в жар. Впрочем, ночь действительно теплая. – Он начал медленно расстегивать пуговицы на ее сюртуке. Его пальцы действовали умело, но без суеты. При-

косновение его руки было восхитительно-приятным. Энни чувствовала, как ее соски твердеют, прикасаясь к мягкому муслину сорочки.

Когда жакет оказался расстегнут, прохлада разлилась по ее обнаженной шее и груди. Она уже почувствовала значительное облегчение. Она не понимала, что оказало на нее такое чудесное воздействие: лекарство, расстегнутый сюртук или мужчина, сидящий на краю ее постели. Но вдруг Ренар поднялся и явно собрался задернуть москитную сетку.

Она остановила его, удержав за руку:

– Что вы собираетесь сделать со мной?

– Я собираюсь отвезти вас домой, как только вы сможете сидеть в седле. А теперь засните, и пусть лекарство делает свое дело.

– Вы все знаете обо мне. Вы знаете, где я живу. Вы знаете мою тетю. Вы знаете мое имя. Вы даже знаете, что я чувствую к вам... а я о вас ничего не знаю.

– Это к лучшему, *cherie*, – вздохнул он. – Мне хотелось бы, чтобы вы меня поняли. А теперь отдыхайте, пожалуйста, Энни.

– Только если вы останетесь со мной.

– Я сказал, что останусь.

– Оставайтесь под сеткой.

– Только если вы будете лежать спокойно и не станете меня трогать.

– Но вы ведь можете держать меня за руку?

– Могу, – ответил он после некоторого раздумья и взял ее за руку. – А теперь успокойтесь и спите.

Почувствовав руку Ренара в своей, Энни не могла удержаться от того, чтобы ласково не провести по его сильным пальцам. Ощущение было великолепным, как от руки Делакруа. Ей захотелось увидеть его руки.

Позже, очнувшись, она поняла, что заснула на какое-то время; свеча уже сильно прогорела. Она прекрасно себя чувствовала. Головная боль прошла без следа.

Одинокий светлячок кружился по комнате и бился в москитную сетку. Энни улыбнулась. Его тянуло к людям, как крохотного домашнего зверька. Она почувствовала теплое дыхание у себя на виске и, повернув голову, оказалась лицом к лицу с Ренаром. Он спал, опустив голову на подушку, и по-прежнему сжимал ее руку в своей.

Это показалось ей таким естественным. Она придвинулась ближе к нему. И поцеловала его.

Глава 12

Люсьен поддался искушению и уснул, только дав себе слово, что одну ногу оставит на полу. У него были веские основания так поступить. Хотя отчасти это было самообманом. Он сказал себе, что если не ляжет рядом с Энни, то сможет контролировать себя.

Ботинок, касающийся пола хижины, служил последней соломинкой, которая спасала Люсьена от искушения, но в таком положении было чертовски неудобно спать. Ему пришлось изловчиться, чтобы под неестественным углом положить голову на подушку и в то же время оставаться одной ногой на полу. Он проснулся от того, что у него затекла спина. От боли. И еще от чего-то...

От того, что губы Энни осторожно, но настойчиво прикасались к его губам. Он застонал и притянул ее к своей груди, уткнувшись лицом в ее ароматную шею. Ее груди были круглыми и твердыми. Он чувствовал даже через расстегнутый сюртук, что ее соски окаменели, как речная галька. Она обхватила его руками за спину, притягивая к себе все сильнее.

Развеялись его последние сомнения; способность самоконтроля проскользнула сквозь пальцы – сквозь его дрожащие пальцы, которыми он касался волос Энни. Он хотел вытащить из них ненавистные шпильки. И немедленно, черт побери! В этот момент он еле касался пола ботинком, а спо-

способность держать себя в руках таяла на глазах. От нее почти ничего не осталось.

– Тебе помочь?

Руки Люсьена замерли. Застенчивый вопрос Энни вернул его к действительности. Она была слишком невинна и слишком жаждала любви. Она понятия не имела, во что ввязывается, и у него не было права прикасаться к ней. Его руки опустились на ее плечи. Он подождал минуту, пока его дыхание и ускоренный пульс придут в норму.

– Прошу, не останавливайся. – Ее горячее дыхание обожгло ему ухо. – Я хочу, чтобы ты целовал меня. Прошу тебя, Ренар, поцелуй меня так, как тогда, ночью.

Люсьен застонал и сел на кровати, отвернувшись от нее. Теперь его нога всей ступней стояла на полу.

– Прошу тебя, Энни, не искушай меня.

Кровать скрипнула, когда она села. Ее руки оказались у него на спине, нежные и горячие.

– Почему? Разве ты не хочешь больше целовать меня?

– Конечно, хочу, но не могу.

– Почему?

– Потому что это совершенно другое дело. Потому что теперь... все может пойти слишком далеко.

Она начала гладить его по спине круговыми движениями, от чего его мышцы, напряглись.

– А что, если я хочу, чтобы все зашло слишком далеко?

– Тогда я отвечу, что ты дурочка, – ответил он с намерен-

ной издевкой. – Как ты не понимаешь, что связываться со мной очень опасно? Особенно таким образом.

Он почувствовал, как она убрала руки с его спины, и ощутил облегчение. По крайней мере облегчение ощутил разум. Тело же стонало от потери. Он хотел эту женщину, как никогда никакую другую. Он так часто представлял себе, как ее волосы струятся по подушке, словно золотая река, ее руки призывно протянуты к нему, умоляют потонуть в ее нежности. И сегодня это может произойти.

Да, это может случиться, но не совсем так, как в мечтах. Он никогда не помышлял о том, чтобы заниматься с Энни любовью в образе Ренара и в кромешном мраке. Он хотел наслаждаться ею, ощущать ее не только руками, но и восхищаться ее телом.

Люсьен протер глаза. О том, чтобы позволить ей увидеть себя, не могло быть и речи. Но разве он способен принять ее любовь в одежде разбойника и с маской на лице? Вероятно, это и допустимо... при данных обстоятельствах. Но не станет ли он красть то, что ему не принадлежит, как в настоящее время и его собственная жизнь?

– Как ты себя чувствуешь, Энни? – спросил он не оборачиваясь.

– Прекрасно, – ответила она уверенно и очень призывно.

– Отлично. Значит, ты сможешь ехать верхом? – В его голосе вовсе не было уверенности. Он словно прирос к кровати, боялся оглянуться и посмотреть на нее и в то же время

оттягивал момент, когда ему предстоит подняться и отойти от нее. Долгая дорога домой, ощущение ее бедер в непосредственной близости, ее запах, от которого кружится голова, станут для него нестерпимой пыткой. И все же он должен отправить ее домой и уложить в постель. Одну. Люсьен чувствовал, что его сердце зажато в тиски и теряет последние жизненные соки.

За его спиной раздался тихий металлический звук. Дзынь, дзынь. Энни освобождала волосы от шпилек.

Комната была достаточно освещена, чтобы Люсьен увидел то, что окончательно лишило его власти над собой. Она откинулась на подушки, и ее волосы лежали пышным веером вокруг головы, сверкая в тусклом свете свечей. В ее глазах блистали искорки отраженного света. Она призывно протягивала к нему руки – точь-в-точь как в его мечтах.

– Энни, я не могу...

– Можешь. – Она протянула руку и ласково погладила его по груди. От улыбки ее верхняя губа чуть изогнулась. Она была восхитительна. Полуженщина-полуребенок. – Ты должен, cher. Я люблю тебя.

Люсьен ненавидел себя за то, что уступил соблазну, но он слишком сильно желал ее. Она предлагала ему войти в рай, и он не мог от этого отказаться.

Люсьен утопил Энни в прохладных мягких подушках. Он овладел ее призывно приоткрытыми губами. Она ответила на его поцелуй с готовностью. Ее податливое тело изогнулось

под его тяжестью, а руки обвили его шею.

– Милая Энни, – пробормотал он, лаская губами ее шею, – что ты делаешь со мной!

Она вдохнула полной грудью и провела руками по его спине вверх, до жестких волос на затылке.

– Я все это время любила тебя, Ренар. Ты будешь любить меня?

Кто смог бы отказаться от такого приглашения к райскому наслаждению? Но, отдаваясь чувству, желанному для них обоих, не обрекает ли он ее на адские муки?

Он уперся руками в матрас и, приподнявшись, посмотрел на нее. Пламя свечи дрожало на последнем издыхании. Лицо Энни тонуло в тени. Он видел лишь ее мерцающий взгляд, контур лица, изысканное очертание подбородка. Ее губы были приоткрыты, из груди вырывалось учащенное дыхание. Дрожащей рукой он убрал с ее лица мягкий локон.

– Я ничего не могу обещать тебе, Энни. Я не знаю, что случится, когда я...

– Мне не нужны обещания, cher. – Она прикоснулась к его губам кончиками пальцев, заставив его замолчать. – Я хочу лишь того, что случится сегодня ночью.

Он пылко приник к ее горячим губам. Он даст ей то, чего они оба так сильно хотят. Сегодня он будет любить ее со всей страстью, порожденной долгими неделями воздержания. Он должен быть уверен, что она никогда не забудет и никогда не пожалеет о тех нескольких часах, которые им предстоит

провести вместе. Он сделает ее своею навеки.

Он взял ее грудь и нежно потер тугой сосок. Она задохнулась от наслаждения, и ответный порыв возбуждения пронзил его.

И снова он отстранился, чтобы взглянуть на нее. Но в этот момент свеча потухла. Темнота. Все погрузилось во мрак, если не считать хрупкого лунного света, который просачивался в комнату через задернутые занавески. Темнота была очень кстати и некстати одновременно – кстати потому, что она не могла видеть его, и некстати потому, что он не мог видеть ее. Может ли он снять свою маску?

– Ренар, – прошептала она и стала гладить его по лицу, касаясь туго пригнутой маски. Она издала глухой стон, когда прикоснулась к его приоткрытым губам. Он ощущал пульс на ее запястье. Ее сердце стучало сбивчиво, как и его собственное. Он судорожно сглотнул, стараясь отвлечься от неуклонно возрастающей потребности удовлетворить свою страсть. Ему хотелось сделать все медленно, чтобы доставить Энни удовольствие.

– Я мечтаю о том, как восхитительно было бы снять с тебя брюки, *cherie*. – Его голос прозвучал глухо, но жадно, как если бы он, проведя много дней в безводной пустыне, приник к животворному источнику. – Но кажется, они намертво пришили к твоей сорочке.

– Да. – Ее звонкий смех зазвенел в воздухе. – Прости, что доставляю тебе неудобство, любимый, но я боялась, что они

упадут.

Он улыбнулся, но она ласково, провела по его губам кончиками пальцев, тщательно исследуя каждый их изгиб. Затем поднесла его руку к своим губам, и он ощутил ответную улыбку.

– У тебя красивый рот, Ренар, – сказала Энни. И после некоторого колебания добавила: – Я хочу прикоснуться ко всему твоему лицу. Ты не мог бы... снять маску?

Люсьен напрягся. Больше всего на свете ему хотелось снять маску, а также остальную одежду.

– Я не уверен, Энни.

– Сейчас все равно слишком темно, и я не смогу увидеть твоего лица. Если ты не хочешь, чтобы я узнала, кто ты...

– Не хочу, – поспешно подтвердил он. – Это может быть слишком опасно.

– Почему ты боишься, что я разоблачу тебя? – обиженно вздохнула она.

– Разумеется, я этого не боюсь. Речь идет о твоей безопасности. Лучше, если ты не узнаешь, кто я.

– А я тебя знаю? – после паузы спросила она.

– Нет, – ответил он, убеждая себя, что говорит правду. Она действительно совсем не знала его. Она не знала Люсьена Делакруа. Она знала лишь Денди, его маскарадный образ.

– Я понимаю, что ты не хочешь снять маску, но...

– Что, *cherie*? – Он ласково проводил руками по ее обнаженной шее и покатым плечам.

– А мог бы ты снять свой головной убор? Мне хочется потрогать твои волосы.

Люсьен заколебался. Комната была погружена в полный мрак. А волосы – они волосы и есть, не так ли? У всех мужчин волосы одинаковые. Она не сможет опознать его по волосам.

– Хорошо, *cherie*, я сделаю это, если ты окажешь мне неоценимую услугу.

– Какую?

– Помоги расстегнуть эти чертовы булавки, которыми пришпилены твои брюки.

– Я помогу тебе не только в этом, но и во всем, что ни попросишь.

Люсьен почувствовал, что она улыбается, и представил себе ее соблазнительные губы.

Он оперся на локоть и развязал тугой узел, которым шарф, покрывавший его голову, был затянут на затылке. Он бросил его на пол и провел рукой по влажным волосам. Приятно было дать отдых коже, ощущать, что волосы лежат свободно, хотя, примятые от долгого ношения шарфа, они, наверное, выглядят ужасно. Денди Делакура следил за прической, его волосы всегда были тщательно причесаны и надушены. Безусловно, Энни не сможет опознать его по прическе.

Они вместе расстегнули булавки, которые держали брюки. В комнате наступила полная тишина, пока они сосредоточенно разрушали еще один барьер, мешающий их близости.

Лишь сбивчивое дыхание обоих шумно звучало в тишине.

Чтобы продлить обоюдное удовольствие, Люсьен постарался сосредоточиться на груди Энни, прежде чем стянул с нее брюки. Он сквозь тонкую сорочку сжал ее грудь ладонью и взял в рот сосок. Осторожно покусывая, он одновременно ласкал его языком.

Он слышал, как учащается дыхание Энни, чувствовал, как она схватила его за волосы. Она застонала от удовольствия, от чего его собственное возбуждение усилилось десятикратно. Она изогнулась под ним, а ее ноги беспрестанно двигались. Люсьен раздвинул ей ноги коленом и лег сверху, так что их тела стали полностью соприкасаться и его отвердевший член прижался к ее лобку.

– На нас все еще много одежды, Энни.

– Да, слишком много.

– Значит, ты готова?

– К чему?

– Чтобы снять ее, разумеется, – хмыкнул он, чувствуя, что взволнован ее неопытностью. Он понял, что она скорее всего девственница, коль скоро выросла и воспитана в приличной английской семье. Он давным-давно не сталкивался со сложностями любви с девственницами. То, что он был ее первым мужчиной, как он искренне надеялся, несколько сковывало его. Он не хотел, чтобы она испугалась или почувствовала, что ее принуждают, поэтому решил не торопиться.

Она протянула к нему руки и принялась расстегивать ру-

башку. От прикосновения ее пальцев к обнаженной груди у него перехватило дыхание. Вскоре рубашка оказалась растегнутой, и она стала вытаскивать ее из-за пояса брюк. Он улыбнулся, несмотря на растущее возбуждение, потому что понял, что она не стесняется.

Он помог ей избавиться себя от рубашки и отшвырнул ее в сторону, где она утонула в темноте вслед за шарфом. Он лежал на Энни сверху, а ее руки уверенно ласкали его грудь. Ощущение ее ладоней на животе, где была густая растительность, сводило его с ума. Господи, какое это, должно быть, наслаждение лежать на ней полностью обнаженным!

Эта мысль побудила его отстраниться и на минуту встать с кровати.

– Я сейчас вернусь, – прошептал он, сел в кресло и стал распутывать и развязывать шнурки, чтобы снять ботинки. Это оказалось чертовски трудно без помощи камердинера, к тому же от волнения у него тряслись руки. Затем он стянул с себя брюки безо всяких церемоний и подумал, что к лучшему, если Энни не видит, как он нетерпелив в своих движениях. Это зрелище могло бы испугать ее и лишить энтузиазма.

Пока Ренар раздевался, Энни не теряла времени даром. В голове у нее прояснилось, и вообще она прекрасно себя чувствовала, поэтому решила не лежать и не ждать его, как беспомощная женщина. Она села на кровати, сняла сюртук и бросила его на пол. Затем растегнула брюки и дюйм за дюймом стянула их, после чего отпихнула в конец кровати.

Она сняла чулки и затолкала их под подушку. Очевидно, Ренар снял с нее ботинки, пока она была без сознания. Оставшись в одной легкой сорочке, Энни почувствовала, как ее тело облегченно вздохнуло, словно окунувшись в прохладные морские волны. Она засомневалась, стоит ли снять сорочку, но решила, что Ренар может счесть ее слишком торопливой, и снова легла в ней.

Когда Ренар сел на край кровати, матрас прогнулся под его тяжестью. Его тень надвинулась на Энни в темноте. Она почувствовала, что он колеблется, и с сожалением спросила:

– В чем дело, Ренар?

– Мне бы хотелось, чтобы мы это сделали при свете свечей. Я хочу видеть тебя, Энни, – вздохнул он.

В свою очередь, у нее промелькнула мысль попросить его о доверии и зажечь свечи, открыться ей в прямом и переносном смысле. Но она не сделала этого. Видимо, он еще не был готов, поэтому Энни сказала:

– Это не важно. Мы можем чувствовать друг друга руками, губами и... сердцами. – Она приподнялась на локте и притянула его к себе. Он подчинился.

Они вместе утонули в подушках. Соприкосновение обнаженных тел, сплетение ног, учащенное биение сердец в унисон заставили Энни ослабеть от желания. Он не был везде одинаков на ощупь – здесь нежный, как шелк; там жесткий, как наждачная бумага. Он склонился и поцеловал ее, их языки устроили бешеный танец. Она запустила пальцы в его ше-

велюру.

В этот момент крайней близости Энни снова вспомнила о Делакруа. Из ее памяти прорвались ощущения его поцелуев. Энни вспомнила, что они точно так же возбуждали в ней желание, но она постаралась оттолкнуть от себя эту мысль. Для Делакруа не было места в ее с Ренаром постели.

Ренар перевернул ее на бок и, немного отстранив от себя, продолжал ласкать: провел рукой по ее бедру, потом вниз от восхитительной талии, потом вверх, где тонкий рукав сорочки задрался до плеча. Осторожно стягивая сорочку сначала с одного плеча, затем с другого, он полностью обнажил ее грудь.

Он склонился и провел губами от ее уха по шее к тому месту, где пульс бился, как испуганная птичка, запертая в клетку. Но Энни вовсе не была испугана. Она сходила с ума от желания прижаться к нему еще теснее. От прикосновения его члена по ее лону разливалась сладостная истома. Мышцы ее ягодиц напряглись, а между ног стало влажно.

Он снова склонился над ней и теперь взял в рот обнаженный сосок, который стал от его дыхания теплым и упругим. Осторожное покусывание зубами и игра с ним языком вызвали у нее конвульсии. Затем он проделал то же самое с другой грудью. Она запустила ему в волосы руки и перебирала локоны со все возрастающим возбуждением.

Она запрокинула голову, ее тело содрогалась. Она услышала собственный стон и изумилась тому, какую власть над

человеком имеет влечение между мужчиной и женщиной. Образы танцующих на площади Конго рабов, ритм и рисунок их движений овладели ее сознанием. Она чувствовала в крови стук барабанов.

Энни знала, что уже готова ко всему и ни о чем не жалеет. Кем бы ни оказался Ренар, она его любит. Хотя она откровенно призналась ему в своих чувствах, он в ответ ничего не сказал ей про любовь. Он воцарился над ней, и в данный момент этого было достаточно.

Вдруг он перевернулся на спину и положил ее на себя сверху. Она уперлась ему в грудь, чуть согнув руки и отстранившись от его возбужденного фаллоса, который ощутила внизу живота. Оказалось, что она почти сидит верхом на его массивном колене. Ей хотелось – не меньше, чем ему, – чтобы комната была полна горящими свечами. Судя по тому, каково его лицо на ощупь, она предполагала, что Ренар должен быть красив.

Казалось, он ждал чего-то. Его руки лежали на ее плечах неподвижно, если не считать легкого движения больших пальцев, которыми он осторожно ласкал ее чувствительную кожу. Она прикусила нижнюю губу, внезапно перепугавшись. До этого момента все шло хорошо. Она наслаждалась каждым мгновением их близости и понимала, что еще следует продолжение. Ее нервы были натянуты как струна. По телу разлилась мучительная, свинцовая тяжесть. Но возможно, именно сейчас он чего-то ждет от нее.

– Ты не хочешь потрогать меня, Энни?

Она не совсем понимала, что он имеет в виду. Разве все это время она не трогала его?

– Я не понимаю, чего ты хочешь, – робко призналась она.

– Мне бы не хотелось... смущать тебя, но... почему бы тебе немного не поисследовать меня?

– О! – Теперь она поняла. И большей радости никакое другое предложение доставить ей не могло. – Конечно, я очень хочу потрогать тебя.

Она начала с живота. Сев на него верхом, она раздвинула бедра. Его член по всей длине прижимался к ее влажной сердцевине. Она рассеянно подумала, что Ренар, вероятно, считает, что не может «смутить» ее такой деталью. Чуть позже, когда она немного осмелеет, можно будет заняться изучением и этого его органа. От такой похотливой мысли кровь прилила к ее лицу.

Его живот был плоским и мускулистым. Он затаил дыхание, когда она провела обеими руками по выпуклым мышцам от бедер к ребрам. Его грудь тоже была великолепна, каждый мускул четко прощупывался под мягкими колечками волос. На ощупь его плечи казались еще более широкими и налитыми, чем в одежде. Он мог служить идеальным натурщиком для скульптора или художника. Да, он действительно был прекрасен!

Энни потянулась к его лицу, которое ранее всегда было скрыто маской. Теперь она получила доступ не только к его

рту и тяжелому подбородку. Сначала она провела кончиками пальцев по его губам и вдруг поразилась, почувствовав, что уже давно и очень хорошо знает эти губы. И не по сегодняшней ночи, а с гораздо более давних пор.

Она замерла на мгновение, ее спутанные мысли никак не могли сложиться в стройную систему. Но как могло быть иначе, когда ее мышцы напряглись, сердце колотилось как бешеное, между ног было влажно, а лоно разрывалось от желания? Он приподнял бедра, и его член потерялся о ее влажную плоть. Она закрыла глаза и прикусила губу.

– Прощу тебя, не шевелись, – прошептала она.

– Почему? – В его глухом голосе прозвучал оттенок насмешки.

– Ты сам знаешь почему. Я привыкаю к тебе, а если ты будешь продолжать в том же духе, то доведешь меня до сумасшествия.

– Не только тебя, но и себя, – признался он. Энни это понравилось. Ее будоражило то, что он хочет ее не меньше, чем она его. И он не побоялся в этом сознаться.

Ее пальцы ощупывали его лицо, опасаясь наткнуться на край маски, но ее не было! Она задохнулась от восторга.

В состоянии восхищенного исступления она провела кончиками пальцев по четко очерченным скулам. Затем по крыльям его аристократического носа, гладким и безупречно чистым. Нос был крупным, но не слишком длинным.

Его лоб оказался высоким и большим. Она улыбнулась.

Цыганка при взгляде на такой лоб сказала бы, что его обладатель благороден, образован и великодушен. Сама она уже знала это.

Крупные надбровные дуги выдавались вперед. Она представила себе, как могли бы насмешливо изогнуться его брови.

Она прикоснулась к его глазам, которые сначала были закрыты. Потом почувствовала движение ресниц, густых и длинных.

– Ты прекрасен, – вымолвила она.

Он отрицательно покачал головой и с оттенком смущения и удовольствия ответил:

– Мужчин обычно называют красивыми, *cherie*. Это ты прекрасна. – Он перевел дух. – Ты закончила свое исследование? Боюсь, что я не могу дольше воздерживаться от того, чтобы не смутить тебя.

– Осталось еще кое-что, чем я не успела овладеть.

– Что же?

Она отодвинулась, устроилась у него на коленях и провела рукой по его бедру. Его мышцы напряглись под ее рукой, как и все его тело. Она запустила пальцы в кудрявую поросль на его лобке и сжала в руке его горячий, гладкий член.

Он застонал и одним молниеносным движением уложил ее на спину, оказавшись сверху.

– Энни, – хриплым голосом вымолвил он, – ты распутница! Ты любопытна, как обезьяна!

– Но гораздо более привлекательна, я надеюсь. Как тебе кажется?

Он зарычал и поцеловал ее смеющиеся губы. И в тот же момент все разговоры прекратились, шутки были отставлены в сторону, все фривольные мысли испарились. Они целовали и ласкали друг друга со страстной одержимостью любовников, которые впервые оказались вместе. Энни ощутила все возрастающее напряжение внизу живота, между ног у нее стало совсем влажно. Самая чувствительная и интимная часть ее тела была охвачена нестерпимым жаром.

Она хотела бы, чтобы их любовная игра продолжалась бесконечно, но она понимала, что у такого блаженства неизбежно должно быть логическое завершение. Она сойдет с ума, если это состояние продлится слишком долго. Уже сейчас ее тело жаждало освобождения. Она приникла к нему, ее ногти впились в его плечи.

– Ты готова, *cherie*? – спросил он изменившимся голосом. Казалось, он с трудом контролирует себя.

– Да, – прошептала она, вдруг замерев.

– В первый момент будет немного больно.

Ее охватил страх, но она кивнула в ответ, молча подтверждая свое понимание и принятие неизбежного.

– Не бойся. Я буду аккуратен, – успокоил он ее, погладив по волосам.

Она снова кивнула в знак того, что полностью доверяет ему. Свободной рукой он раздвинул кудряшки. От его при-

косновения к такому нежному месту она взвилась до небес. Волна наслаждения поглотила ее, и она рефлексивно выгнулась ему навстречу.

– Терпение, милая Энни, терпение, – вполголоса сказал он. Его пальцы касались ее разгоряченной, влажной плоти. Это было так восхитительно, что у нее не было сил терпеть дольше. Ее разрывало от желания. Он ввел палец в ее девственно узкий проход, стараясь расширить его и подготовить к принятию себя внутрь.

– Прошу тебя, Ренар, прошу... – взмолилась она, плохо понимая, о чем именно просит.

Зато он прекрасно это знал. Он уперся локтями в матрас возле ее плеч и подался вперед, медленно входя в нее.

Она почувствовала его внутри себя и впала в состояние, близкое к безумию. Она не знала, кричать ей или плакать от радости.

Затем последовал резкий рывок вперед, и он оказался глубоко в ней; девственный барьер был преодолен. Энни вскрикнула от боли, но он крепко сжал ее в объятиях и стал целовать до тех пор, пока боль не прошла, уступив место еще более страстному желанию. Она приподнялась, стремясь вернуть его в себя как можно сильнее.

– Сладкая Энни, – шепотом простонал он ей в ухо.

Он начал двигаться ритмично, постепенно убыстряя темп. Энни была на небесах от блаженства, каждой клеткой наслаждаясь актом любви. Это было слишком восхитительно, что-

бы могло продолжаться долго.

Ее лоно готово было разорваться от страсти, мысли в голове перепутались. Мир раскололся на части. Волны наслаждения набегали на ее жаждущее тело, кровь мчалась по жилам с такой силой, что кончики пальцев ног горели огнем.

– Ренар! – воскликнула она, прижимая его к себе.

Она почувствовала, как мышцы его груди напряглись от звука ее голоса. Еще один толчок, и он замер, дрожа, наполняя ее своим семенем.

Минуту спустя они лежали молча, обнявшись в темноте. Снаружи цикады возносили свою любовную песнь к небесам, луна пробиралась сквозь легкие облака, близился рассвет. Энни знала, что если заснет, то проснется одна. Комната будет освещена, и Ренар исчезнет.

И все же она улыбалась. Все изменилось. Теперь она принадлежит ему навеки. Она удовлетворенно смотрела на светлячка, который бился в москитную сетку снаружи. Затем она закрыла глаза и уснула.

Глава 13

Когда Энни проснулась, комната была освещена тусклым полусветом надвигающегося рассвета. Она не была одна, как ожидала, но человек, склонившийся над ней и ласково глядящий ее по виску, не был Ренаром. Это был темнокожий... Арман. Она не ошибалась. Это был тот же человек, которого она видела прошлой ночью напротив пансиона миссис Кавано, и именно с ним она столкнулась на кладбище в День всех святых.

Он не смотрел на нее, когда она открыла глаза; он возился с повязкой на ее лбу, и делал это очень аккуратно. Энни наблюдала за ним с откровенным любопытством. На него стоило посмотреть, невзирая на то что он был в оборванной и замызганной одежде. Серовато-коричневые рубашка и брюки сильно отличались от искусно пошитого костюма, в котором она видела его на Кэмп-стрит, однако простота наряда не лишала его привлекательности. Сейчас он выглядел как фермер, чрезвычайно красивый, но переживающий тяжелые времена.

И вдруг Энни как обухом по голове ударило. Ведь это он был на козлах фургона прошлой ночью! И неудивительно, ведь Арман – самый преданный сторонник Ренара, надежный парень, который мог возить беглых рабов под вязанками табака по глинистым дорогам Луизианы, равно как и го-

товить целебный чай, мгновенно устраняющий самую сильную головную боль!

Он покосился на нее и, ничуть не удивляясь, прямо посмотрел ей в глаза.

– Вы проснулись, – констатировал он.

Из запоздалого чувства скромности Энни оглядела себя, чтобы проверить, накрыта ли она. Оказалось, что да. Более того, под стеганым одеялом она была в сорочке. Она надеялась, что это Ренар одел ее, и смущенно отозвалась:

– Да.

– Как вы себя чувствуете? – Он улыбнулся доброжелательно и серьезно.

– Прекрасно благодаря Ренару. – Она не имела в виду ничего двусмысленного, но сама же покраснела от смущения. Стараясь скрыть это, она поспешно продолжила: – И благодаря вам, конечно. Это ваше снадобье помогло мне избавиться от головной боли вчера вечером. Откуда вы знаете такие колдовские штучки?

– Вы думаете, что это колдовство? – Арман приподнял бровь и усмехнулся. – Я врач, мадемуазель Уэстон, меня обучали лучшие доктора Парижа.

– Простите. – Она поморщилась и смущенно улыбнулась. – Я вовсе не хотела сказать, что вы шарлатан.

– Я так и понял, поэтому не обиделся. – Его улыбка стала еще шире, а ореховые глаза лукаво засверкали.

– Просто наш семейный врач в Англии никогда не исполь-

зовал травы. – Она пожала плечами. – Он лечил пиявками.

– Понимаю, самая современная медицина в действии, – сухо отозвался Арман. – Люди обычно считают, что знахарство примитивно.

Энни рассмеялась.

– Да, вы правы, мадемуазель, мои снадобья и методы лечения отличаются от традиционных. Но я изучал как современную медицину, так и народные средства, и мне удастся совмещать одно с другим. У меня открытое сознание, поэтому я могу для пользы человека брать лучшее из обеих сфер.

Энни подумала, что Арман наверняка применяет эту свою философию и в остальных областях жизни. Очевидно, он прекрасно находит свое место и среди белых, и среди черных. Хотя между ними вряд ли существуют серьезные различия, по крайней мере в том, что касается человеческих возможностей и справедливости. А он, как и Ренар, пытается устранить несправедливость.

Он снова серьезно взглянул на нее. Казалось, он читает ее мысли.

– Это ваше антисептическое средство способно творить чудеса? – спросила она.

Он отвел глаза, взял со столика влажное полотенце и вытер руки. Пальцы у него были длинными и тонкими, ногти коротко острижены и вычищены. Настоящие руки хирурга.

– В рану не попала инфекция. Она быстро затянется, и не останется никакого шрама.

Энни кивнула, почти не вслушиваясь в его слова. При взгляде на его руки она вспомнила о другой паре утонченных рук, память о которых тщетно пыталась выбросить из головы. Ренар обнимал ее своими сильными руками, ласкал... Нет, это невозможно. Воспоминания снова и снова одолевали ее. Каждая клеточка ее тела несла в себе отпечаток его прикосновений. Она стремилась к нему всем сердцем.

Она осмотрела комнату, которая была еще меньше, чем казалась ночью при свете свечей, но очень чистой и аккуратной. На полке комода стояла свеча, которая, догорев до основания, погасла и оставила их с Ренаром в полной темноте. Она никогда больше не будет бояться темноты... Интересно, а куда подевался светлячок? Улетел с Ренаром?

– Почему вы не спросите меня?

Энни вздрогнула от неожиданности и подняла изумленные глаза на Армана. В мыслях она была за тысячи миль отсюда, но реально находилась в этой комнате.

– О чем?

– Вы ведь хотите знать, где он, не так ли?

Энни опустила ресницы и уставилась на свои сложенные на коленях руки.

– Не совсем. Я предполагала, что он уйдет. Он не позволил бы мне увидеть себя при дневном свете.

Но все же ей хотелось, чтобы он сказал ей что-нибудь об их следующей встрече. Ведь прошедшая ночь была для нее особенной. Она надеялась, что и для него эта ночь была чем-

то большим, чем обычное увлечение на один раз.

– Я видел его сегодня утром здесь, – продолжал Арман, не опровергая ее утверждения о том, что Ренар не захочет показаться ей на глаза при свете дня. – Он попросил меня отвезти вас домой, как только вы проснетесь. Он беспокоится, что к тому времени, когда я верну вас домой, ваши дядя и тетя уже сообщат городскому патрулю. Также он опасается, что верховая поездка может утомить вас и привести к рецидиву.

– Скажите... он не оставил для меня записки?

– Нет, мадемуазель, – с непроницаемым лицом отозвался Арман. – Никакой записки.

– А почему мне можно видеть вас и нельзя его? – Она с трудом подавила разочарование.

– У него есть на это свои причины, мадемуазель.

– Причины, о которых он не может сказать мне, – раздраженно пробормотала она.

Энни устала от заключения в темнице ради своей «безопасности». Действительно ли Ренар оберегает ее таким образом или просто использует свой маскарад, чтобы держать ее от себя на расстоянии? Энни ненавидела себя за то, что сомневается в нем, но она была влюблена и чувствовала себя покинутой. У какой женщины не возникнет сомнений в такой ситуации?

– А вы не боитесь, что я сообщу ваши приметы полиции? – поинтересовалась она запальчиво.

– Нисколько, мадемуазель, – ответил Арман, обернувшись к ней с лукавой улыбкой. – Ренар не стал бы иметь ничего общего с пустоголовой болтушкой, которой нельзя доверять. – Он развел руки в великодушном жесте: – Моя жизнь в ваших руках.

Энни немного смягчилась после заявления Армана о том, что Ренар доверяет ей, но ей хотелось большего от мужчины, которому она отдала свое тело и душу.

– Прекрасно, но если мне можно доверить вашу жизнь, то почему Ренар не хочет...

– Дело не в этом, мадемуазель. Ренара беспокоит ваша безопасность, а не его собственная.

– Конечно, я понимаю, что моя, – пробормотала Энни.

Арман укоризненно покачал головой, глядя на нее, отложил в сторону полотенце и замахал на нее руками, давая понять, что разговор окончен, как и его омовение. После чего строго и деловито спросил:

– А теперь скажите мне, мадемуазель, в котором часу вы обычно просыпаетесь по утрам?

– Около восьми.

– А ваши дядя и тетя?

– Завтрак подают в десять. Обычно до этого часа я их не вижу.

Арман прислонился к стене напротив кровати, скрестил на груди руки и задумчиво потер кулаком подбородок.

– Сейчас почти шесть. Надеюсь, мы успеем пробраться в

дом и в вашу комнату так, что никто не заметит вашего отсутствия.

– Слуги, наверное, уже на ногах. А мы очень далеко от Фобург-Сент-Мэри, не так ли? И что мне делать с этим? – Она потрогала повязку на голове.

– Скажите, что споткнулись, упали и стукнулись головой о туалетный столик.

– А потом сама себя перевязала?

– Вы находчивая женщина, – усмехнулся он. – Вам повесят.

– Только не дядя Реджи, – нахмурилась Энни. – В последнее время он не очень-то мне доверяет.

– Не доверяет вам? – Арман приподнял бровь с выражением насмешливого удивления. – Господи, не могу представить себе почему! Как часто вы убегали из дома за последнее время?

– Не сердите меня, Арман, – предупредила она его, невольно улыбнувшись. – Я сегодня немного раздражительна.

– Это потому, что вы проголодались. Уверен, что дома вы едите по часам. Я принесу вам хлеб, сыр и стакан вина. Завтрак отнюдь не роскошный, но вам просто необходимо что-нибудь съесть после вчерашней беспокойной ночи. Вы, должно быть, очень вымотались.

И снова Энни послышался двойной смысл в его с виду невинных словах. Действительно, прошлая ночь была опас-

ной по многим причинам. Интересно, что Арману известно о ней? Она отмела смущение и укрылась за стеной прагматизма.

– Сколько у меня времени на завтрак?

– Не больше пяти минут. – Он подошел к буфету, приготовил Энни тарелку с едой, налил вина из простого деревенского кувшина и поставил все это на столик рядом с кроватью. – Поешьте, а потом одевайтесь. Ваша одежда там, на стуле. – Он махнул рукой в темный угол комнаты.

– Спасибо. – Она села на кровати, подоткнула под бок подушку и убрала со лба выбившуюся прядь. – А где ваш брат?

– Кристиан? – после недолгой паузы переспросил он. – Он дома... я надеюсь.

– Кристиан помогал вам вчера ночью? – Она увидела, что Арман не хочет отвечать, и добавила: – Да, я знаю. Ре-нар говорит, что я любопытна, как обезьяна. Не отвечайте, если не хотите.

– Мне трудно говорить о моем брате, – пожал плечами Арман. – Да, он помогал готовить побег, но косвенно. На самом деле он почти не вовлечен в нашу деятельность, но мы надемся, что, будучи частью важного дела, он... остепенится.

– Немного взбалмошный, да? – сочувственно улыбнулась Энни. – Такой у него возраст.

– Надеюсь, что дело только в этом, – сказал Арман. Он неловко потоптался на месте и направился к двери. – Мне нужно оседлать лошадь. А вы ешьте и одевайтесь. – Он по-

медлил, взявшись рукой за дверную ручку. – Вы справитесь? Вам не нужна помощь?

– Спасибо, нет, – покраснела Энни. – Я прекрасно справлюсь сама.

– Слава Богу, – с облегчением улыбнулся Арман. – Не знаю, как бы я стал объяснять Ренару, что мне пришлось помогать вам одеваться, или убеждать его, что делал это с закрытыми глазами.

– Значит... значит, я не безразлична ему? – Она залилась краской до корней волос.

– Я не могу говорить за Ренара, мадемуазель, – серьезно ответил Арман. – Но он беспокоится о вас. Вы должны доверять ему, он сделает так, как будет лучше вам обоим.

После ухода Армана Энни молча уставилась на дверь. Она мысленно ругала ближайшего соратника Ренара за неразговорчивость. Он мог бы рассказать ей больше, но не имел ни малейшего желания это делать. Она должна доверять Ренару. Что это значит? Почему Ренар и его друг такие скрытные и загадочные? Если она хочет выяснить что-нибудь о личности Ренара или о его чувствах к ней, то ей придется ждать, пока Ренар сам заговорит об этом.

Пока дело обстояло так, что Энни понятия не имела, когда снова увидит Ренара, если вообще когда-нибудь увидит. Что, если она для него всего лишь очередное завоевание в длинной цепи любовных побед? Эта мысль была мучительной. Она продолжала мрачно есть и пить вино, не ощущая

вкуса трапезы, но понимая, что ей нужны силы для долгого пути домой.

Она оделась, причесала волосы и снова убрала их под шляпу. Ей придется ехать в город верхом на лошади Армана, надвинув шляпу на глаза. Так, чтобы никто ее не узнал. Впрочем, никто из ее знакомых не может оказаться на улице в такой час.

Когда они доберутся до дома тети, она быстро прошмыгнет через кухню мимо слуг, и, надо надеяться, никто из них не доложит дяде или тете о том, что она вернулась домой в такой ранний час и в такой странной одежде. Хотя ей вряд ли удастся обойтись вовсе без объяснений, поэтому она спешно конструировала очередную ложь. Она ненавидела вранье, но Реджи вряд ли переживет правду о ее последней выходке.

Наконец они тронулись в путь. Болотистая местность, через которую они ехали, была Энни незнакома, и к тому времени когда они выбрались из густой чащи на Речную дорогу, она полностью утратила ориентацию в пространстве. Здесь же по изгибу речного русла она смогла определить, где юг, а где север. К счастью, им не нужно было ехать через весь город, чтобы добраться до Фобург-Сент-Мэри, и они закончили свое путешествие без неприятных неожиданностей.

Слух о ее побеге, очевидно, не просочился за стены дома, хотя Джефффри сейчас, вероятно, работал над специальным репортажем для «Пикайун». Интересно, как он изложит события и как опишет ее участие в них. Она представила се-

бе строки из газетной колонки: «Неизвестный юноша предупредил Лиса о подозрительных тенях в глубине кладбища...» Она перебрала в голове несколько возможных вариантов описания событий, надеясь, что Джефффри изложит их максимально точно.

Между задним двором дома Кэтрин и соседним с северной стороны был узкий проход. Арман воспользовался этим подходом к дому и ссадил Энни с лошади возле дальней калитки, скрываясь от посторонних взглядов под сенью раскидистого гикори. Он протянул ей маленькую коробочку:

– Возьмите эту мазь и прикладывайте к чистой ране утром и вечером.

– Спасибо, Арман.

– За что?

– За дружбу. За то, что постарались ободрить меня, хотя ничего мне и не сказали. – Она с сожалением улыбнулась.

Арман снял простую крестьянскую шляпу и, галантно взмахнув ею в воздухе, тепло улыбнулся:

– Au revoir, мадемуазель. До новых встреч.

Энни подняла руку на прощание, и сердце у нее защемило от грусти. До новых встреч. Ренар не сказал ей ничего подобного. Он не передал через Армана ни единого слова любви, дружбы, даже простой благодарности. Она пала духом.

Посмотрев ему вслед, она нехотя повернулась к калитке, ведущей в ухоженный, приветливый внутренний дворик дома тети Кэтрин. Она провела здесь в затворничестве много

счастливых часов. Но сегодня она входит сюда другим человеком. Она не будет снова счастлива, пока не соединится со своим возлюбленным. Впрочем, она надеялась, что не будет долго обречена на несчастливую жизнь.

Энни не была уверена в его чувствах к ней, но не сомневалась в своих чувствах к нему. Она любила его и готова была все время думать о нем и волноваться. Появление добровольных стрелков прошлой ночью убедило ее в том, что Ренар вовсе не неуязвим. В его организации происходила утечка информации. Кто же доносчик?

Энни вдруг почувствовала, что смертельно устала, и побрела по красной кирпичной дорожке к дому. Она взглянула на зашторенные окна комнаты дяди Реджи и поблагодарила провидение за то, что он еще спит.

* * *

Реджи этой ночью не сомкнул глаз. Он поднялся на рассвете, гораздо раньше своего обычного часа, оделся и, выйдя на улицу, сел на мраморную скамью под большим бананом. Он был одержим странными, романтическими мыслями, которые, как ему всегда казалось, не могут укорениться в его практичной голове. И что хуже всего, Кэтрин Гриммс – размахивающая тростью, либеральничающая дама с голосом, напоминающим скрип ногтей по школьной грифельной доске, и манерами, присущими морскому адмиралу, командую-

щему флотилией, – была источником этих нежных чувств.

Реджи невольно улыбнулся. Вчера вечером, когда она упала в обморок, с него разом слетела вся британская спесь. Он вдруг понял, что не переживет, если с ней что-нибудь случится, и взлелеянная им неприязнь к ней улетучилась, как утренний туман в лучах восходящего солнца. Он признался себе в том, что Кэтрин Гриммс ему очень нравится. Больше чем нравится. И что же теперь с этим делать?

Реджи размышлял, стараясь отыскать ответы на мучившие его вопросы в эдемском садике Кэтрин. Еще не было семи, но ноябрьское утро благоухало ароматами цветов и фруктовых деревьев, а воздух был теплым. Птички трели раздавались из густых крон высоких деревьев, которыми бездумно были засажены четыре акра поместья Гриммс. Теперь он понимал, почему Энни любила часами сидеть здесь по воскресеньям.

Энни? Может быть, она ему привиделась? Нет, потому что в таком случае она не явилась бы ему в мужской одежде и с повязкой на голове. И не замерла бы как вкопанная, увидев его. Она появилась из-за густых зарослей кустов, очевидно, пробираясь с заднего двора. Он сидел в куще растений, невидимый издали со всех сторон. Естественно, что его племянница остолбенела, обнаружив его здесь в столь необычный час.

– Дядя Реджи?

Он взял себя в руки. В какую неприятность она попала на

этот раз?

– Именно. А кого ты ожидала увидеть, Энни?

– Никого, – запинаясь ответила она. – Кого угодно, только не тебя.

– Подойди ближе, Энни, – ласково поманил он ее. – Как ты поранилась, дитя мое? Должно быть, рана не опасна. Если ты можешь ходить, – добавил он мрачно.

Он ждал, что она возмутится тем, что он назвал ее «дитя мое», но ошибся. И действительно, она не была похожа на ребенка. Он смотрел на нее издали и поражался тому, как по-женски она выглядит даже в мужском костюме. Он старался не переусердствовать в выяснении того, почему она так странно одета, и готовился принять самое худшее объяснение ее появления в саду в семь часов утра. Чем ближе она подходила к нему, тем явственнее становилось, что она чем-то искренне огорчена. Его покровительственный инстинкт взял верх над гневом.

Он подвинулся на скамье и освободил для нее место. А когда она села, взял ее за руку.

– Господи, Энни, что с тобой стряслось?

Энни подняла на него виноватые глаза и прямо взглянула ему в лицо. Он решил, что она размышляет над тем, что стоит ему рассказывать, а что нет. Ее голубые глаза были чистыми и ясными. И снова у него возникло ощущение, что она словно по волшебству превратилась в женщину за одну ночь. Она тяжело вздохнула.

– Я хотела соврать тебе, но передумала и решила сказать правду. Я совершила глупость прошлой ночью. Я убежала из дома, чтобы увидеть Ренара.

Реджи не сразу нашел что ответить. Он знал, что Энни увлечена романтической личностью разбойника, но предполагал, что в ней достаточно здравого смысла, чтобы избежать его опасного общества. Он откашлялся, но в его голосе остался предательский скрежет, когда он с наигранным спокойствием сказал:

– Наверное, я не понял тебя. Не могла же ты отправиться одна в логово этого разбойника?

– Я отправилась не в его логово, – возразила она, упрямо приподняв подбородок. – Не такая я дура. – Она бросила на Реджи странный взгляд, по которому он догадался, что если у нее и не было намерения отправиться туда сначала, то в конце концов она там побывала. – Джефффри получил известие о том, что Ренар готовит новый побег рабов. Я выудила из него достаточно информации, чтобы примерно определить время и место операции. Потом я подкараулила Джефффри у его пансиона и проследила за ним до места встречи.

– И что же там произошло? Ренар объявился?

– Да, – кивнула она и опустила голову, уставившись на сплетенные пальцы рук, лежащие на коленях. – Ты уверен, что хотел бы услышать дальнейший рассказ, дядя Реджи? Ты сможешь сам прочитать об этом в «Пикайун». Джефффри видел все своими глазами. В газете будет много интересных де-

талей. – Она неуверенно улыбнулась. – Только нужно вставить мое имя в ту часть статьи, где будет говориться о «молодом человеке».

– Как ты можешь предлагать мне ждать, Энни? Ты была ранена, а я даже не знаю, как и кем. Кто перевязал тебя? Кто-нибудь... – он покраснел от смущения и вскипевшей ярости, – кто-нибудь овладел тобой? – Он думал, что у него лопнет сердце, когда Энни залилась как маков цвет, услышав этот вопрос. – Если этот разбойник посмел прикоснуться к тебе хоть пальцем!..

Энни подняла на него полные слез глаза. Ее голос дрожал от избытка чувств, когда она тихо вымолвила:

– Ренар не причинил мне зла, дядя Реджи. Он спас мне жизнь. – Она потрогала повязку. – Началась перестрелка. Пуля скользнула по моему лбу. Ренар защищал меня. Если бы не он, я бы погибла. – Энни дрожала. – Никогда не думай, что Ренар может причинить мне вред, дядя Реджи. – Ее голос стал стальным. – Он никогда не сделает этого. Никогда.

Реджи был слишком ошеломлен, чтобы что-нибудь думать, тем более размышлять о мотивах, которые вынудили Ренара заботиться о его племяннице. Все детали этой истории меркли по сравнению с тем, что его дорогая племянница могла погибнуть.

Он с минуту смотрел на нее, подмечая, что в ее голубых глазах появилась зрелость, а узкие плечи дрожали, очевидно, после ужаса пережитой ночи. Он привлек ее к себе, уткнул

ее голову себе в грудь и ласково погладил по волосам.

– Хорошо-хорошо, девочка моя, – успокаивал он ее. – Я не буду больше ни о чем тебя спрашивать... сейчас. И не стану никого обвинять до тех пор, пока не разберусь в ситуации. Просто успокойся и прижмись к своему старому дядюшке, пока не почувствуешь себя лучше.

Он ощущал, как она понемногу расслабилась. Она при-
никла к нему, как когда-то в детстве, и дрожь в ее теле по-
немногу прекратилась, а с губ слетел тихий вздох.

– Я так устала, дядя Реджи, – вымолвила она. – Я хочу
пойти к себе и лечь спать.

– Конечно, девочка моя, отправляйся в постель и оставай-
ся там до тех пор, пока я не разрешу тебе подняться, – твер-
до заявил он.

Энни тихо рассмеялась и с чувством сжала его руку.

– Я разрешаю тебе опекать меня сейчас, но как только по-
правлюсь и ко мне вернется прежний напор и энергия, все
вернется на круги своя.

– Да, Энни, я понимаю. – Реджи обреченно вздохнул. –
Ничего другого я и не ждал. – С этими словами он поднял-
ся и повел к дому свою вечно попадающую в неприятности
племянницу.

Глава 14

Люсьен вышел из своего экипажа и оказался на тротуаре перед роскошным домом Кэтрин Гриммс. В одной руке он держал смешанный букет из садовых цветов и диких соцветий и листьев, который был так огромен, что задевал его за подбородок. Он был одет в темно-зеленый сюртук и черные брюки. Его парчовый бледно-желтый жилет был такого же цвета, как и роза, приколотая к лацкану, на свежих лепестках которой еще блестели капли утренней росы. Он был одет и полностью снаряжен для утреннего визита, хоть и необычного.

– Отведи лошадей за угол, Джордж, пожалуйста, – сказал Люсьен кучеру. – Я не задержусь надолго.

Люсьен оглядел фасад дома, его взгляд задержался на окнах Энни. Ставни были закрыты, чтобы не впускать в спальню знойные, яркие лучи утреннего солнца. Он представил себе, как она мирно спит в своей постели, предоставленная заботам дяди и тети. Его сердце сжалось от горечи при воспоминании о прошлой ночи. Он не жалел о магических часах, которые они провели вместе, но понимал, что не имел права брать ее невинность, не давая взамен никаких обещаний.

Как он мог потерять контроль над собой настолько, что втянул Энни в свою жизнь, не зная, что уготовано ему судь-

бой? И что он делает теперь, стоя в ненавистном облике Денди Делакруа перед ее домом?

С каждым днем презрение Люсьена к той роли, которую он вынужден был играть в обществе, возрастало. Ему становился невыносим образ легкомысленного бездельника, ищущего в жизни лишь развлечений и не желающего знать ничего, кроме собственной выгоды и комфорта. Этот образ эффективно защищал его от связи с Ренаром, но близилось время, когда в этом обмане больше не будет необходимости.

И что тогда? Даже если для Ренара все кончится так, как он запланировал, то он не знал, каким будет его следующий шаг, куда заведут его собственные амбиции. Он больше не знал, кем на самом деле является. Без маски, без личины ленивого дебошира – кто он на самом деле? Он должен был разрешить все эти проблемы, прежде чем позволить Энни всецело отдаться ему. Он печально подумал о том, что, возможно, не так уж он и далек от Денди Делакруа. А Энни заслуживает лучшего.

Однако долго стоять в раздумье перед ее домом неприлично. Он должен сделать то, зачем пришел, и уйти. Под невинным предлогом он пришел сюда, чтобы узнать, как она себя чувствует после печального инцидента в переулке. После того как он накануне получил от Реджи благодарственное письмо, его приход не покажется странным или неуместным. Но на самом деле он пришел по другой причине.

Теперь казалось странным, что стычка в переулке произо-

шла всего лишь вчера днем. С тех пор столько всего произошло. Столько изменилось в жизни для него и для Энни.

Милая Энни... Как мучительно было оставлять ее этим утром! Он мечтал о том, чтобы увидеть, как солнце наполняет ее комнату, как сама она сияет после ночи их любви. Но он пришел к дому Кэтрин вовсе не в надежде увидеть ее. Надеяться на это было бы крайне глупо. Напротив, Люсьен не сомневался, что Реджинальд Уэстон будет держать племянницу в спальне и отказывать всем посетителям – возможно, с целью наказать ее, а скорее всего чтобы никто не увидел шрам у нее на лбу.

Единственной целью визита Люсьена было узнать, как она себя чувствует после расставания с Арманом. Он собирался все выяснить, не встречаясь ни с Энни, ни с ее дядюшкой.

Залихватски надвинув шляпу на лоб, он медленно направился к входной двери. Мрачный дворецкий проводил его в холл, где ему пришлось ждать около четверти часа. В обычной ситуации он стал бы рассматривать коллекцию антикварных редкостей, собранных Кэтрин, но минуты текли одна за другой, и он начал волноваться.

Если бы Энни не удалось незаметно пробраться в дом на рассвете и поведать всем историю о том, что она упала и разбила лоб о туалетный столик, в доме царил бы переполох. Реджи твердо потребовал бы от нее объяснений, и Энни пришлось бы пережить жесткое давление с его стороны. Люсьен хорошо знал ее. Она не стала бы врать ради спасения самой

себя.

А что, если она всерьез больна? Люсьен впал в нешуточное беспокойство. Прошлая ночь стала для нее тяжелым испытанием. Разумеется, речь не об их любовной близости. Но разве она могла полностью уничтожить последствия ранения? Он готов был подняться с кресла и заметаться по холлу, как вдруг к нему вышел Реджи.

– Мистер Делакура! Как я рад вас видеть! Простите, что заставил вас так долго ждать, но меня... э... неожиданно задержали.

Люсьен поднялся и лениво, в стиле Денди Делакура, пожал пожилому джентльмену руку. Рукопожатие считалось чисто американской манерой, но Реджи ответил на него беспрекословно. Ладонь Реджи оказалась холодной и влажной на ощупь, от его обычной неторопливости не осталось следа, он суетился и казался взволнованным. Он старался держаться доброжелательно и гостеприимно, возможно, потому, что был искренне благодарен Люсьену за то, что он спас Энни от уличного пьяницы.

– Мне не хотелось бы доставлять вам неудобство, месье Уэстон, но вы прислали мне такую трогательную записку, что я... Я не сделал ничего особенного, чтобы заслужить вашу благодарность.

Реджи предложил Люсьену сесть в кресло, а сам сел на стул напротив.

– Ничего особенно трогательного в моем письме не было,

мистер Делакруа. Вы оказали Энни неоценимую услугу, за которую я всегда буду вам чрезвычайно благодарен.

– Я сделал лишь то, что сделал бы любой мужчина на моем месте, – скромно возразил Люсьен. – Вы знаете, что я не любитель говорить о своих сомнительных заслугах...

– Конечно, сэр, я вас понимаю. – Реджи с достоинством выпрямился на стуле и кивнул. – Ни один джентльмен не захочет, чтобы его восхваляли слишком долго или чересчур громко. Таким образом, тема закрыта. Я сам придерживаюсь такого же мнения в подобных вопросах. Я вас прекрасно понимаю – вы просто исполнили свой долг.

– Я зашел узнать, как мадемуазель Уэстон себя чувствует сегодня. – Люсьен одобрительно улыбнулся. – Пришла ли она в себя после вчерашних неприятностей?

Реджи нахмурился и уставился в пол, потирая пальцами подбородок. И вдруг прямо взглянул на Люсьена.

– Я надеюсь, что вы правильно поймете мой вопрос, но я должен его задать, мистер Делакруа. Скажите, вы держите в строжайшей тайне то, что произошло в том злополучном переулке? Вы же знаете, как некоторые любят поговорить о том, что и выеденного яйца не стоит... – Голос изменил ему. Он казался огорченным, потому что понимал, что оскорбляет порядочного человека, но не может поступить иначе.

Люсьен подумал, что этот человек искренне заботится об Энни и для него ее благополучие и репутация превыше всего. Как жаль, что он не смог повести себя так же достойно

прошлой ночью!

– Ни слова, клянусь вам всем святым, месье Уэстон, – заверил его Люсьен и добавил совершенно искренне: – Я никогда не сделал бы ничего, что могло бы повредить мадемуазель Уэстон – даже если бы мне пришла в голову такая дикая мысль.

Их взгляды встретились на мгновение. В голубых глазах Реджи промелькнуло любопытство, которое постепенно рассеивалось, уступая место пониманию. Люсьен испугался и отвернулся. Неужели Реджи обо всем догадался? Неужели он смог в его глазах прочесть то, как он на самом деле относится к Энни? Возможно, он смотрел на него слишком откровенно. Впрочем, таким он и был.

– Я полагаю, цветы для нее?

Люсьен снова взглянул на Реджи. Возле губ пожилого господина залегла складка, а вокруг глаз морщинки. Однако выражение лица в целом казалось довольно дружелюбным. Люсьен принял уважительную позу. Вот он, Ренар, который рассыпается на кусочки в приличной гостиной в присутствии добропорядочного господина! Оказывается, его обеспокоенность судьбой Энни, его забота о ней может оказаться опасным оружием против него в руках врага.

– Да, цветы для мадемуазель. Я думал, что вы прикажете отнести их ей в комнату... – Он непринужденно взмахнул рукой в воздухе. – Может быть, они доставят ей удовольствие, поднимут настроение. Тонкие девушки любят такие

пустяки, которые их забавляют, не так ли? Они могут отвлечься от повседневных дел.

Реджи кивнул. Их глаза снова встретились, и в них отразилось полное взаимопонимание. Они оба знали, что Энни не принадлежит к числу «тонких» девушек, а значит, не нуждается в пустяках, которые отвлекли бы ее от жизненных забот, но оба промолчали. Реджи поднялся и позвонил в колокольчик, чтобы вызвать слугу.

– Я прикажу поставить их в вазу и отнести ей в комнату. Уверен, она будет рада. Это очень мило с вашей стороны...

Он сел и с еще большей настойчивостью устался на гостя, утопающего в цветах. Под его пристальным взглядом Люсьен почувствовал себя неловко.

– Надеюсь, вы понимаете, что я не пускаю к ней гостей в таких сложных обстоятельствах?

– Разумеется, – ответил Люсьен. Вошла горничная, взяла у него букет и, выслушав приказания Реджи, удалилась. – Но я надеялся повидаться с мадам Гриммс. Она дома?

Эта просьба произвела на Реджи странное впечатление: он удивился сильнее, чем всему остальному, что Люсьен сказал за время своего визита. Реджи, явно заинтересовавшись тем, какое дело может быть у Люсьена к Кэтрин, производил впечатление слишком уж заботливого мужчины, на попечении которого находятся беззащитные женщины.

И вдруг... Озарение пронзило Люсьена и осветило самые дальние и темные уголки его сознания. Он предполагал рань-

ше, что Реджи и Кэтрин с трудом ладят. Возможно, это был всего лишь брачный танец. Сомнений быть не могло, сейчас Реджи заботится о Кэтрин иначе, и его тревога питается любовью...

– Миссис Гриммс сидит с Энни, – неуверенно ответил Реджи. – Но если вам нужно, я готов подменить ее и провести какое-то время у постели Энни. Я буду счастлив это сделать.

– Я думал, что мадемуазель Уэстон хорошо себя чувствует, – нахмурился Люсьен.

– Видите ли, мы не то чтобы дежури́м у ее постели, – заверил его Реджи. – Просто когда она сносно себя чувствует и пребывает в хорошем расположении духа, мы используем этот момент, чтобы поговорить с ней, разъяснить какие-то вещи, вы же понимаете.

– Да. – Люсьен кивнул с явным облегчением. Энни не повредит некоторое ужесточение домашнего распорядка. Значит, на протяжении следующих нескольких дней он может не беспокоиться о ней и заняться своими делами.

– Я пойду и приведу ее.

– Приведете Энни? – Люсьен был настолько погружен в мысли о ней, что невольно проговорился. Черт побери! Он назвал ее по имени. Тем более глупо, что Реджи только что объяснил ему, что она не принимает посетителей, а значит, не может спуститься вниз по лестнице.

От Реджи не ускользнула его оплошность.

– Разумеется, я не имел в виду мадемуазель Уэстон, – поспешил поправить себя Люсьен. – Я понимаю, что она сейчас не может никого принимать. Простите, я оговорился. Конечно же, я имел в виду мадам Гриммс.

– Конечно. – Реджи сдержанно улыбнулся в ответ. – Я понимаю... оговорка. Присядьте, мистер Делакура. Я прикажу Терезе принести вам чаю.

– Мерси. В этом нет необходимости...

– Кэтрин любит пить чай в это время суток. Никакого беспокойства.

Люсьен смотрел, как Реджи направляется к двери, и проклинал себя за то, что оказался таким болваном. Он рассеянно подошел к окну и отдернул штору, чувствуя себя полным идиотом. Почему он может оставаться хладнокровным, когда что-то угрожает его жизни, и полностью теряет самообладание, когда Энни находится в соседней комнате?

Господи... она совсем рядом. Стоит только подняться наверх и открыть дверь ее спальни... Теплые, живые картины прошлой ночи всплыли в его памяти. Ощущение ее тела проснулось в нем с невероятной яркостью.

– Люсьен?

Он круто обернулся на свое имя и на голос своего верного друга. В дверях стояла Кэтрин. Он с облегчением расслабился, потому что не нужно было притворяться.

– Мы можем поговорить спокойно?

– Сейчас да. – Она прикрыла за собой дверь.

– Реджи велел Терезе принести чай, – предупредил Люсьен.

– Мы об этом узнаем. Дверь скрипит. Я не позволила Терезе смазать ее маслом.

– Вы обычно проводите тайные беседы в этой комнате? – усмехнулся Люсьен.

– Никогда до вас этого не делала. – Кэтрин пожалала плечами с равнодушно-насмешливым видом. – Зачем вы здесь, Люсьен? Наверное, у вас была серьезная причина прийти сюда, если вы не дождались субботы, чтобы передать весточку через мадам Тюссо?

Люсьен тяжело вздохнул и опустил на стул, который только что освободил Реджи.

– У меня есть серьезное оправдание. Реджи прислал мне записку с благодарностью за то, что я спас Энни от... неприятной ситуации.

– Вы имеете в виду изнасилование? – Кэтрин села на соседний стул.

– Возможно, – поморщился Люсьен. – Глупая девчонка. Она очень похожа на вас, Кэтрин. Слишком отважна, чтобы беспокоиться о своей безопасности.

– Она поэтому вам так нравится? – Кэтрин вопросительно приподняла бровь.

– Я всегда ценил смелость и решительность в женщинах, – уклончиво ответил Люсьен.

– Не скрытничайте. Я спрашиваю, нравится она вам или

нет.

– Конечно, нравится, но...

– Но возможно, не настолько, насколько вы нравитесь ей?

– Я не знаю, насколько я нравлюсь ей.

– Тогда вы дурак, Люсьен. Вы нравитесь ей настолько, что она хочет спать с вами. И насколько я знаю свою племянницу, это значит, что она вас любит.

Люсьен любил прямолинейность Кэтрин, но сейчас она обескуражила его. Он чувствовал, что его поймали с поличным. И защищаться ему было нечем.

– Энни все вам рассказала?

– Все. Разумеется, кроме того, что вы уложили ее в постель. Об этом я догадалась сама. А вы подтвердили это своим виноватым взглядом. А где был Арман в это время?

– Вывозил рабов из города. Он вернулся в хижину на рассвете.

– У Энни возникло ощущение, что Арман был там все время. Это притворство, которое помогло ей убедить Реджи в том, что она ни минуты не оставалась с Ренаром наедине. Иначе он не пережил бы этого известия.

– Что ему известно?

– Только общие детали. Он не хочет давить на Энни, но он очень умен, и у него прекрасная интуиция. Готова поклясться, что он обо всем догадывается. Вы знаете, что Энни сначала во всем призналась ему. Он сидел в саду на рассвете, когда она возвращалась домой в мужской одежде.

– Реджи знает что-нибудь о вашей связи с Ренаром?

– Нет. – Ее губ коснулась печальная улыбка. – Ни он, ни Энни понятия не имеют, в какой степени я вовлечена в ваши гнусные преступления, Люсьен. – Она пытливо взглянула ему в лицо, и он догадался, каким будет ее очередной вопрос. – Как вы посмели заниматься любовью с моей племянницей, не открывшись ей?

– Вы повергаете меня в смущение, Кэтрин, – попробовал он избежать ответа. Однако кровь стучала со страшной силой у него в висках.

– Значит, вы не ответите?

– Достаточно сказать, что она не понимает того, что герой, которого она... боготворит, и мерзавец, которого ненавидит, – один человек.

– Энни очень умна, как и ее дядя. Она очень быстро выяснит, кто вы на самом деле.

– Да, возможно, даже скорее, чем мне бы этого хотелось, – кивнул он. – Вот почему нам лучше какое-то время не видеться. Даже в темноте люди узнают друг друга.

– Разумеется. – Она приподняла брови.

– Мне нужно время. Я задумал дело, которое окончательно уничтожит Бодена, да поможет мне Бог. Я не могу разбираться с Боденом и Энни одновременно.

– Ты давно уже решил покончить с Боденом. Я уверена, что ты ставишь под угрозу выполнение своего замысла. Почему, Люсьен? Отчего возникла необходимость торопиться

с этим?

– Я хочу покончить со своей жизнью в образе Ренара.

– Я рада! – воодушевленно откликнулась она. – Наконец-то. Скажи, связан ли этот отказ от игры со смертью с моей племянницей?

– Вы знаете, Кэтрин, существует утечка информации, – попробовал он снова уйти от ответа. – Меня не покидает чувство, что удача изменила мне.

– Меня тоже. – Она помолчала, глядя в пол и покусывая губу. – Вы получили мою записку о том, что Уиклифф проговорился Энни о месте и времени встречи?

– Да. – Люсьен взял Кэтрин за руку и крепко сжал ее.

– Слава Богу, – пробормотала Кэтрин. – Я с ума сошла вчера вечером, потому что не могла улучить момент, чтобы написать вам записку. Я боялась, что молодой конюх не застанет вас вовремя.

– Он застал. И поскольку нас предупредили, мы были очень осторожны... первое время. Нам удалось спрятать троих рабов в фургоне без особого труда, и Арман уже нашептал своей лошади что-то на ухо. Мы расслабились, что было глупо и преждевременно. Добровольные охотники подстерегали нас на кладбище.

– Кто вас предупредил о засаде?

– Энни не рассказала вам? – удивился Люсьен.

– То объяснение, которое она дала по поводу вчерашней ночи, было кратким и невразумительным. Она сказала, что

мы сможем прочесть обо всем в «Пикайун».

– Значит, Уиклифф заполучил историю. В ней наверняка найдется место для «молодого человека», который спас мне жизнь, рискуя своей. Если хотите знать, Энни и была этим молодым человеком.

Кэтрин молчала. Позолоченные часы на мраморной каминной полке отсчитывали секунды, Люсьен наблюдал за тем, как она переживает потрясение: Энни едва не убили; Энни влюбилась в разбойника; Энни потеряла девственность.

– Вы готовы довериться мне?

– Больше чем когда бы то ни было. – Она тяжело вздохнула. – Я не затем увезла Энни из Англии, от ее семьи, чтобы она разрушила свое будущее, Люсьен. Вы прекрасный человек, но слишком подвержены страстям. Похоже, что в отношении моей племянницы вами правят страсти. Она заслуживает самого лучшего в жизни, и если вы считаете, что не можете дать ей этого, то... – Она не закончила фразы, потому что в этом не было нужды. – Я не хочу, чтобы она страдала, Люсьен.

– Я тоже не хочу, – печально отозвался он.

Кэтрин подошла к нему и взяла его за руку. Она крепко сжала ее и сказала:

– Я знаю, что вы сделаете так, как будет лучше.

Люсьен был благодарен Кэтрин за проявление доверия, хотя она явно сердилась на него за то, что он поставил под

угрозу будущее счастье ее племянницы. Он действительно хотел сделать «как будет лучше» для Энни, но как бы тщательно он ни выстраивал свои планы, в них могла быть осечка. А поскольку он не был уверен в результате, он не мог давать никаких обещаний ни Энни, ни ее тетке.

У Люсьена была еще одна забота – он не мог полностью довериться Кэтрин. Энни пока не знала, что он и Ренар – ее герой – одно и то же лицо. Что, если она затаила такую ненависть к Делакура, бездельнику и моту, что не сможет признать Люсьена?

– У вас как у Ренара есть какие-нибудь ближайшие планы? Я могу быть вам полезна? – спросила Кэтрин, выведя его из состояния задумчивости.

– Я дам вам знать. – Он поднялся. – Мне нельзя оставаться дольше. Реджи и так показалось подозрительным мое желание поговорить с вами. – Он приподнял бровь: – Скажите, может быть, он ревнует?

Кэтрин тоже поднялась, разглаживая несуществующие складки на своей пышной юбке.

– Пока рано о чем-либо говорить, – смущенно ответила она. А когда она подняла на Люсьена глаза, ее лицо радостно сияло. – Вы ведь будете держать меня в курсе дела, Люсьен?

– Разумеется. – Ее радостное сияние отвлекло Люсьена от собственных тревожных мыслей. – И вы тоже держите меня... в курсе дела, хорошо?

– Убирайтесь вон, дерзкий наглец! – Она надменно под-

жала губы, сквозь которые прорывалась улыбка. – Я не стану связываться с таким типом, как вы!

Люсьен в шутку выставил руки, словно хотел защититься от нападения, затем поклонился и поцеловал Кэтрин в щеку. Как раз в этот момент несмазанные дверные петли гостиной возвестили о приходе Терезы с чаем. Люсьен мгновенно отстранился от хозяйки на приличествующее расстояние и преобразился в Денди Делакруа. На его губах появилась небрежная улыбка.

– Несомненно, мадам Гриммс, – лениво протянул он. – Я вас понял совершенно. Если вы считаете, что ваш литературный кружок не заинтересует лекция месье Лаприля о социальных преимуществах рабства... – он беспомощно развел руками, – что ж, вам виднее. Но мне кажется, что вам следует быть более восприимчивой к другим мнениям. Как иначе можно сделать разумный выбор?

Кэтрин поняла, какая роль отведена ей в этой пьесе, и собралась дать жесткий отпор позиции Люсьена, как вдруг в их диалог вмешался третий голос.

– В некоторых случаях выбор самоочевиден, Делакруа. По крайней мере для благородного мужчины... или женщины. – С этими словами Джеффри Уиклифф поклонился Кэтрин.

Люсьен обернулся и увидел его позади горничной, которая держала поднос с чаем. Другая горничная внесла вазу с цветами, которые он просил передать Энни. Люсьен удивился, что их ставят в гостиной, хотя Реджи распорядился до-

ставить их в комнату племянницы.

Джеффри был одет в свой традиционный консервативный серый костюм и держал в руках шляпу, но в его облике в тот день появилось нечто особенное. Он выглядел более чопорным, чем обычно. Его чисто выбритое лицо сияло самодовольством. Взгляд Люсьена упал на свежий номер «Пикай-ун», который Джеффри сжимал под мышкой. Очевидно, он примчался сюда прямо из типографии, где только что отпечатали газету, чтобы поразить Энни историей о Ренаре.

– Месье Уиклифф, bonjour, – проигнорировав косвенный намек Джеффри на то, что он не считает его благородным человеком, сказал Люсьен. Кэтрин не сомневалась в нем, а ее суждение он ценил куда выше, чем мнение журналиста. Люсьен вежливо поклонился, испытывая острое желание съездить кулаком по слишком высоко задранному носу Джеффри. – Вы подоспели вовремя. Я ухожу, а вы можете составить мадам Гриммс компанию за чаем.

– Надеюсь, миссис Гриммс поймет, что я не располагаю временем для светских бесед сегодня, – сказал Джеффри, поклонившись Кэтрин. – Я пришел единственно для того, чтобы повидать Энни. – Он бросил взгляд на Люсьена, чтобы посмотреть, как он отреагирует на то, что он называет Энни по имени. Люсьен оставался непроницаем, хотя с этой минуты возненавидел Джеффри еще сильнее.

– Боюсь, вас ждет разочарование, – не удержался от замечания Люсьен. – Мадемуазель Уэстон нездорова и никого не

принимает сегодня.

– Меня она примет, – самонадеянно отозвался Джеффри.

– Джеффри, я боюсь, что Реджинальд будет против, – вмешалась Кэтрин.

– Но ведь это совсем другое дело, миссис Гриммс, – обворожительно улыбнулся Джеффри и прошел к ней через всю гостиную. – Пара диких лошадей не удержит сегодня Энни от встречи со мной. – Он достал газету и взмахнул ею в воздухе, как хвастливый школьник. – У меня здесь отчет о последней отчаянной выходке Ренара. Она едва не стала для него трагической. Завязалась настоящая схватка между Ренаром и целым отрядом добровольцев, которым удалось подобраться к нему совсем близко.

Люсьен нахмурился. Отряд добровольцев? Разве трех человек можно считать отрядом?

– Господи! – воскликнула Кэтрин, изображая удивление. – Да, я уверена, что Энни захочет прочитать вашу статью. Я отнесу газету к ней в комнату. Она неудачно споткнулась и стукнулась о туалетный столик вчера вечером. Из-за постоянного головокружения ей приходится все время лежать. – Она шагнула к нему и протянула руку.

Джеффри отступил на шаг и спрятал газету под мышку. Люсьен заметил, что Джеффри никак не отреагировал на новость о самочувствии Энни; он был занят только собой, а вовсе не женщиной, за которой ухаживает уже несколько недель.

– Нет, я не могу позволить вам сделать это. Я должен увидеть выражение ее лица, когда она станет это читать. – Джефффри шутливо погрозил Кэтрин пальцем. – Вы не можете лишить меня такого удовольствия.

– Я же сказала вам, что Реджинальд не позволит... – натужно рассмеялась Кэтрин, явно теряя терпение.

– Когда я подъезжал к дому, она стояла у окна и смотрела на улицу. Я издали показал ей газету, и, готов поклясться, ее глаза просияли, как освещенное фейерверками небо Четвертого июля. «Я спущусь вниз, Джефффри. Подожди меня», – казалось, говорила она. – Джефффри пожал плечами и улыбнулся с лицемерной учтивостью. – Вы станете обвинять меня в том, что я хочу выполнить ее просьбу, Кэтрин? Полагаю, в течение последних пяти минут Энни спорит со своим дядей и уговаривает его позволить ей спуститься. Если хотите, я готов побиться об заклад, что Энни в этом споре победит.

Люсьен хорошо знал настойчивость Энни и не сомневался, что так и будет. Судя по тому встревоженному взгляду, который Кэтрин бросила в его сторону, она придерживалась того же мнения. Люсьену следовало уйти, прежде чем Энни спустится. Именно поэтому цветы принесли в гостиную, а не к ней в спальню; настырная девчонка ни за что не останется у себя в комнате.

– Жаль, что я не могу остаться и повидать мадемуазель Уэстон, – сказал Люсьен, направляясь к двери. И вдруг обернулся и лучезарно улыбнулся: – Надеюсь, ей понравятся цве-

ты. – Он бросил прощальный взгляд на букет, который горничная поставила на пианино.

Джеффри проследил за его взглядом и нахмурился. Ревность отразилась на его лице. Люсьену было приятно наблюдать, что гонору его немного поубавилось.

– Как вам повезло, месье Уиклифф, что вы обладаете таким влиянием на мадемуазель Уэстон, что она готова пренебречь недомоганием и выказать открытое неповиновение дяде ради того, чтобы увидеться с вами. – Он помолчал в задумчивости. – Но я теряюсь в предположениях... она идет на такие жертвы из-за уважения к вам или из-за восхищения Лисом?

Сказав это, Люсьен задержался лишь на мгновение, чтобы увидеть, как изменится надменное выражение лица Джеффри. И он не ошибся: Джеффри покраснел и стал ярче тех роз, которые были в букете для Энни.

Довольный собой, Люсьен мило поклонился Кэтрин и вышел. В тот момент, когда дворецкий закрывал за ним дверь, ему показалось, что он услышал торопливые шаги Энни, сбегающей вниз по лестнице. Он тяжело вздохнул и заставил себя спокойно направиться к ожидающему его экипажу.

Глава 15

Энни читала статью Джеффри и чувствовала, как кровь постепенно отливает от ее лица. Хорошо, что она держала газету перед собой таким образом, что ее мертвенно-бледных щек не видели ни дядя, ни тетя, ни особенно Джеффри.

Она не верила своим глазам. Она не могла поверить, что он пал так низко. Реджи никогда не доверял Джеффри, полагая, что дерзкий американец слишком амбициозен. Очевидно, дядя был прав.

Энни потребовалось много времени, чтобы прочесть статью дважды. Она чувствовала, что Джеффри начинает волноваться. Ему не терпелось узнать ее реакцию. Без сомнения, он ждал восторженного отзыва, чисто женских вздохов и восхищенных взглядов. А поскольку она не могла объявить, что является непосредственным участником событий и располагает доказательствами того, что все, написанное в статье, чистейшая ложь, ей придется подыграть ему.

Энни собралась с духом, чтобы изобразить нужную мизансцену. Это будет нелегко, но зато можно, сославшись на недомогание и головную боль, быстро отослать Джеффри.

Она опустила газету. Перед ней были два напряженно выжидающих лица – Джеффри и Кэтрин. Реджи сидел в сторонке, изображая полнейшее безразличие. Он сердился на Энни за то, что она настояла на встрече с Джеффри и отка-

залась при этом пробыть хотя бы десять минут с Делакруа. Он считал, что Делакруа заслуживал по крайней мере элементарной благодарности за то, что спас ее от уличного проходимца. Но Энни не могла, после того как отдала свое тело и душу Ренару, позволить себе увидеться с человеком, которого недавно целовала и к которому чувствовала влечение.

Одна только мысль о Делакруа смущала ее. Несмотря на свою любовь к Ренару, она вспоминала поцелуи Делакруа с оттенком вожделения. Она не могла оправдать свои чувства. Единственным разумным объяснением, которое приходило ей в голову, было то, что она ветрена и порочна. Ей становилось не по себе от того, что, оказывается, в ее характере были такие недостойные качества, поэтому она старалась избегать встречи с источником своих неблагоприятных чувств – с Делакруа.

Б том, чтобы избегать Джеффри, не было необходимости. Этот мужчина и его поцелуи не вызывали в ней никаких чувств. Однако ей было любопытно прочесть его статью о Ренаре и побеге рабов. Возможно, там окажутся захватывающие детали, которые ускользнули от ее восприятия на месте события из-за возникшей суматохи. Интересно, будут ли там сведения о самочувствии их раненых преследователей, И – чего греха таить – ей хотелось прочесть о себе самой, и было интересно, как Джеффри изложит ее роль в этом деле.

Энни поразило до глубины души, что о ней в статье вообще ничего не оказалось, как будто не существовало никакого

молодого человека, которого она изображала! Вместо этого Джеффри создал художественно обработанную версию истории, представив себя в роли безрассудно храброго героя. И это при том, что он все время простоял спрятавшись в зарослях розовых кустов!

Если верить тому, что было набрано черным типографским шрифтом в «Пикайун», то скромный репортер Джеффри Уиклифф, рискуя собственной жизнью, предупредил Ренара о засаде. Он бросился навстречу бандитам без оружия, размахивая руками, и спас Ренара. Уклоняясь от свистящих пуль, он перехватил одного из охотников, который собирался броситься в погоню за Ренаром. Он сбросил его с коня и, повалив на землю, обезоружил, после чего негодяй скрылся в тени кладбища.

Если память не изменяла Энни, то в погоню за ними с Ренаром бросились как раз трое охотников. Так что по крайней мере эта часть истории Джеффри была враньем. Он мог бы напасть на одного из охотников, если бы их было хотя бы четверо. А это не так. Единоборство с негодяем оказалось всего лишь плодом его писательского воображения, способом урвать немного славы для себя самого.

– Итак, Джеффри, прошлая ночь оказалась еще более захватывающей, чем ты ожидал. – Она выдавила из себя ослепительную улыбку.

Джеффри наклонился вперед, сидя на стуле, и уперся локтями в колени, его прямоугольные, безупречно вычищенные

ногти матово переливались.

– Да уж, иначе и не скажешь! – широко заулыбался он, ожидая дальнейших похвал.

– Какой же ты герой! – нехотя отозвалась она, понимая, что выбора у нее нет. – Без твоего вмешательства Ренар мог погибнуть прошлой ночью. Ты должен гордиться собой.

Джеффри откинулся на спинку стула и положил ногу на ногу, опершись о правое колено левым локтем. Энни видела, как он расправил плечи и выкатил грудь колесом.

– Я не сделал ничего такого, чего бы не сделал любой порядочный человек в подобных обстоятельствах. Я не мог допустить, чтобы они схватили Ренара неожиданно, даже не дав ему возможности обороняться. К тому же я поддерживаю деятельность Ренара, поэтому не мог позволить, чтобы кучка алчных добровольцев убила его за презренное вознаграждение от властей.

– Насколько я знаю, вознаграждение не такое уж презренное, – заметила Энни, у которой уже начала ныть нижняя челюсть, так как слишком долго приходилось искусственно улыбаться. – А если эти люди ярые противники отмены рабства и искренне считают Ренара врагом общества на Юге, то почему бы им не попытаться схватить его и получить законное вознаграждение?

– Действительно, Джеффри. – Кэтрин поднялась с дивана. – Мужчины часто совершают бесчестные, неблагоприятные поступки, чтобы утвердиться в этом мире.

Энни бросила на тетку удивленный взгляд. Казалось, Кэтрин понимает, что Джеффри лжет о том, что случилось прошлой ночью. Но это было невозможно, потому что Энни не обмолвилась ни словом ей или Реджи о том, что произошло на самом деле. Они знали лишь то, что ее ранили, когда она с Ренаром спасалась от погони. Кэтрин могла узнать правду только от самого Ренара, и больше ни от кого. Но это невероятно.

– Ну, слава Богу, я не прибегаю к таким низменным способам заработать на жизнь, – радостно улыбнулся Джеффри. – Хотя не удивлюсь, если эта статья принесет мне солидную прибавку к жалованью и впредь больше места на первой полосе. – Он снова нагнулся вперед. Его озабоченное лицо излучало такое самодовольство, что Энни с трудом удерживалась от того, чтобы не дать ему пощечину. – Когда-нибудь я стану владельцем газеты, Энни. Запомни мои слова. – И добавил доверительно: – Все девушки Нового Орлеана будут увиваться за мной. Ты не станешь ревновать?

Энни стиснула руки, чтобы не дать им воли, и изобразила лукавую улыбку.

– Полагаю, что все девушки Нового Орлеана станут увиваться за тобой гораздо раньше, как только прочтут твою статью. Ты ведь герой, Джеффри, не так ли? Такой же герой, как и Ренар. – Она понимала, что он всегда ждал от нее именно этих слов.

Он рассмеялся, в его голосе, позе, манерах чувствовалась

маниакальная восторженность.

– Ты можешь в это поверить? – Его напор не ослабевал, потому что он хотел, чтобы им восхищались еще больше. – Ты веришь, что я действительно был там и мне посчастливилось стать частью удачной операции Ренара? Ведь это именно то, чего мы так давно и сильно хотели, Энни!

– Да, Джефффри, это действительно невероятно, – сказал Реджи, поднявшись со стула и медленно прохаживаясь по гостиной. По выражению его лица Энни не могла догадаться, о чем он думает. Он напустил на себя британскую чопорность, сквозь которую нельзя было пробиться и угадать его истинное душевное состояние. – Вот только непонятно, почему вы не хотите оставить нудную работу в редакции, где вам приходится сидеть за зарплату с девяти до пяти каждый день, и не начнете писать романы.

Смущение промелькнуло на лице Джефффри, но он быстро от него оправился.

– Романы – это вымысел, мистер Уэстон. Я предпочитаю драматические коллизии реальной жизни.

– У вас действительно есть склонность к драматическим сюжетам, мистер Уиклифф, – сказал Реджи, растянув губы в неубедительной улыбке. – Однако боюсь, что ваша проникновенная проза утомила мою племянницу, Я думаю, вам лучше уйти.

– Да, я очень устала. У меня болит голова, – с готовностью подхватила Энни.

Джефффри решил выразить запоздалое сочувствие:

– Да, твоя тетя что-то говорила мне. Ты упала и стукнулась головой о шкаф, или что-то в этом роде?

Энни тихо рассмеялась и потрогала повязку, частично скрытую выпущенными на лоб прядями волос.

– Да, я очень неуклюжая. Я стукнулась головой о туалетный столик.

Джефффри поднялся, вынужденный откланяться, поскольку Реджи слишком очевидно хотел от него избавиться. Он поклонился и, взяв Энни за руку, страстно сжал ее в своей ладони. Ее пальцы были ледяными настолько, что не могли воспринять тепло, излучаемое Джефффри. Он поразился их холодности и неподатливости и нервно рассмеялся:

– Похоже, справедливо говорят, что наиболее часты несчастные случаи в быту. Поразительно, я сражался с бандитами, и на мне не осталось ни одного шрама, а вы поранились, сидя спокойно дома. Только вообразите?

– Ну, мое воображение напряжено до предела, – мило, но с оттенком стальной натянутости в голосе отозвалась Кэтрин. Она поднялась, тем самым ускорив прощание Джефффри.

При виде обоих покровителей Энни, нетерпеливо обступивших его, Джефффри благоразумно ретировался.

– В таком случае до свидания, – сказал он Энни. – Надеюсь, незаметный шрам не мешает тебе прийти в театр. В пятницу у Тэйлоров состоится бал. Мы увидимся там?

– Я не знаю, Джефффри, – с сомнением отозвалась Энни и

взмахнула рукой на прощание. Она вправду не знала, станет ли показываться на людях в ближайшее время, но в одном была уверена наверняка: она не вынесет еще одного свидания наедине с Джефффри. Он утратил ее доверие. Их дружба окончена.

– Очень мило с вашей стороны, что вы зашли, Джефффри, – сказала Кэтрин, провожая его в холл.

Вскоре Энни услышала, как захлопнулась дверь, и тетя вернулась в гостиную. Пока она провожала Джефффри, Реджи неотступно был с Энни. Она все время чувствовала на себе его взгляд как нечто реально осязаемое. Кэтрин встала рядом с Реджи. Энни взглянула в лица своих обеспокоенных родственников, на которых отразилась тревога.

– Вы ведь знали, что он лжет, да? Поэтому пожалели меня и выставили его?

– Я сделал это с большим удовольствием, – сухо отозвался Реджи. – Я с самого начала мечтал о том, чтобы выкинуть его вон. Согласись, ты ведь разочаровалась в нем.

– Пожалуйста, не беспокойся обо мне, – ответила Энни. – Я переживу. – Сдерживая слезы, она улыбнулась. – Спасибо, дядя Реджи, за то, что ты не сказал: «Я ведь тебя предупредил».

– Моя дорогая девочка, неужели ты думаешь, что я способен на такое?

Энни опустила голову, чувствуя, что слезы подступили совсем близко и сдержать их она уже не может. Непорочной

белизны платок Реджи оказался у нее на коленях. Она увидела его сквозь пелену слез и поднесла к глазам.

– Я такая плакса, – вымолвила она, высмаркиваясь.

– Это ведь ты предупредила Ренара, не так ли? – спросила Кэтрин.

– Да, но я расстроилась не поэтому. Я расстроилась потому, что...

– Потому что Джефффри солгал, чтобы произвести впечатление на тебя, на читателей и чтобы выставить себя героем вроде Ренара. Амбиции стоили ему честности, – сказал Реджи.

– И готова поклясться, что и твоей дружбы также, – печально добавила тетя. – Я тоже обманулась. Я была о нем лучшего мнения.

– Теперь мне жаль, что я не вышла к Делакруа, как ты советовал. – Энни подняла на дядю заплаканные глаза.

– Почему, любовь моя?

– Потому что он в большей степени герой, чем Джефффри. Несмотря на то что он никудышный человек, в нем больше благородства, чем в Джефффри, правда?

Истинность этого заявления была настолько очевидна, что Реджи не стал отвечать. После некоторой паузы он просто сказал:

– Ты согласна с тем, что тебе следует провести дома следующие несколько дней и отказаться от визитов? Мы скажем, что ты простудилась или что-нибудь в этом роде. Тебе нужно

время, чтобы прийти в себя после всего этого дурачества. И будет лучше, если мы не станем рассказывать половине Нового Орлеана басню о том, что ты упала головой на стол. Я имею в виду, что объяснять твое ранение будет утомительно и не нужно. А через неделю ты сможешь появляться в обществе, наложив на рану косметику и спрятав ее под волосами, как Сара постаралась сделать сегодня. – Он радостно взглянул на нее, словно ему в голову пришла гениальная мысль. – Почему бы нам всем троим не залечь на дно на какое-то время? Мы можем провести это время наслаждаясь домашним уютom. Что касается меня, то я с удовольствием немного отдохну от общества. – С этими словами он взглянул, отчасти смущенно, на Кэтрин.

Кэтрин порозовела от радости. Ее глаза сияли. Очевидно, что идея провести с Реджи неделю не вселила в ее душу ужас, как это было бы месяц назад.

– Я с радостью сделаю небольшую передышку, – сказала она. – Но мне придется сделать одно исключение. Я не могу отказаться от визитов к мадам Тюссо. Я должна навестить ее в эту субботу, как обычно. Договорились?

– Договорились, – отозвался Реджи, стараясь не улыбаться слишком откровенно. Он обратился к Энни, поскольку она имела право голоса, как и все: – Энни?

– Договорились, – отозвалась она с улыбкой.

Она понимала, что ей тоже нужно время. Для того, чтобы переосмыслить все прежние пристрастия и мнения о людях,

об их действиях. Необходимо распутать смешанные образы героев и мерзавцев, понять, откуда берутся кольца с изумрудами и черные маски. Пришло время осознать те слова, которые шептал ей на ухо Ренар прошлой ночью, когда они занимались любовью.

Пора дать себе отчет в том, что это сумасшествие с Ренаром имеет серьезное значение в ее жизни, хотя для него, может быть, и нет. У нее отсутствуют какие-либо гарантии по поводу того, встретятся ли они еще когда-нибудь или нет, окажется ли она снова в его объятиях. Такую неуверенность было очень трудно вынести, особенно потому, что больше всего на свете ей хотелось снова ощутить руки Ренара на своих плечах.

* * *

Люсьена тянуло к дому Кэтрин как магнитом. Она передала ему сообщение через мадам Тюссо, что Реджи решил продержаться Энни дома несколько дней, но Люсьен мечтал о том, чтобы увидеть ее снова – хотя бы издали.

Поскольку подтвердились его предположения об утечке информации в организации, а его планы относительно полного краха Бодена были в стадии осуществления, Люсьен решил держаться подальше от Энни ради нее и себя самого. Но он не мог запретить себе бродить под ее окнами и ждать в тени деревьев, когда появится ее силуэт на фоне окна. И

она появлялась... дважды. И оба раза слишком на короткое мгновение, чтобы удовлетворить его желание видеть ее.

Ему показалось, что она выглядит тоскующей вечерами, перегибаясь через подоконник и жадно глотая прохладный ночной воздух. Он предполагал и надеялся, что она думает о нем. Или по крайней мере о Ренаре... Может быть, она хотела, чтобы он снова влез по дереву к ней в спальню и занялся с ней любовью под самым носом ее камеристки, дремлющей в соседней комнате? Он испытывал страшное искушение. Жесточайшее.

Однажды утром в состоянии полного душевного расстройства он проходил мимо ее дома. Он не ожидал возможности увидеть ее, просто его одолевало неумное стремление быть с ней рядом. Он был поражен, когда вдруг увидел, как она перешла через улицу с корзиной свежесрезанных цветов.

Их взгляды встретились, и они замерли в нерешительности. Он не знал, чем бы закончилась эта встреча, если бы неожиданно не появилась Кэтрин, которая взяла Энни под руку и увела ее в подъезд дома. Энни пыталась сопротивляться, стараясь объяснить Кэтрин, что там, на улице, осталось нечто невыясненное, недоговоренное.

Кэтрин обернулась к Люсьену и махнула ему рукой в знак того, что узнала, но не хочет приглашать его в дом.

– Вы не можете задержаться, чтобы поболтать, Делакруа? Как жаль! Отличное сегодня утро. До свидания.

Люсьен понял, что Кэтрин хочет удержать их с Энни вда-

ли друг от друга, и оценил ее заботу, хотя страстно желал обратного.

Он низко поклонился и послал Энни воздушный поцелуй в самой расхлябанной манере, на которую только способен Денди Делакура. Она обернулась и постаралась воспротивиться тете, но та упорно тащила ее в дом. Он улыбнулся и, приподняв шляпу, отправился восвояси, изображая полнейшую беспечность, хотя сердце в его груди стучало как отбойный молоток.

* * *

Энни не выходила из дома и не принимала гостей на протяжении полутора недель. Она получала множество писем с сожалениями, что не откликнулась на некоторые приглашения. Джефффри каждый вечер приходил и уходил ни с чем.

Энни нравилось временное уединение, но без Ренара она очень скучала. Она страдала без него больше всего по ночам, когда воспоминания об их любви становились особенно яркими. Однажды вечером, подойдя к окну, она почувствовала, что он снаружи наблюдает за ней. Она стала вглядываться в ночные тени, излучая призывные импульсы, но вдруг поймала себя на мысли, что это галлюцинации и он никогда не придет. Она решила, что у нее разыгралось воображение. Можно мечтать о Ренаре сколько угодно, но если он ее не любит, ничто и никто не вернет его.

Энни регулярно прочитывала все газеты, надеясь найти в них сообщение о нем, хотя бы полслова, но он, очевидно, решил пока активно не действовать. Зато слухов было хоть отбавляй, и Энни предполагала, что их источником является Джеффри. Ему и карты в руки, потому что после его статьи весь город превозносил его за храбрость и спасение Ренара. И не было способа разоблачить его, кроме как устроить ему встречу с самим Лисом. При этом его не могли привлечь к суду за содействие бандиту, потому что добровольцы не состояли на официальной службе у властей.

Энни предполагала, что Джеффри надоело добиваться возможности поговорить с ней о собственной популярности, и она надеялась, что он найдет других, более покладистых, женщин, которые станут с радостью слушать его похвальбу.

Энни видела Делакруа однажды, когда он проходил мимо ее дома. Тетя Кэтрин втащила ее внутрь, прежде чем они успели перемолвиться словом, что показалось Энни довольно странным. Но Кэтрин объяснила свое поведение тем, что не хочет ни для кого делать исключение, пока они снова не волюются в поток светской жизни.

Но что действительно было странным в их неожиданной встрече с Делакруа, так это реакция самой Энни. Когда она заметила его на тротуаре перед домом, то поразились тому, что сама была рада его видеть. Казалось, сердце готово было выскочить у нее из груди. Он выглядел как обычно элегантно в красновато-коричневом сюртуке и черных брюках, кольца

на его руках поблескивали в лучах утреннего солнца, но что-то в нем было особенное. Энни не почувствовала никакого отторжения или неприятия по отношению к нему, даже когда он послал ей воздушный поцелуй. Ей было приятно и даже захотелось ответить.

Теперь Энни убеждала себя, что она самая распутная женщина из всех, которые когда-либо ступали на землю. Как она может любить Ренара, если ее так сильно тянет к другому мужчине? Тем более что он наглец и скандалист.

Что касается Реджи и Кэтрин, то она никогда не видела их обоих более счастливыми. Они проводили время вдвоем, играя в карты, прогуливаясь по саду, срывая отцветшие бутоны с розовых кустов, читая друг другу стихи и рассказывая о путешествиях и вообще заботясь друг о друге, как голубки.

Как-то раз, когда они все вместе сидели в гостиной, Реджи тяжело вздохнул и со стуком отставил чашку с чаем.

– В чем дело, Реджинальд? – спросила Кэтрин.

– Вы знаете, что нам в конце концов придется расстаться с такой жизнью, – ответил он печально, обведя комнату тусклым взглядом, который наконец задержался на лице Кэтрин. – Этому миру и покою придет конец. Одна мысль об этом повергает меня в уныние.

– Да, вы правы, – отозвалась Кэтрин. – Мадам Тюссо сказала мне, что ходят слухи о том, что у нас в доме желтая лихорадка. Говорят, что в городе обнаружено несколько случаев.

– Господи! – воскликнул Реджи ошеломленно.

– Чтобы опровергнуть эти слухи, нам лучше появиться в обществе.

– Что ж, я готова, – решительно отозвалась Энни. – У меня было достаточно времени, чтобы разобраться с собой, да и рана моя почти незаметна.

– Отлично, – сказала Кэтрин. – Тогда поедem сегодня в оперу?

– Прекрасно, – поддержал ее Реджи. – Не могу представить себе более удачного способа, чтобы показаться в свете и прекратить все слухи. Мы будем сидеть в нашей семейной ложе, радостно улыбаться всем подряд, и никто не сможет сказать, что мы загибаемcя от лихорадки.

– Я думала, что лихорадкой болеют только летом, тетя Кэтрин.

– Конечно. Но в этом году выдалась очень мягкая осень. Такая погода продержится еще долго.

– Надеюсь, все напасти минуют нас, – сказал Реджи с жаром, со значением глядя на Энни. – Мне бы не хотелось, чтобы ты оказалась в постели с такой кошмарной болезнью. – Он повернулся к Кэтрин: – Или чтобы ты.

В этих простых словах было столько невысказанного чувства, что Кэтрин вынуждена была ответить:

– У меня не было лихорадки с тех пор, как я поселилась в Новом Орлеане. Говорят, что новички и люди слабые подвержены ей, но я думаю, что если человек упрямый, то ему

все нипочем. У меня слишком толстая кожа, чтобы ее могли прокусить зараженные москиты.

– Слава Богу! – торжественно заявил Реджи, поднеся чашку с чаем к губам. И вдруг, сделав глоток, отставил ее в сторону. – А что ты наденешь, Кэтрин?

– Надену когда, Реджинальд? Утром к завтраку? – рассмеялась Кэтрин.

– Нет. Сегодня вечером в театр. Может быть, фиолетовый шелк?

– По-твоему, он мне идет?

– Безусловно.

– Тогда я, разумеется, надену именно это платье, – ответила она, задумчиво опустив ресницы и поглаживая большим пальцем ручку чашки.

Энни улыбнулась самой себе. Она могла бы быть в этот момент мухой на столе, и все равно ее попечители не обратили бы на нее никакого внимания. Их мысли заняты друг другом. Было восхитительно наблюдать, как людей объединяет любовь. Радостно, но одновременно и мучительно. Будет ли она сама когда-нибудь счастлива?

* * *

Люсьен стоял в скромной гостиниой на Рампарт-стрит, сжимая шляпу в руке. Он был одет в традиционный вечерний костюм, белоснежную сорочку и серый жилет. Микаэла

стояла напротив, скрестив на груди руки и улыбаясь.

Люсьен чувствовал себя не в своей тарелке. В последнее время он вообще рядом с ней ощущал себя неловко.

– Ты пришел попрощаться? – спросила она, лучезарно глядя на него.

– Да, – смущенно ответил он, но не сводя с нее благодарного взгляда. – Ты ведь все понимаешь, Микаэла.

– Абсолютно, cher. Я давно ждала этого.

– Правда?

– У тебя другая женщина.

– В последнее время моя жизнь стала очень сложной, Микаэла, – нервно поежился он. – Я не могу позволить себе иметь отношения, которые отвлекали бы меня.

Микаэла ласково рассмеялась, подошла к нему ближе и погладила его по шелковому лацкану сюртука.

– Но мне так нравилось отвлекать тебя от сложностей жизни. Ты был прекрасным любовником. Надеюсь, ты не испортил...

– Не испортил тебя для твоего юного мускулистого кузнеца? Уверен, что нет. Когда два человека любят друг друга, прежний любовный опыт ничего не значит. Страсть превосходит опыт, а опыт приходит со временем.

– Твоя женщина... она счастливица, Люсьен.

Люсьен нахмурился, когда Микаэла заговорила о другой женщине в его жизни. Как она может быть настолько уверена в нем, когда сам он в себе не уверен? Роль Ренара еще

не была сыграна до конца, и он сомневался в том, не слишком ли поспешно отказывается от этого маскарада. Все ли он сделал, что мог? И что гораздо важнее, очистился ли он сам от той ненависти, которая поглощала все его существо начиная с того летнего дня двадцать лет назад, когда его заставили выпороть кнутом лучшего друга?

– Я буду молиться за тебя.

Слова Микаэлы вернули его к реальности. Он улыбнулся.

– Молись. Я не уверен, что сейчас небеса ко мне благосклонны. – Он достал из внутреннего кармана бумажный свиток, перевязанный шнурком. Это был документ на право владения домом. А внутри лежала пачка банкнот, достаточная, чтобы Микаэла и ее будущий муж могли положить начало своему состоянию.

Микаэла взяла свиток без малейшего смущения и спрятала его в кармане широкой юбки. Она догадалась, что это, и даже не взглянула на деньги, потому что не сомневалась в щедрости Люсьена.

– У нас были прекрасные отношения, Микаэла, настоящая дружба. Я помню времена, когда был без ума от тебя.

– Я рада это слышать, Люсьен, – лукаво улыбнулась она.

Он рассмеялся, потрепал ее по щеке и поцеловал в лоб:

– Храни тебя Бог, Микаэла, желаю тебе и твоему молодому супругу долгих счастливых лет жизни и кучу ребятишек.

– Тебе я желаю того же, cher, куда бы ты ни отправился, чем бы ни стал заниматься.

Люсьен почувствовал в ее прощальных словах оттенок плохо скрытого беспокойства. Она так много понимала, но он никогда не подозревал ее в том, что она может проговориться о своих догадках о Ренаре кому-нибудь. Она была замечательной женщиной во многих отношениях. Но она была не Энни. Энни единственная в своем роде, других таких нет.

Микаэла проводила его до двери. Он прошел до конца дорожки, что вела от крыльца до тротуара, остановился и помахал ей рукой. Ее хрупкий силуэт четко выделялся в дверном проеме на фоне свечи, которая горела позади нее в холле. Ее лица он не видел. Она помахала ему в ответ и закрыла дверь.

Люсьен сел в экипаж, и кучер немедленно пустил лошадей резвой рысью. Он ехал в театр на встречу с Боденом, где им предстояло вместе провести целый вечер в ложе Бодена, как и подобает лучшим друзьям. Сегодня он должен был заложить основу падения империи рабовладельца. Это будет последней акцией Ренара.

Хотя Люсьен ненавидел необходимость ежедневного приговора, он иногда задавался мыслью, не станет ли впоследствии скучать без отчаянных выходов Ренара. Когда маскарад будет закончен, не возненавидит ли он спокойную жизнь? Создан ли он для такой жизни? Ему предстояло разрешить еще много личных проблем.

Люсьен подумал о прощании с Микаэлой. Она всегда отличалась прагматизмом, поэтому сделала выяснение их иму-

щественных отношений легким и необременительным для обоих. Никаких слез и сожалений, только взаимные пожелания счастья и удачи.

Затем его мысли обратились к теме, занимавшей его более всего, – к Энни. Восторг предвкушения пронзил его сердце. Вдруг она будет сегодня в опере?

Глава 16

Энни испытывала непреодолимое желание поскорее вернуться домой. Опера Россини была великолепной, и певцы замечательные, но как только после первого акта упал занавес, к ним в ложу вошел Джеффри. Хуже всего то, что он, вероятно, решил остаться здесь до конца спектакля, не обращая внимания на необычно строгий прием со стороны Кэтрин и отсутствие приглашения присоединиться к ним. Однако прежде они были в таких тесных дружеских отношениях, что и гораздо более тонкий человек, чем Джеффри, не сразу понял бы, что перестал быть в фаворе.

Энни жалела его. Он рисковал, действуя слишком прямолинейно, и она понимала, откуда в нем берется эта напористость, почему он подпадает под влияние собственных амбиций. Ему приходилось в жизни бороться за все, что он теперь имеет. Разумеется, это не извиняет его стремления навязать свои принципы окружающим. Но люди часто ошибаются, и Энни надеялась, что Джеффри научится вести себя достойно.

А пока, однако, она с трудом выносила его восторженную похвальбу по поводу того, какую славу он снискал благодаря статье в «Пикайун». Подавляющее большинство театральных биноклей было направлено на их ложу. Отчасти потому, что Энни, Кэтрин и Реджи снова появились в обществе по-

сле почти недельного отсутствия, но и Джеффри был объектом особого любопытства публики. Он сиял от счастья, его мальчишеское лицо пылало гордостью и самодовольством. И еще он был настойчиво внимателен к Энни. Она не знала, как утихомирить его, не выходя за рамки вежливости.

От раздражения и невозможности справиться с ситуацией Энни разгорячилась. Она развернула веер – огромное сооружение из легчайших перьев, которое гармонировало с пышными складками ярко-красного шелкового лифа ее платья. Само платье цвета слоновой кости было из шерсти альпаки. Талия туго стянута, юбка изобиловала оборками.

Энни энергично обмахивалась веером, страдая от духоты и назойливости своего кавалера. Сара причесала ее таким образом, что шрама на лбу совсем не было видно. Мазь Армана творила настоящие чудеса. Энни не хотела думать об Армане, потому что мысли тут же обращались к Ренару, вызывая в душе смутное томление, а в теле плотские желания. Оставаясь глухой к краснобайству Джеффри, она лениво обводила взглядом сотни лиц, наполнявших театр.

Напротив выше ярусом была пустая ложа. И вдруг в какой-то момент ее заняли. Взгляд Энни задержался на фигурах двух мужчин, которые вошли в ложу во время антракта и удобно расположились в креслах. Это были Делакруа и Воден.

Делакруа, как всегда, выглядел превосходно. Энни вспомнила то утро, когда случайно столкнулась с ним на улице воз-

ле дома и почувствовала к нему странное влечение. Она давно уже не думала о своей тяге к этому человеку, но сегодня при виде Делакруа ее нервные окончания снова напряглись и вызвали прежнюю дрожь в теле, только десятикратно усиленную. Она пристально взгляделась в него, чтобы найти логическое объяснение тому непонятному влиянию, которое он оказывает на нее.

Он еще не успел поднять головы, усаживаясь в кресло, разворачиваясь к сцене и доставая из кармана бинокль. Его густые волосы отливали синевой в свете свечей. Ресницы отбрасывали тени на скулы, резкие и правильные черты лица несли отпечаток мужественности.

И вдруг он повернулся и посмотрел прямо на ложу Энни. Их глаза встретились, и сердце у нее в груди затрепетало. Они смотрели друг на друга несколько мгновений, после чего он отвернулся, шепнул что-то Бодену и вышел из ложи.

Энни сторала от нетерпения. Во рту у нее пересохло, руки дрожали. Она подсчитывала в уме, сколько времени потребуется Делакруа на то, чтобы обойти театр по фойе и появиться в их ложе. Она не сомневалась, что он идет к ней.

Она была очень этому рада. Ей давно хотелось обстоятельно и спокойно поблагодарить его за вмешательство в уличный инцидент и свое спасение, и теперь ей предоставлялась прекрасная возможность сделать это. Ведь не обязательно произносить какие-то слова, теплого взгляда и нежного рукопожатия будет достаточно, чтобы извиниться за то, что

она повела себя тогда как последняя дура. Энни пыталась убедить себя, что это единственная причина, по которой ей хочется увидеть высокую, сильную, элегантную фигуру Делакруа в тетиной ложе, но в глубине души она понимала, что обманывает себя. Ее сердце отплясывало зажигательную джигу совсем по другой причине. Возможно, эта причина прояснится, когда он окажется совсем близко...

Он вошел в ложу. Его задержали подруги Кэтрин, которые уже собирались уходить. Они были в летах, и Энни убедилась, что очарование Делакруа действует даже на тех дам, для которых романтические увлечения молодости давно остались в прошлом.

Энни смотрела на него. Его плечи... Она уже успела забыть, насколько они широки и как плотно облегает их сюртук парижского покроя. Она представляла себе, как обнимает его за плечи, запускает пальцы в его шелковистые волосы. Она представляла себе, как целует эти четко очерченные губы, прикасается к тонкой переносице, проводит кончиками пальцев по массивной челюсти.

В театре стоял несмолкаемый шум от оживленных разговоров, шелеста шелка и бархата, позвякивания дамских украшений, щелчков, с которыми раскрывались и закрывались их веера. Но для Энни вдруг наступила полная тишина. Она словно окаменела. Застыв на стуле как изваяние, она не могла отвести взгляда от Делакруа, и ее чувства жаждали большего. В глубине ее сердца зародилась маленькая болез-

ненная точка, которая росла и росла и наконец достигла таких размеров, что казалось, сердце разорвется на куски от боли.

Дамы наконец оставили Делакруа в покое, и он подошел к ней. Их глаза снова встретились. В выражении этих карих глаз было что-то... Под маской внешнего спокойствия бушевала буря. Под личиной светского равнодушия скрывался человек, способный испытывать настоящую страсть. Она почувствовала это мгновенно, потому что в ее собственных глазах отражалось то же самое. Сердце замерло у нее в груди. В голове все перемешалось. Она знала этого человека. Она знала его. Это мгновение своей жизни Энни запомнила навсегда.

Она знала его... Это был Ренар.

– Энни, ты проглотила язык?

Она услышала, как к ней обращается Реджи. Он придвинулся к ней совсем близко и заглядывал в лицо, стараясь привлечь ее внимание. Но ее взгляд был по-прежнему прикован к Делакруа. Пространство сжалось до незначительных размеров, а в центре оказался человек ее мечты... под маской светского хлыща!

Ей хотелось смеяться. Хотелось вскочить и броситься ему на шею. Перед Богом и людьми повалить этого мошенника на пол и задать ему трепку.

Эти мысли привели ее в восторг, но она не позволила ему отразиться на своем лице. Радостное открытие личности

своего героя, облегчение от сознания того, что она вовсе не легкомысленная, порочная женщина, которую влечет сразу к двум и таким разным мужчинам, как Ренар и Делакура, было омрачено осознанием того, что ее знание может быть опасным. Если она позволит кому-нибудь догадаться о том, что знает, жизнь Делакура будет в опасности.

Он принял свою обычную ленивую позу, изобразил на лице томную скуку и прищурил глаза. Но Энни видела, что он догадался об ее открытии. Его пронзительный взгляд проник ей в самую душу. Энни видела, что он пытается передать в своем взгляде всю силу своей страсти. Но вынужден сдерживать себя, как и она сама.

– Bonjour, мадемуазель, – сказал он и учтиво поцеловал ее руку в перчатке. Ее пронзила дрожь. С явным усилием Делакура заставил себя оторвать взгляд от ее лица и раскланяться с Джеффри, который ответил на приветствие с надменной холодностью.

– Bonjour, мистер Делакура, – сказала Энни.

Он не выпускал ее руку. Они одновременно поняли, что могут вызвать подозрения таким затянувшимся рукопожатием, и резко отстранились друг от друга. Энни попыталась завести непринужденную светскую беседу:

– Как вы... чувствуете себя сегодня?

– Прекрасно, а вы? – Он понизил голос, а его губы растянулись в лукавой улыбке. – Вы сегодня прекрасны, как никогда. Никогда прежде не видел такого сияния в ваших глазах.

Энни почувствовала, что краснеет от смущения. Он намекал на то, что сияние в ее глазах появилось после ночи их любви.

В их диалог вмешался Реджи, дружелюбно протянув Делакруа руку. То, что Реджи избрал эту чисто американскую манеру приветствия, свидетельствовало о его искреннем расположении к Делакруа. Энни понимала, что дядя очень благодарен ему за нее. Интересно, что бы он сказал, если бы узнал, что спасителем его племянницы был Ренар... ее любовник?

– Как хорошо, что вы заглянули к нам, мистер Делакруа, – сказал Реджи и еле заметно поморщился. По дороге в театр он жаловался на головную боль. – Я не был уверен, что вы заметите и правильно поймете мой знак.

Энни была разочарована. Значит, Реджи пригласил Делакруа зайти к ним в ложу; он пришел сюда не потому, что захотел увидеть ее. Она знала, что его влекло к ней и что он испытывает страстное желание обладать ею, но понятия не имела, намерен ли Ренар – или Делакруа? – сделать ее частью своей жизни. Он имеет возможность выбирать из множества женщин. Возможно, она для него всего лишь очередная любовная победа.

– Я не сразу понял, что вы имеете в виду... а когда догадался, то с радостью принял ваше приглашение.

– Я тоже очень рад, – улыбнулся Реджи, и Энни видела, что это стоило ему усилий. Вероятно, головная боль усили-

лась. – Должен признаться, я пригласил вас не для обычного визита вежливости. У меня ужасно разболелась голова, и, боюсь, мне придется уехать домой. Вы не могли бы...

– Реджинальд! – воскликнула Кэтрин. – Почему же ты молчал?!

– Я не хотел испортить вам вечер после того, как мы так долго никуда не выезжали. Но я не представляю, как смогу досидеть до конца спектакля, Кэтрин.

– Какая глупость! – Тревожная складка залегла у нее между бровей, и она сделала попытку подняться. – Разумеется, нам незачем оставаться до конца. Господи, Реджинальд, какая беспечность! Нужно было сразу сказать. Мы с Энни готовы немедленно вернуться домой.

Реджи положил руку ей на плечо и мягко заставил остаться на месте.

– И думать не хочу о том, чтобы увезти вас с такого восхитительного спектакля. Когда я увидел мистера Делакруа, то подумал, не сможет ли он...

– Как я могу помочь вам, месье? – тут же поинтересовался Делакруа.

– Вы могли бы проводить моих дам домой после спектакля. – Он нахмурился и потер ладонью лоб. – Впрочем, если вы сегодня в своем экипаже?

– К счастью, сегодня я как раз в своем экипаже. Но даже если бы это было иначе, я немедленно послал бы за ним, чтобы не лишиться себя счастья провести время в таком обво-

рожительном обществе.

– А почему вы не попросили меня отвезти домой Энни и Кэтрин, мистер Уэстон? – уважительно, но капризно поинтересовался Джеффри. – У меня нет своего экипажа, но я мог бы нанять кеб.

– Лакей тоже мог бы нанять им кеб, мистер Уиклифф, – ответил Реджи с обезоруживающей логикой. Джеффри открыл рот, чтобы возразить, но Реджи опередил его: – Да, я знаю, что вы тоже были бы счастливы проводить их. Но мне не хочется причинять вам неудобство. А мистер Делакруа зарекомендовал себя надежным человеком, и я ему полностью доверяю. – Когда Джеффри вспыхнул от обиды, Реджи понял, что, намекнув на отсутствие доверия к нему, допустил промах. – Простите, мистер Уиклифф, не обижайтесь. У меня раскалывается голова, и я плохо формулирую мысли.

– Но, Реджинальд, я не хочу оставаться до конца оперы, – настойчиво пыталась встать Кэтрин. – Нужно, чтобы кто-нибудь позаботился о тебе, когда ты доберешься домой.

Реджи усадил ее обратно, приняв твердое решение, и слабо улыбнулся ей:

– Мой преданный камердинер Джеймс обиделся бы на такое заявление. Кэтрин, мне действительно не хочется лишать тебя удовольствия посмотреть спектакль из-за моей легкой головной боли. Мне просто нужно выспаться. Завтра утром я буду чувствовать себя прекрасно.

– А мне не хочется оставаться здесь...

– Хоть раз, Кэтрин, не спорь со мной.

Просьба, выраженная в такой простой и краткой форме, дошла до ее сознания. Она взглянула в глаза Реджи, в которых отразились страдание и боль, и поняла, что, продолжая спорить, доставит ему лишь дополнительные мучения.

– Хорошо. Но я надеюсь, что Джеймс доложит мне о твоём самочувствии, когда мы вернемся домой.

– Договорились! – рассмеялся Реджи, морща лоб от боли. – Но уверяю тебя, ты слишком сильно беспокоишься по пустякам. Разве ты не за это всегда упрекала меня?

– Ладно, отправляйся домой, – резко ответила она, скрывая за грубостью тона непритворное волнение. – Нечего ждать, пока голова у тебя расколется на кусочки. Мистер Делакура доставит нас домой в лучшем виде, не так ли?

– Как и я мог бы это сделать, если бы мне дали шанс, – вставил Джеффри.

– Будьте спокойны, мистер Уэстон, – сказал Делакура. – Я позабочусь о ваших дамах. – С этими словами он бросил на Энни быстрый лукавый взгляд, в котором прочитывался скрытый смысл. Энни почувствовала, как пульс у нее участился.

– Тогда я откланяюсь, с вашего позволения, – с явным облегчением заявил Реджи. – Поскольку экипажи еще не выстроились в очередь у подъезда, я доберусь до дома очень быстро. Доброй ночи, Энни. – Он склонился и поцеловал ее в лоб. – Доброй ночи, мистер Уиклифф, – учтиво кивнул

он Джеффри, а Делакруа одарил приветливой улыбкой: – Я очень благодарен вам, сэр, и всего хорошего. – Он обернулся к Кэтрин, и казалось, ему хотелось ее тоже поцеловать на прощание, но он сдержался и просто сказал: – Доброй ночи, Кэтрин. – С этими словами он покинул ложу.

Как только дверь за ним закрылась, свет погас и поднялся занавес. Начался второй акт. Делакруа вернулся в ложу Бодена, но прежде заверил Кэтрин и Энни, что зайдет за ними после окончания спектакля. Во время отсутствия Делакруа Воден не скучал, в его ложе было полно народа, но Энни рассудила, что со стороны Делакруа было бы невежливо бросить его совсем.

Теперь, когда Энни знала, кто такой Делакруа, она понимала, каких усилий ему стоит поддерживать дружеские отношения с типами вроде Бодена. Ясно, что он разыгрывал на людях этот спектакль, чтобы создать себе образ удачливого рабовладельца. Он хотел, чтобы люди считали его одного поля ягодой с Боденом.

О... наверное, он задумал против Бодена какую-нибудь ужасную интригу.

При мысли об этом сердце у Энни сжалось от страха. Если хотя бы часть слухов, которые ходили о жестоком обращении Бодена со своими рабами, была правдой, у Ренара должно быть сильное стремление наказать его. Хотя это очень рискованно. Воден будет не менее жесток к тому, кто попытается отнять у него рабов, чем к самим рабам.

– Что Делакруа совершил такого героического, что заслужил полное доверие и неизбывную благодарность твоего дяди, Энни?

Губы Джеффри почти касались ее уха. Его слова говорили о том, что он чувствует себя обиженным. У Энни возникло желание оттолкнуть его, но она сдержалась и решила сообщить ему краткую версию правды:

– Пару недель назад я ходила на площадь Конго смотреть негритянские танцы.

– Ты никогда не рассказывала мне об этом! – укоризненно воскликнул он.

– Я постеснялась. На обратном пути я попала в неприятную ситуацию, и Делакруа спас меня.

– От чего? – недоверчиво поинтересовался он. – От чего этот хлыщ мог тебя спасти? От злобной маленькой собачонки, которую он отогнал своей тростью?

– Нет, – ответила она, не отводя взгляда со сцены. – От довольно крупного мужчины, который пытался... соблазнить меня. Делакруа оглушил его ударом кулака в лицо.

– Я в это не верю! – после паузы взорвался Джеффри. – Ты уверена, что мы говорим об одном и том же человеке? О Делакруа?

– Да, об одном, – ответила она, стараясь, чтобы ее голос прозвучал равнодушно. – А теперь, если ты не против, Джеффри, мне хотелось бы послушать...

– Боже, ты говоришь так, как будто без памяти влюблена

в этого парня! – Краем глаза Энни видела, как он скрестил руки на груди и насупился, как обиженный ребенок.

– Да, он мне нравится. – Она не удержалась от того, чтобы не подразнить его немного.

– Он рабовладелец, Энни! Легкомысленный тип, бесхребетный и ядовитый, как змея.

– Он не так уж плох, если познакомиться с ним поближе. Кроме того, некоторые змеи выглядят отвратительно, но вполне безобидны, зато другие с виду безобидны, а по сути отвратительны. Внешность бывает обманчивой. – С этими словами она поднесла к глазам бинокль и подалась вперед, делая вид, что живо интересуется спектаклем и хочет, чтобы ее оставили в покое.

Она чувствовала, что Джеффри пристально смотрит на нее в полумраке. Наверное, он теряет в догадках, почему она вдруг стала такой чужой и холодной, когда еще так недавно была с ним ласкова и дружелюбна. Он погрузился в размышления, и Энни это вполне устраивало. Ей самой нужно было подумать, осмыслить переживания сегодняшнего вечера и выстроить их в логическую цепь. Это казалось невероятным, но Делакура и Ренар действительно одно и то же лицо!

Неудивительно, что Ренар избрал для прикрытия в обществе образ диаметрально противоположного себе человека. Никто не заподозрил бы Денди Делакура в том, что он способен рисковать жизнью, чтобы спасти горстку рабов. Энни

не понимала, как могла так долго не замечать сходства между этими двумя образами. Однако ретроспективно все всегда кажется проще.

Во время следующего антракта Джеффри отклонялся, демонстрируя, что зол и обуян ревностью. Джеффри выдумал историю с участием Ренара, которая принесла ему славу героя. Энни улыбнулась, представив себе, как был бы он взбешен, если бы узнал, что Ренар и Делакура одно и то же лицо.

Кэтрин беспокойно вертелась и тяжело вздыхала в течение всего спектакля, поэтому ей удалось увидеть и услышать не больше, чем Энни. Их удовольствие от оперы было сведено к нулю посторонними мыслями и волнениями. Кэтрин не терпелось вернуться домой, к Реджи, а Энни предвкушала поездку домой в экипаже с Делакура. Это обещало быть радостным, но тяжелым испытанием. Он будет так близко, совсем рядом, но одновременно бесконечно далеко.

Она бросила взгляд на ложу Бодена, но в ней было темно, и Делакура она не увидела. С тяжелым вздохом она подумала о том, наступит ли когда-нибудь такой момент, когда она сможет увидеть его при свете дня, не таясь открыть ему сердце, разделить его мысли и чувства. С этого момента ни о чем другом молить Бога она уже не могла.

* * *

Люсьен понимал, что должен закончить свои дела с Боден-

ном, но, вернувшись к нему в ложу и сев на свое место, не переставал думать об Энни. Он хорошо запомнил ее взгляд, когда она догадалась, что он Ренар. На ее лице, разумеется, отразилось изумление, но не испуганное недоверие, чего сильнее всего опасался Люсьен. Энни оказалась достаточно сообразительной, чтобы понять, что Делакура всего лишь часть его маскарада, очередная маска. Хотя в таком случае она должна была понять, что никогда не видела и не знает человека, который скрывается под этими двумя личинами. Люсьен вынужден был признаться себе, что и сам плохо понимает, что он за человек.

Стоять рядом с Энни, держать ее руку и целовать пахнущую духами перчатку было нестерпимой мукой. Он беспрестанно мечтал о ней уже много дней, но даже бесценные, яркие воспоминания об их ночи не смогли подготовить его к реальности, к тому моменту, когда их руки соприкоснутся. Он хотел ее все сильнее.

В его мозгу невольно начал складываться план, как заставить ее сегодня ночью одну; голова разрывалась от мыслей о том, как он будет целовать ее, сжимать в своих объятиях, заниматься с ней любовью...

Люсьен вздохнул и провел дрожащей рукой по лбу. В том-то и проблема. Общение с Энни было для него недопустимой роскошью, пока он не закончит дела Ренара. Черт побери, он слишком далеко зашел, чтобы бросить все и повернуть назад! Он должен увидаться с Энни. Она ему нужна.

Люсьен стиснул зубы и пообещал себе, что останется с ней, как только это будет возможно, а пока необходимо заняться делами.

– У меня есть к тебе одно предложение, Боден, – сказал он, не отводя взгляда от сцены.

Он почувствовал, как Боден заерзал на стуле. Делакруа разбудил его, задремавшего во время затянувшейся арии.

– Какое предложение? – глухо спросил он и смачно зевнул, даже не удосужившись прикрыть рот рукой. – Если речь о деньгах, которые я выиграл у тебя вчера, то не возьму ничего, кроме наличных.

– Ты знаешь, я всегда плачу долги, – с оттенком обиды в голосе сказал Делакруа. – Деньги у меня с собой, и я собирался отдать их тебе после спектакля.

– Тогда в чем проблема? Что за предложение?

– Мы ведь друзья. Я подумал, что мог бы придумать для тебя кое-что поинтереснее. Я ведь знаю твои вкусы. Может быть, ты предпочитаешь теплое женское тело холодным деньгам?

– Я могу заполучить любое тело, какое захочу, – усмехнулся Боден. – Если не у себя в поместье, так в борделе Сэди.

– Ты же сам говорил, что не любишь платить за это.

– Я и не плачу, если, конечно, Сэди не раздобудет девственницу. Девственницы стоят того, чтобы за них платить.

– Именно так я и подумал. Так сколько ты готов заплатить за девственницу, Боден? – Люсьен обернулся к нему.

Ему удалось заинтересовать Бодена, в тусклых глазах которого вдруг вспыхнула похотливая алчность.

– Ты предлагаешь мне вместо денег, которые должен, девственницу?

– Точно.

– А откуда мне знать, что она стоит этих денег? – Он сладоострастно облизнулся. – Прежде чем я соглашусь на твоё предложение, мне нужно посмотреть на неё.

– Я не собираюсь подписывать с тобой контракт, Боден! – рассмеялся Люсьен. – Речь идет всего лишь об одной ночи любовных утех, не так ли?

– Я хочу получить за свои деньги хороший товар. Ты должен мне приличную сумму. Никогда прежде ты не торговался так упорно.

– Ты не можешь её увидеть, Боден. Её привезут в Бокаж только завтра утром.

– Привезут? Значит, она рабыня?

– Да.

– Сколько ей лет?

– Достаточно для менструации. Я знаю, что тебе нравятся совсем молоденькие.

– А какая она из себя?

– Гибкая, как тростинка, но с прекрасными грудями. Кожа цвета кофе с молоком, лицо овальное, нос прямой, губы полные и сочные. – Люсьен стряхнул с рукава сюртука пушинку. – Я уверен, она тебе понравится.

Боден сглотнул и спросил с подозрением:

– Если она так хороша, почему ты не возьмешь ее себе?

– Ты же знаешь, у меня есть любовница. Кроме того, мне в постели не нравятся дети. И вообще, мы сейчас обсуждаем не мои сексуальные вкусы, а твои. Я предлагаю тебе настоящее сокровище, но если тебя это не интересует...

– Черт побери, Делакруа! – Боден попался на удочку. – Ты прекрасно знаешь, что да, интересует. Но будет лучше, если она действительно окажется такой, как ты описал ее. А не то я потребую вдобавок возмещения полной суммы карточного долга. Ты меня понял?

– Разумеется. Но я не волнуюсь, потому что ты останешься доволен. Она просто чудо. – Люсьен отвернулся и стал смотреть на сцену в бинокль.

– И когда же? Когда я смогу ее получить? – Боден был вне себя от равнодушия Делакруа.

– Завтра вечером. В Роуздаун будет бал...

– И что?

– Встретимся там. Роуздаун находится по соседству с Бокажем. После ужина я отвезу тебя в Бокаж и провожу в нужный домик. В это время рабы крепко спят. Я, конечно, поселю девочку отдельно, но мне бы не хотелось огласки. Рабы начинают бунтовать, когда насилуют девочек.

– Мне не нравится это слово.

– Не знал, что ты так щепетильно относишься к своей лексике. – Люсьен с улыбкой опустил бинокль.

– Мне наплевать на то, что ты знал, а чего нет. Постарайся не разочаровать меня завтра ночью, а не то потом сильно пожалеешь. Понятно?

– Да.

Театр взорвался аплодисментами. Актеры раскланивались, занавес поднимали несколько раз. Боден ушел не прощаясь. Люсьен дождался, пока зажгли светильники, поднялся, отряхнул рукава и фалды сюртука так энергично, словно хотел избавиться от следов присутствия Бодена. Он чувствовал себя запачканным. В горле саднило от спертого воздуха, хотелось поскорее выйти из ложи, бежать к той, которую он желал больше всего на свете.

При мысли об Энни он невольно улыбнулся, его сердце от нетерпения забилось сильнее. Совсем скоро они окажутся вместе в экипаже. Он надеялся, что ей потребуется больше времени на то, чтобы догадаться, кто он, однако после ее сегодняшнего взгляда сомнений у Люсьена не осталось – она знает, что он Ренар.

Значит, она могла быть уверена не только в этом, но и в его чувствах к ней. Люсьен широкими шагами приближался к ложе Кэтрин. А если так, то позволит ли ему Кэтрин ненадолго остаться наедине с Энни? Он никогда не занимался любовью в экипаже, и от такой соблазнительной мысли сердце забилось еще чаще. Он с трудом сдерживался, чтобы не броситься бегом к их ложе.

Глава 17

Хотя экипаж не отличался по размеру от всех прочих транспортных средств этого типа, Энни он показался крохотным. Кроме того, везде в тесном пространстве, включая самые дальние уголки, ощущалось присутствие Делакруа, и его близость с каждой минутой становилась для нее все более невыносимой. Ее пышные юбки и юбки Кэтрин заняли весь проход между сиденьями, и Делакруа пришлось сидеть наклонив колени в сторону. В экипаже горел тусклый фонарь, и Энни несколько раз украдкой взглянула на его невероятно длинные ноги.

Поездка до Притания-стрит оказалась долгой, потому что они попали в длинную вереницу экипажей, развозивших зрителей из оперы, однако рано или поздно они доберутся до Гриммс-хаус, и неизбежность этого удручала Энни.

Им так много нужно было сказать друг другу, столько вопросов хотела задать ему Энни! Но в присутствии Кэтрин поговорить свободно они не могли. Но больше всего Энни хотелось прикоснуться к Делакруа. Труднее всего было удержаться и не трогать его, когда он так близко.

Кэтрин, как назло, не скрашивала напряженную ситуацию своей обычной болтовней. Она была рассеянна, потому что беспокоилась о Реджи. Казалось, ей было совершенно все равно, кто сидит с ней в экипаже; она всю дорогу смотрела в

окно и считала фонарные столбы до самого дома.

– Вам понравилась опера, мадемуазель Уэстон?

Энни с удивлением отметила, что Делакура сменил свой обычный лениво-протяжный тон. Его чистый, мелодичный голос возбуждал ее. Он говорил как Ренар. Сердце забилося у нее в груди быстрее, а кровь забурлила в жилах. Она бросила взгляд на тетю, но та была слишком погружена в свои мысли, чтобы заметить перемену в голосе Делакура. И все же Энни решила, что он рискует неоправданно, отходя от принятой роли. Кэтрин была совсем не глупа.

– Мне нравится Россини, – ответила Энни после паузы, невольно принимая игру Делакура и тоже меняя модуляции голоса. – Но сегодняшней спектакль был просто великолепен. В жизни не испытывала ничего восхитительнее.

– Правда? – Он удивленно приподнял бровь. – Неужели вы действительно никогда в жизни не испытывали... ничего восхитительнее?

Она покраснела. Ей не хотелось бы, чтобы он так откровенно двусмысленно понял ее слова.

– Я говорю о театральных постановках, сэра, – притворно-застенчиво ответила она. Его глаза дьявольски сверкали в свете фонаря. – Надеюсь, сэра, вы не сочтете меня слишком навязчивой... – начала она, стремясь нарушить воцарившееся молчание.

– Вас? Навязчивой? – Он изобразил изумление.

– Я просто хотела узнать, не станете ли вы возражать, ес-

ли я буду называть вас по имени. – Она попыталась противостоять его лукавой улыбке, но тщетно.

Покосившись на отрешенную Кэтрин, он взглянул Энни в глаза, доверительно придвинулся к ней ближе, и у Энни перехватило дыхание. От него веяло чистотой, энергичной мужественностью. Как тогда в хижине. Во рту у нее пересохло, а желудок сжался в комок.

– Вы полагаете для себя возможным называть меня по имени, мадемуазель Уэстон? Ведь это придает отношениям... некоторую доверительность, не так ли?

Энни нервно облизнула пересохшие губы. Он смотрел на нее с жадностью. Но его пристальный взгляд не помешал ей сохранить невозмутимость.

– Мы с вами друзья, мистер Делакура. – Она смело взглянула на него и лукаво улыбнулась в ответ. – Не так ли?

Он откинулся на спинку сиденья, по его чеканным чертам попеременно пробегали пятна света и тени. На губах застыла еле заметная улыбка.

– Да, мы с вами лучшие друзья. Я ведь спас вас от соблазнителя, правда? – иронично осведомился он.

Он ждал ответа с невозмутимым спокойствием. Энни была вынуждена признать, что он умеет обращаться с женщинами и что способен довести ее до умопомрачения, прежде чем дать ей то, что она хочет. Разве он не доказал это в хижине? Но пауза затянулась, и Энни решила, что ни за что не заговорит первой.

– Пожалуйста, называйте меня Люсьеном, – сказал он.

– Люсьен, – повторила она, смакуя языком его имя, как тающий шоколад. Ей всегда оно нравилось, даже когда она считала его владельца бездельником и шалопаем. И вдруг она испугалась, что может показаться слишком одурманенной присутствием Люсьена, поэтому бросила взгляд на Кэтрин. На этот раз тетя обратила внимание на них и вопросительно взглянула сначала на Люсьена, потом на Энни.

Люсьен, который всегда был готов снова войти в роль, сидел со спокойно невинным видом. Энни хотелось владеть собой так же. Она старалась изо всех сил и была вознаграждена за старания тем, что Кэтрин вскоре успокоилась. Но только на минуту. Взгляд Кэтрин тут же сменился другим, озабоченным. Она перешла прямо к делу:

– Меня тревожит самочувствие твоего дяди.

– Я знаю, тетя Кэтрин. Я тоже беспокоюсь. Но думаю, что у него просто немного разболелась голова.

– Ты же знаешь, как он заботится о нас... о тебе. Он никогда не оставил бы нас одних на публике.

– Он и сегодня не оставил бы, если бы не был уверен, что мистер Делакура проводит нас домой. Дядя готов был просидеть весь вечер с нами, хотя голова у него раскалывалась от боли.

– Я знаю. – Лицо Кэтрин смягчилось от нежности. Она укоризненно вздохнула: – Какая глупая беспечность!

Энни посмотрела в окно. Они сворачивали на свою улицу.

Ради тети она постаралась придать своему голосу радостное нетерпение:

– Мы почти дома. Меньше чем через пять минут мы будем дома и узнаем у Джеймса, как дядя себя чувствует. Может быть, головная боль у него вообще прошла, и он сам ждет нас.

Это предположение воодушевило Кэтрин. Она немедленно подхватила юбки и приготовилась выпрыгнуть из экипажа прежде, чем лошади полностью остановятся. Энни обратила внимание на Люсьена. Она ожидала увидеть на его лице разочарование, сожаление о том, что их близкое общение скоро закончится. Он же держался невозмутимо и хладнокровно. Его карие глаза сверкали, как угли, и в них отражался... какой-то непонятный замысел. Каковы его намерения?

Экипаж мягко затормозил. Не дожидаясь, пока лакей откроет дверцу, Кэтрин нетерпеливо потянулась к ручке. Люсьен опередил ее, открыл дверцу и, спрыгнув на землю, протянул руку Кэтрин. Она оперлась на его руку и вышла, но когда она собиралась пройти мимо, Люсьен задержал ее. Он притянул ее к себе и стал что-то быстро говорить ей на ухо. Кэтрин слушала его несколько секунд, после чего отрицательно покачала головой и, приподнявшись на цыпочки, что-то шепнула в ответ. Когда она сделала попытку отойти, он снова удержал ее и опять начал что-то с жаром шептать ей. Судя по тому, как держалась Кэтрин, ей не нравилось или она не соглашалась с тем, что говорил Люсьен.

Энни заинтриговал этот странный диалог. Интересно, о чем они спорят? В конце концов, вести тайные переговоры в присутствии третьего лица просто неприлично! Но они продолжали их до тех пор, пока плечи Кэтрин не обмякли и она не согласилась с Люсьеном.

Затем она не оглядываясь направилась к входной двери. Люсьен не обратил внимания на то, что Энни протянула ему руку, ища поддержки, и обратился к кучеру:

– Поезжай по Ривер-роуд, пока я не стукну три раза, а потом возвращайся сюда медленно. – С этими словами он вскочил в экипаж, захлопнул за собой дверцу и опустил кожаные шторы на окнах, так что они с Энни оказались в совершенно интимной обстановке. Затем он откинулся на сиденье и лукаво улыбнулся. – Не говори ничего, *cherie*, – посоветовал он ей.

– Ты меня похищаешь? – спросила она, потрясенная тем, что только что произошло.

– К сожалению, только ненадолго.

– Что ты сказал моей тете, что она согласилась отпустить меня с тобой?

– Уговорить ее было непросто. Она сердится на меня.

– Это очень... – Она нервно рассмеялась.

– Неприлично? – Он скрестил на груди руки и усмехнулся, как сатир.

– Если Реджи узнает... – Веер выпал у нее из рук на пол.

– Реджи скорее всего уже крепко спит. Джеймс наверняка

дал ему снотворное.

– Но если он не спит и ждет нас...

– Вряд ли. Но даже если и так, то Кэтрин сумеет рассказать ему правду.

– Правду? Но... – Энни изумленно склонилась вперед.

– Твоя тетя знает о нас все.

– Она знает, что мы... занимались любовью?

– Да.

– Она знает, кто ты?

– Да.

– Но... но откуда?

Люсьен дотянулся до нее и погладил по щеке кончиками пальцев. Энни почувствовала, как по спине у нее пробежала дрожь.

– Твоя тетя с самого начала знала, что Денди Делакруа и Ренар – один и тот же человек. Более того, она часто помогала мне готовить операции и является частью моей организации. Ты никогда не задумывалась о том, почему Кэтрин регулярно навещает некую мадам Тюссо? И почему они встречаются всегда наедине? Она ведь ездит к ней одна.

– Я думала, что это связано с благотворительностью или с долгой дружбой, которую ни с кем не хочется делить.

– Мадам Тюссо – кузина Армана.

– О!

– Иногда мы все встречаемся у нее. Чаще просто передаем информацию. Твоя тетя очень помогает мне и моему делу.

Как-нибудь попроси ее рассказать о том, что она делает. Она великолепный стратег и умеет оказать моральную поддержку. Короче говоря, она смелая и умная женщина.

Сумочка соскользнула с колен Энни и упала на пол возле веера, а она откинулась на спинку сиденья. Люсьен поднял ее вещи и положил рядом.

– Господи! – изумленно произнесла Энни. – Это слишком много для одного вечера. Сначала узнать, что ты ведешь двойную жизнь и совмещаешь в себе двоих – одного, которого я ненавижу и презираю, и другого, которого люблю и которым восхищаюсь. А теперь я узнаю, что моя тетя в твоей организации!

– Но ведь ты никогда по-настоящему не ненавидела Денди, не так ли? – спросил Люсьен. – Скажи мне правду, милая Энни.

– Нет. – Она покачала головой со смущенной улыбкой. – Я считала себя очень порочной, поскольку меня тянуло к нему. К тебе. Каким облегчением для меня было узнать, что я страстно желаю одного мужчину!

– Страстно желаешь? – Его глаза полыхнули обжигающим блеском обсидиана, который только что вытащили из груды вулканической породы, исторгнутой из жерла вулкана на поверхность земли. Власть, которой он обладал над ней, пугала Энни, но одновременно притягивала. Он взял ее руку и начал медленно расстегивать пуговицы на ее перчатке от локтя к запястью.

– Что ты делаешь? – спросила она, вырывая руку. Даже этот невинный флирт, который мог бы привести к полному соблазнению, возбудил Энни до такой степени, что она почувствовала жар в лоне. Но она не могла допустить, чтобы Люсьен так быстро добился своего. Она рассердилась и хотела получить ответы на свои вопросы.

– Я снимаю с тебя перчатки, *cherie*, – удивился Люсьен.

– Я понимаю... но не думаю, что это хорошая идея.

– А по-моему, великолепная, – улыбнулся он. – И это только начало.

– Где ты был почти полторы недели? – требовательно приподняла бровь Энни. – Я чуть с ума не сошла от беспокойства.

Люсьен снова потянулся к ее руке, она снова убрала ее. Он удивленно улыбнулся и поджал губы.

– Энни, не сердись. Я не мог прийти к тебе. Это слишком опасно.

– Я не знаю, что мне думать. – Энни распрямила плечи и приподняла подбородок. – Ты был прав тогда в хижине, когда сказал, что я не знаю тебя. Я схожу с ума от того, что ты заставляешь меня забыть саму себя.

– А я просто схожу с ума от тебя. – Он склонился вперед и, не прикасаясь к ней руками, поцеловал в ямочку за ухом.

Энни почувствовала, что тает, тепло его губ было равносильно райскому блаженству.

– Ты наглец, который привык к тому, что женщин тянет к

тебе, как мух на сладкое.

– Твои губы слаще меда. Боже, какая сладость! – Его руки медленно скользнули по ее плечам вниз. Она чувствовала, что покрывается гусиной кожей от его прикосновений. Он приподнял за подбородок ее лицо и нежно поцеловал в губы.

– Ты негодяй, – простонала она.

– Негодяй, у которого есть очень важное дело.

– Какое?

– Расстегнуть эти чертовы пуговицы, – ответил он.

Ошеломленная и возбужденная его словами, она перестала сопротивляться и молча наблюдала, как умело он обращается с ее перчаткой. Ей пришло в голову, что он раздевал очень многих женщин, поэтому легко с этим справляется. От этой мысли Энни напряглась. Затем в ее мозгу невольно возник образ его любовницы. Он уже снял с нее обе перчатки и целовал запястья. Неожиданно она отняла руку.

– *Cherie*, что не так на этот раз? – искренне удивился Люсьен. – Или ты стесняешься? – насмешливо предположил он.

– У тебя есть любовница. – Энни отвернулась, прикусив губу.

– У меня была любовница. Теперь нет, – вздохнул он и снова заставил ее посмотреть ему в лицо.

– Это правда? – У Энни защемило сердце.

– Да, с тех пор, как я впервые поцеловал тебя, *cherie*. По сравнению с тобой блекнет любая, самая страстная женщина. – Он улыбнулся, насмешливо глядя ей в глаза. – Та ночь

в хижине... я никогда в жизни не испытывал ничего восхитительнее.

Энни почувствовала, что ее щеки пылают от радости.

– Люсьен, как ты можешь так беззастенчиво лгать? Она умеет доставить мужчине удовольствие, а я...

– Ты самая прекрасная, страстная и желанная из всех, которых я знал, – с чувством произнес он, взяв ее руки в свои. – Я почувствовал это уже тогда, когда впервые увидел тебя на борту «Бельведера». Я полюбил тебя гораздо раньше, чем узнал твое имя.

Она недоверчиво покачала головой, покраснев до корней волос. Внутренний голос не давал ей покоя: он говорит только о желании и никогда о любви. Энни отвернулась.

– Cherie, ты больше не хочешь меня? Теперь, когда я просто Люсьен, ты утратила ко мне интерес?

Она не могла допустить, чтобы он так подумал, поэтому ласково погладила его по щеке.

– Ты не можешь быть просто Люсьеном. Ты великолепен, ты необычный человек, если можешь рисковать жизнью ради другого.

– Но мне хочется быть самим собой. Я не намерен продолжать этот маскарад до бесконечности, – с чувством отозвался он. – Но сначала...

– Сначала ты хочешь разобраться с Боденом.

– Откуда ты знаешь? – изумился он.

– Ты не можешь оставить безнаказанным самого жестоко-

го и бесчеловечного рабовладельца в округе. Бодена нужно остановить, и ты это понимаешь. Как ты собираешься сделать это, Люсьен?

– Это мое дело. Я не хочу подвергать тебя малейшей опасности, посвящая в свои планы. – Он прикоснулся к еле заметному шраму на ее лбу.

– Но, Люсьен, я хочу...

– Тш-ш, *ma petite*. – Он приложил ей палец к губам, чем заставил замолчать. – У нас сегодня очень мало времени, и я не могу вести разговоры о Бодене. Я хочу потратить его на любовь.

– Здесь... в экипаже? – Она задрожала, но не от страха.

– Энни, похоже, ты не веришь, что это возможно! – рассмеялся он. – Послушай, все в наших силах, если очень хочется. Иногда самые неожиданные обстоятельства доставляют изысканное наслаждение.

Энни не заставила долго уговаривать себя, обняла его за шею, отбросив все сомнения и волнения. Возможно, она никогда больше не увидит Люсьена, но сейчас получит все, что хочет, и выяснит, любит ли он ее... Она страстно прижалась губами к его губам.

Он застонал и прижал ее к груди изо всех сил, зарывшись лицом в ее волосы.

– Энни, я никогда не предполагал, что могу так сильно желать женщину. Господи, я с ума схожу по тебе! – Его губы скользнули от ее уха вниз по шее, оставив на коже горячий

след.

Она подставила лицо его жадным поцелуям. Его руки ласкали ее спину. Их поцелуи становились все более требовательными, настойчивыми. Она утратила последнюю связь с реальностью.

Она придвинулась к нему ближе и почти уселась ему на колени.

– Юбка! – пожаловалась она, схватившись за него, чтобы не упасть на пол. Никогда прежде современная мода не досаждала ей в такой степени. Бесконечные ярды дорогой материи мешали заняться любовью!

Люсьен рассмеялся и, схватив ее за запястье, прочно усадил себе на колени.

– Не волнуйся, *cherie*. Я не дам тебе упасть. А что касается этой кружевной преграды... – Он одним движением стянул ее с Энни, так что между его членом и ее бедрами не осталось почти никаких барьеров. Юбка свисала по обе стороны ее ног, как раскрывшийся розовый бутон. – Повернись, не вставая, ко мне лицом, – приказал он глухим голосом.

Энни раскрыла глаза от немого изумления, но беспрекословно подчинилась. Теперь их лица совсем сблизились. Их не разделяла ни маска, ни кромешная темнота, которые могли скрыть его черты или желание в его глазах. Она положила руки на его грудь, и они поцеловались.

Она почти забыла, в какой неописуемый восторг Люсьен приводит ее своими поцелуями. Их языки встречались, пе-

реплетались, ласкали друг друга. Она целовала его подбородок, начинающий зарастать щетиной.

Он поцеловал ее в ключицу, затем провел языком от шеи к груди, которая утопала в кружевах корсажа. Его руки скользнули от талии вверх, и ее грудь оказалась сжатой его сильными ладонями. Энни инстинктивно подалась ему навстречу. Когда он прикоснулся к ее соскам, она невольно застонала от наслаждения.

– Люсьен, я хочу... хочу...

– Скажи, что ты хочешь, Энни, скажи. – Он склонился и уткнулся лицом в ее корсаж.

Она ворошила его волосы, ласкала сильную шею и плечи, чувствуя, как в ней зреет напряжение.

– Это нескромно, – отозвалась она то ли смущенно, то ли игриво.

– Между любовниками ничто не может считаться нескромным.

– Я хочу лежать обнаженной рядом с тобой и чувствовать тебя всем телом и еще увидеть тебя при свете. Всего.

– Ты будешь довольна, если увидишь сегодня только часть меня? – спросил он ласково. – Если экипаж остановят по какой-то причине, я не хочу, чтобы любопытные зеваки застали тебя обнаженной. В любом случае сегодня мы оба получим больше, чем тогда, в хижине, в нашу первую ночь.

– И больше, чем я мечтала, когда выходила сегодня вечером из дома, – согласилась она. – Только я хочу погладить

твою грудь. Можно я расстегну твою рубашку, Люсьен?

Она оттолкнула его руки, когда он начал расстегивать свой жилет и рубашку. Ей хотелось раздеть его самой, получая от этого удовольствие. Люсьен терпеливо ждал, пока она справится с пуговицами.

Она чувствовала, что он напряженно следит за ее руками. Он ласкал ее грудь снизу, но не прикасался к соскам, как раньше. Его еще больше распяляла эта любовная игра. Энни торопилась, ругая себя за неловкость.

Наконец она смогла запустить руки ему под рубашку. Его грудь была мускулистой и чуть заросшей жесткими волосами. Ее ладони пылали от соприкосновения с его кожей, рассылая импульсы по всему телу. Его соски оказались маленькими, твердыми, цвета бургундского вина. Она склонилась и прикоснулась кончиком языка к одному из них. Он застонал и сжал ее соски между большими и указательными пальцами.

– Теперь моя очередь, *cherie*, – глухо пробормотал он и обнажил ее грудь, освободив от корсажа.

Энни не владела дыханием, ее грудь вздымалась и опускалась. Сначала он просто смотрел на нее, не прикасаясь.

– Ты так прекрасна, Энни, – прошептал он, задыхаясь. – У тебя такая нежная кожа, а соски цвета дамасской розы.

Если он не лгал, то это было восхитительно, потому что ей хотелось быть прекрасной для Люсьена. И только для него. Если он не прикаснется к ней немедленно, она сойдет с ума.

И он прикоснулся. Ее грудь утонула в его больших ладонях, он умело поиграл ее сосками, а затем склонился и стал осторожно посасывать их, окончательно сводя ее с ума.

– Люсьен, – хрипло взмолилась она, – люби меня, сейчас!

Он пересадил ее на сиденье рядом с собой, чтобы расстегнуть брюки. Энни с нескромным любопытством наблюдала за тем, как он обнажил свой большой возбужденный член. Он посадил ее сверху. Она удобно устроилась, отодвинув в сторону юбки. Люсьен осторожно вошел в тесное, влажное устье.

Энни была захвачена сильнейшими ощущениями. Быть заполненной любимым человеком в прямом и переносном смысле – разве может быть что-нибудь прекраснее! Слезы радости появились у нее на глазах. Их взгляды встретились и уже не расставались.

– Я люблю тебя, Люсьен, – шептала она, – я люблю тебя.

Он начал двигаться под ней. Сначала медленно, потом быстрее, и Энни следовала его ритму.

Напряжение росло, и вдруг произошел взрыв такой силы, которой она не подозревала. Волны наслаждения накатывали на нее одна за другой. Люсьен прошептал ее имя, как благословение, и в тот же момент его семя наполнило ее лоно.

Энни склонила голову ему на грудь и слушала, как постепенно замедляется лихорадочное биение его сердца. Она чувствовала себя дома в объятиях любимого человека.

Затем они привели в приличный вид свою одежду. Эн-

ни села рядом с Люсьеном, и он трижды стукнул набалдашником трости в крышу. Экипаж затормозил, развернулся и медленно покатился к городу.

– Неужели нам уже пора возвращаться? – спросила Энни, в сладкой полудреме покачиваясь в такт движению экипажа. – Мне так спокойно и хорошо рядом с тобой, кажется, что мы спрятались от всего мира в теплый уютный кокон.

Он обернулся и, взяв ее подбородок в ладонь, нежно притянул к себе так, чтобы видеть ее лицо. Он был взволнован.

– Мне бы очень хотелось спрятаться с тобой ото всех, но это невозможно. И я не могу обещать тебе...

Он не закончил фразу. Она тяжело вздохнула. Его рука упала на колени.

Она ни за что не станет давить на него. Она не хочет фальшивых обещаний или вынужденных признаний в любви. Она молилась лишь о том, что однажды он добровольно отдаст ей свое сердце. Она полагала, что он медлит, потому что роль Ренара была очень важной частью задуманного им маскарада, а вовсе не потому, что он сомневается в своих чувствах к ней. Когда Люсьен обнимал ее и занимался с ней любовью, она ощущала себя на вершине блаженства. Она надеялась, что он тоже не притворяется.

– Люсьен, когда я снова увижу тебя?

– Не знаю, – нахмурился он.

– Завтра вечером в Роуздауне состоится костюмированный бал. Я не хотела ехать, но Реджи настоял на том, что-

бы мы отдали визит вежливости Бувьерам. Они представили меня обществу, когда я только появилась в Новом Орлеане. Думаю, что они скучные снобы, но я поеду к ним, если буду уверена, что увижу там тебя. Ты будешь там?

Люсьен нахмурился и ничего не ответил.

– Что случилось? У тебя другие планы?

– Нет, напротив, я собираюсь посетить этот бал. Я буду в маскарадном костюме, но, боюсь, ты узнаешь меня теперь под любой маской. Но я не останусь на ужин. – Он говорил хмуро.

Энни почувствовала, что это вся информация, которой он собирался поделиться. Она подозревала, что у него была деловая необходимость присутствовать на балу и он не собирается открывать ей суть дела. Но Энни каким-то неведомым чутьем догадалась, что у него дела с Боденом.

Сердце у нее упало. Как скоро! Опасность противостояния была так близка! Если план Люсьена – каким бы он ни был – удастся, то после этого он сможет посвятить себя ей. Но если что-то пойдет не так... Она стиснула его руку и прижалась к нему сильнее. Она не вынесет, если с ним что-нибудь случится. Он стал частью ее жизни.

– Энни, что случилось? Просто я буду очень сильно скучать без тебя. Завтрашний день кажется мне непостижимой вечностью. – Он продолжал с жаром: – Энни, хоть мы и увидимся, нам нужно будет держаться на приличном расстоянии друг от друга. Ты должна будешь притворяться, что

ненавидишь меня. А теперь скажи, ты сможешь это сделать?

– У меня была масса поводов попрактиковаться.

– Не знаю, когда мы сможем быть так близко, как сейчас.

«Это в том случае, если мы снова окажемся вместе». Эта мысль пронзила ее.

– Скоро, очень скоро, Люсьен, – прошептала она.

Он не ответил, и экипаж катился вниз по дороге к дому Энни, как к неизбежному будущему. Энни понимала, что если дело сорвется, она потеряет больше, чем за всю свою жизнь. В объятиях Люсьена она обрела покой и удовлетворение. Но именно поэтому она узнала страх.

Глава 18

Кэтрин встретила их у двери своего дома. Энни попрощалась с Люсьеном в экипаже, он пожал на прощание руку Кэтрин, поцеловал Энни в щеку и удалился по кирпичной дорожке к экипажу. Энни смотрела ему вслед, пока он не помахал им на прощание рукой из окна экипажа.

Кэтрин не терпелось вести Энни в дом, по пути она бормотала что-то о слугах. Они направились напрямиком в спальню Кэтрин, не обронив по пути ни слова. Когда дверь за ними закрылась, они заговорили одновременно.

– Тетя Кэтрин, я понятия не имела, что вы связаны с Ренаром!

– Энни, когда ты догадалась, что Люсьен – это Ренар?

Они одновременно рассмеялись, скорее от того, что разом освободились от напряжения, чем потому, что им действительно было весело.

– Сначала о главном, – сказала Кэтрин, беря со столика два хрустальных бокала. – Сядь, дитя мое, и я налью тебе воды. Или, может быть, бренди? По-моему, тебе не повредит сейчас глоток чего-нибудь покрепче.

– Чашка горячего чаю – звучит божественно, но боюсь, что слуги уже спят, – ответила Энни, усаживаясь на стул возле тетиной кровати.

– Да, и слава Богу, что так. Надеюсь, никто из них не ви-

дел, как ты вернулась домой вместе с Люсьеном. Твоя репутация тогда была бы под угрозой. – Кэтрин налила племяннице бренди. – Вот, выпей. Это поможет тебе заснуть.

Энни сделала глоток, и приятное тепло растеклось по ее жилам, а на душе сразу стало спокойнее. Она думала, что давно уже пришла в себя после объятий Люсьена, но окончательно расслабилась только теперь.

– Тетя Кэтрин, какое значение теперь имеет моя репутация? К чему беспокоиться об этом сейчас? Все изменилось и будет меняться дальше. Люсьен решил покончить с Ренаром, ему осталось сделать только одно дело. Уверена, что ты знаешь, о чем я говорю.

– Да, – нахмурилась Кэтрин. – Боден. Я говорила Люсьену, что ему совсем не обязательно связываться с ним под конец. Он и так уже достаточно сделал, а теперь очевидно, что в числе его немногих соратников завелся предатель. Продолжать дело очень опасно.

– Не думаешь же ты, что Люсьен сейчас в большей опасности, чем был две недели назад? – Энни отставила бокал и придвинулась ближе.

– Не знаю, Энни. Эта последняя акция будет самой рискованной, но если кто и может наказать Бодена, так только Люсьен.

Энни поднялась и стала беспокойно шагать по комнате.

– Ты ведь в курсе всех деталей плана, не так ли? – Она остановилась перед тетей и прямо взглянула ей в лицо. – Те-

бе известны место, время и стратегия. Люсьен ни за что не рассказал бы мне об этом, а ты можешь!

– Нет, – решительно покачала головой Кэтрин. – На самом деле я не знаю деталей. Люсьен здраво предпочитает держать свои планы в строжайшем секрете в последнее время и доверяет только самым близким людям. Но даже если бы я что-то и знала, то ни за что не рассказала бы тебе! Я не хочу вовлекать тебя в эту авантюру!

– Но ты должна знать хотя бы что-то! – Энни с жаром схватила Кэтрин за руки. – Ты ведь понимаешь, что я уже вовлечена в его дела! Причем в полной степени, начиная с той ночи, которую провела в его хижине. Я люблю его, и даже если бы не знала о его намерениях той ночью, если бы не была до такой степени погружена во мрак неведения, то все равно ни о чем бы не пожалела.

– Не обманывай себя, Энни. В противном случае ты стала бы беспокоиться. К тому же мы с Люсьеном слишком хорошо тебя знаем. Если ты узнаешь хоть что-нибудь об операции, то обязательно найдешь способ вмешаться. Лучшее, что ты можешь сделать для Люсьена сейчас, – это не мешать ему. Ты должна просто какое-то время посидеть дома.

Энни огорчилась и стала снова мерить шагами комнату.

– Разве вы с Люсьеном забыли, как я оказалась ему полезна, когда он неожиданно нарвался на засаду? Дело могло обернуться совсем иначе, если бы я осталась дома в ту ночь.

– Да, ты могла бы избежать ранения, и у тебя на лбу не

было бы шрама.

– Глупости! – упрямо возразила Энни, скрестив на груди руки. – А как же Люсьен? Его могли убить, если бы...

– Люсьен умен и осторожен, – перебила ее Кэтрин. – Если бы ты не предупредила его, он все равно сумел бы избежать опасности. – Она подошла к Энни и ласково положила ей руку на плечо. – Я нисколько не преуменьшаю твоих заслуг. Ты смелая. И возможно, ты действительно спасла Люсьену жизнь. Но неужели ты не понимаешь, что сейчас мешаешь ему? Дай ему сделать то, что нужно. А потом он будет свободен и сможет заняться собственным счастьем. И насколько я понимаю, твоим тоже.

– Тетя Кэтрин, какая я эгоистка! – воскликнула Энни, почувствовав оттенок зависти в ее тоне. – Я ведь даже не спросила о Реджи! Как он?

Кэтрин глубоко вздохнула и, отойдя к окну, стала смотреть в густую ароматную черноту ноябрьской ночи.

– Он спит, но беспокойно. Джеймс дал ему несколько капель настойки опия. – Она обернулась с жалкой улыбкой на лице. – Если Реджи попросил опия, значит, ему действительно очень плохо.

– Ты очень волнуешься из-за него, – сказала Энни, подойдя к Кэтрин и сжав ее на удивление холодные руки в своих горячих ладонях.

– Настолько, что готова оставить свой любимый Новый Орлеан, если у нас с Реджи есть шанс быть вместе.

– Но зачем тебе уезжать из Нового Орлеана? Здесь твой дом.

– Энни, дом у каждого там, где находится его любимый человек или близкие люди. Если ты подумаешь как следует, то поймешь, что мое участие в организации Ренара тоже может быть обнаружено. Я не могу допустить, чтобы Реджинальд оказался втянутым в такой скандал или огорчился, если меня посадят в тюрьму. – Она печально улыбнулась. – Так что я с радостью поспешу обратно в старую добрую Англию, если Реджинальд захочет взять меня с собой. Он уже понял, что дикие прелести Америки не для него.

– Я в этом не уверена...

– Я понятия не имею, что он чувствует ко мне, так что все это лишь бесплодные фантазии старой, выжившей из ума женщины. Хотя в последнее время я замечаю некоторую мягкость в его отношении ко мне. Заботливость. Но возможно, мне это просто кажется.

– Тогда мне кажется то же самое, – ответила Энни, стискивая ее руку. – Я видела, какими глазами он смотрит на тебя. И его заботливость тоже замечала.

Кэтрин отстранила руки Энни и вернулась к окну.

– Я не поверю в то, что он любит меня, пока сам мне это не скажет. Мы с Реджинальдом на ножах всю жизнь, сколько я себя помню. Мы как вода и масло, которые нельзя перемешать.

– За последние две недели вам вполне удалось это сде-

лать, – напомнила ей Энни и после паузы лукаво предположила: – Я думаю, что трения, которые возникли между вами уже давно – поскольку вы были вовлечены в семейные дразги, бракоразводные процессы и похороны, – стали лишь поводом для взаимного влечения.

– Энни! Ради Бога! – Кэтрин резко обернулась. – Какую ерунду ты говоришь!

– В самом деле, тетя Кэтрин, – продолжала Энни, пораженная такой живой и очень женственной реакцией своей суровой тетушки. – Я говорю правду, как ты меня всегда учила делать. Я прямолинейна, как и ты. Это не случайное совпадение, что я – любимая племянница Реджи, а ты, что естественно, его любимая женщина.

– Ты заходишь слишком далеко. Сейчас ты говоришь чушь, – слабо возразила Кэтрин.

– Вовсе нет, я не лгу и не выдаю желаемое за действительное. То, что я собираюсь сказать, не удивит тебя и не станет для тебя неожиданностью. Я советую тебе, дорогая тетя, уложить дядю Реджи на эти простыни. – Она кивнула на кровать. – Здесь вы к обоюдному удовольствию сможете окончательно избавиться от противоречий и разногласий.

Кэтрин не смогла найти подходящий ответ, чтобы поставить Энни на место, – она вообще никакого ответа найти не могла и только беспомощно шевелила губами, силясь выдать из себя хотя бы какой-нибудь звук. Наконец она сдалась и, поджав губы, с видом оскорбленного достоинства отошла

к двери. Она взялась за стеклянную ручку двери и с минутой простояла молча, собираясь с духом и с мыслями. Затем обернулась и строго посмотрела на племянницу, которая беззастенчиво улыбалась. Напускная строгость не помешала легкой улыбке скользнуть по ее губам.

– Я вижу, что общение с этим прохвостом Люсьеном заставило тебя забыть обо всех правилах приличия.

– Осторожно, тетя Кэтрин, ты начинаешь говорить как дядя Реджи, – еще шире улыбнулась Энни. – Я очень люблю его, но он всегда слишком педантичен. Поэтому ты подходишь ему как никто другой. Ты умеешь широко мыслить. Помнишь, как он побледнел, когда при нем произнесли слово «грудь»? Ты же сама издевалась над ним за это.

– Я, знаешь ли, могу спокойно говорить обо всех частях тела и прочих деликатных проблемах, когда они не касаются меня самой! – рассмеялась Кэтрин. – А теперь отправляйся в постель и поспи немного.

Энни охотно послушалась. Она действительно очень устала. Идя к двери, она едва не упомянула о костюмированном бале в Роуздауне, но в последний момент решила, что чем меньше она проявит к нему интереса, тем скорее ее туда повезут. Она не стала говорить Кэтрин о своем предположении, что Люсьен захочет покончить с Боденом именно там. Ей хотелось быть поблизости, когда поднимется занавес и начнется спектакль, даже если ей не дано участвовать в последнем действии. Впрочем, она не отказалась полностью от

идеи участвовать в нем...

У двери она обернулась, улыбнулась как можно более ласково и пожелала тете спокойной ночи.

* * *

На следующий день голова у Реджи не прошла. Он поднялся в свое обычное время и даже попытался непринужденно шутить за завтраком, но в десять часов снова лег в кровать. Такое продолжительное недомогание было ему несвойственно, и Энни всерьез встревожилась. Равно как и Кэтрин.

В полдень они обе стояли у его постели и пытались уговорить его послать за доктором.

– Зачем? – говорил он. – У меня просто болит голова. У всех бывают головные боли.

– Жара нет... – Кэтрин в третий раз за последние десять минут прикоснулась к его лбу.

– Вот видишь, Кэтрин. Нет причин беспокоиться.

– А горло? У тебя болит горло?

– Я уже много раз говорил вам, что горло у меня в порядке.

– Но у тебя совсем нет аппетита. Я помню, как ты катал по тарелке яйцо, делая вид, что завтракаешь.

– Да, в этом ты права, – поморщился он при упоминании о еде. – Аппетита действительно нет. Наверное, у меня инфлюэнца, так что не стойте слишком близко. Отправляйтесь

к себе и отдохните как следует перед балом у Бувьеров.

– Ты думаешь, что мы уедем и оставим тебя одного большого дома?

– Но ведь вы с Энни здоровы, а Бувьеры обидятся, если вас не будет на балу. Сейчас самый разгар светского сезона, насколько мне известно.

– Я знаю, Реджинальд, – сказала Кэтрин. – Ты забываешь, что я посещаю балы у Мадлен Бувьер уже почти четверть века. Если я пропущу один, она не обидится.

Реджи разволновался. Он был бледен, но на его щеках появились красные чахоточные пятна, на лбу залегла складка недовольства.

– Зато я обижусь. Они очень хорошо приняли Энни, когда она появилась в городе, познакомили ее со всеми нужными людьми. Я не хочу, чтобы они подумали, что англичане – неотесанные грубияны. Если вы не поедете, я сам поеду.

Он отбросил покрывало и сделал попытку подняться. Было видно, что даже легкое движение причиняет ему мучительную головную боль. Кэтрин испугалась.

– Господи, Реджинальд, ляг обратно, несносный ты упрямец! Я отвезу Энни на бал, если это доставит тебе удовольствие. Все, что мне нужно, – это чтобы ты оставался в постели и поправлялся скорее.

Реджи послушно лег, но его не радовала победа. Он слишком сильно страдал от боли. Он лежал неподвижно, пока Кэтрин и Джеймс суетились вокруг, поправляя подушки и

подтыкая одеяло.

Энни сочувственно смотрела на Реджи. Она готова была поклясться, что под маской невозмутимого британского спокойствия он стискивает зубы, чтобы не застонать от боли. Она была обеспокоена состоянием дяди, но также волновалась из-за Люсьена. Она чувствовала, что ей нужно быть в Роуздауне сегодня вечером. Но это не подлежало обсуждению. Реджи будет недоволен и не сможет как следует отдохнуть, если они с Кэтрин не поедут на бал.

– Дай мне бумагу и перо, Энни, – попросил Реджи.

– Кому ты собираешься писать, дядя? С этим нельзя подождать? – спросила она, направляясь к чиппендейловскому бюро.

– Я собираюсь попросить Делакруа сопроводить вас на бал.

– Он не может! – слишком поспешно отозвалась Кэтрин. И добавила спокойнее: – Он говорил, что не останется там до ужина.

Энни пристально посмотрела на тетю. Откуда ей было об этом знать, кроме как от самого Люсьена? Теперь у Энни не осталось сомнений в том, что план Ренара относительно Бодена связан с балом у Бувьеров. Похоже, Кэтрин не лгала ей, когда говорила, что не в курсе дела о деталях, но то, что занавес будет поднят именно сегодня, она знала.

Было решено, что Энни и Кэтрин отвезет на бал один из родственников Кэтрин по второму мужу – его дядюшка, от-

ставной военно-морской капитан Миллер. С ним дамы будут в полной безопасности. Кэтрин не стала говорить Реджи, что всегда ездила повсюду без сопровождения мужчины до его приезда в Новый Орлеан. Она получила новое доказательство его любви и заботы, когда он проявил беспокойство об их благополучии.

В течение дня самочувствие Реджи не улучшилось, но и не ухудшилось. После обеда Энни поднялась к себе, чтобы надеть костюм. Она собралась нарядиться ангелом, и Реджи вполне оценил ее шутку, когда она зашла показаться ему перед тем как спуститься в холл и ждать экипаж капитана Миллера.

Она покрутилась у изголовья его кровати, придерживая складки прозрачной юбки, прошитой золотыми нитями. Корсаж был выткан золотыми крестами, пышные рукава украшали воланы и шелковые сборки. Сара уложила ее волосы, прикрепив к ним белоснежные перья в форме нимба. В маскаранный костюм входила и белая полумаска с золотыми звездами, которую Энни должна была надеть по приезде в Роуздаун.

– Глядя на твои золотистые волосы и ангельски милое лицо, Энни, я думаю, что умер и оказался на небесах, – слабо улыбнулся Реджи. – Но мы с тобой знаем, что ты не ангел.

– И еще мы знаем, что ты не на небесах, – игриво отозвалась она. Он рассмеялся, но тут же затих и закрыл глаза. Энни тревожно смотрела на него, пока Реджи снова не открыл

глаза и не попытался улыбнуться. Она поцеловала его в лоб, который показался ей немного горячим. Неужели у него все-таки жар?

– Тебе не кажется, что декольте слишком вызывающее для ангела? – спросил он, застенчиво взглянув на ее грудь, когда она наклонилась.

Не успела Энни ответить, как в комнату вошла Кэтрин в костюме придворной дамы эпохи Тюдоров, и Реджи забыл о груди Энни. На Кэтрин была пурпурная бархатная накидка, стянутая в талии золотым шнуром и по краю отороченная мехом. Длинные рукава расширились к запястьям и тоже были оторочены мехом. Ее прическу венчал высокий головной убор, а на шее сверкало массивное золотое ожерелье. Она выглядела величественно и одновременно, в мягких складках роскошной материи, очень женственно.

– А ты кем нарядилась? – спросил Реджи, чуть дыша, уставившись на нее расширенными от восхищения глазами.

– Одной из жен короля Генриха, – ответила она смущенно. – Какой именно, не знаю, но поскольку трех из его несчастных супругов звали Кэтрин, наверное, я одна из них. Возможно, Кэтрин Парр?

– Я поражен твоим выбором, Кэтрин, как и выбором Энни. Генрих был жестоким деспотом, который использовал женщин для осуществления своих нечестивых замыслов. Он казнил двух своих жен. Невозможно, чтобы тебя привлекла участь кого-нибудь из них или понравился образ их супруга.

По-моему, твой выбор не более чем шутка.

– Такая же шутка, как и мой костюм ангела, – сказала Энни.

– Да, ты прав, – поддержала ее Кэтрин. – И еще мне показалось, что к этому стилю очень идет пурпурный цвет. – Она смутилась и отвела глаза.

– Да, верно, – пробормотал Реджи, и в его тусклых глазах зажглись искры.

– Кроме того, поскольку у меня было не меньше мужей, чем у Генриха... – Она улыбнулась и прикусила губу.

– Неправда! У тебя их было всего трое... до сих пор.

Энни решила, что сейчас самое подходящее время, чтобы оставить их наедине. Она не думала, конечно, что Реджи сделает тете предложение, лежа в кровати, но оставаться здесь и мешать их невинному флирту ей не хотелось. Она выскользнула за дверь, и никто из двоих оставшихся не заметил ее отсутствия.

Энни поднималась по лестнице, когда услышала тихий хлопок входной двери и приглушенный голос дворецкого, который пробормотал что-то типа «подождите в гостиной». Энни размышляла, стоит ли предупредить тетю Кэтрин о раннем прибытии капитана Миллера, и решила этого не делать. Лучше она немного поговорит с ним и тем самым даст Кэтрин возможность еще некоторое время побыть с Реджи. Если тетя Кэтрин называет капитана древним, значит, ему должно быть по меньшей мере лет восемьдесят. Реджи счел

бы неприличным оставить такого пожилого джентльмена на-долго одного.

Дворецкий Бентли приветствовал Энни учтивым поклоном.

– Бентли, не трудитесь беспокоить миссис Гриммс. Она скоро спустится. А я пока займу гостя, – сказала Энни. Он понимающе кивнул в ответ, но выглядел при этом недовольным. Она отправилась в гостиную.

Когда она впорхнула в дверь, высокий и вовсе не старый мужчина обернулся к ней, оторвавшись от разглядывания одной из антикварных картин Кэтрин. Это был Джеффри. Она ожидала увидеть кого угодно, но только не его. Она невольно замедлила шаг и выдавила из себя приветливую улыбку:

– Джеффри, как ты поживаешь? Я не ожидала увидеть тебя сегодня. Ты собираешься на бал?

Он смотрел на нее с угрюмым, недовольным выражением лица. Он был раздражен, поскольку не забыл еще унижения прошлого вечера. Однако Энни понимала, что ее отношение к Джеффри действительно резко переменилось. Неудивительно, что он пришел узнать почему. Но сегодняшней вечер был неподходящим временем для такого сложного и неизбежно неприятного объяснения.

Да и как она может объяснить ему, почему их отношения разладились? Она не может признаться, что знает о лжи, которую он изобразил в своей статье, потому что тогда ей при-

шлось бы признаться в своем участии в этом деле. И как она может сказать ему, что любит другого мужчину, не назвав его имени?

Однако выражение его лица резко переменилось. Он оглядывал ее с головы до пят внимательно и с возрастающим вождением. Она вспомнила, что одета в маскарадный костюм, и решила, что это и есть причина его пристального взгляда. Через пару минут жадность его молчаливого созерцания стала неприличной. Он откровенно воделел ее...

– Джефффри, я спросила, собираешься ли ты на костюмированный бал. Как видишь, мы собираемся. Наш экипаж вот-вот подадут.

Наконец он оторвал взгляд от ее декольте и посмотрел ей в глаза. Он должен был быть слеп или глуп, чтобы не заметить в ее глазах гнева. Он опустил глаза и стал теревить своими ухоженными пальцами поля шляпы. Когда он снова взглянул на нее, в его глазах отражалась прежняя обида.

– Ты прекрасна, Энни. Если ангелы действительно так выглядят, то ты лучшая из них.

– Замечательные слова, Джефффри, – ответила она. – Но ты всегда был хорош на словах.

– Что ты имеешь в виду? – прищурился он.

– Ничего. – Она опустила голову и провела носком бальной туфельки по контуру узора на ковре. Ей не хотелось сейчас погружаться в разбирательства. У нее были другие заботы. – Прости.

– Энни, посмотри на меня.

Она придала своему лицу бесстрастное выражение и подняла на него глаза. Он жадно искал и не находил в них ответа на мучившие его вопросы, не прибегая к тому, чтобы задавать их вслух. Он боролся со своим мужским достоинством. Наконец его страстное желание получить ответ возобладало над его гордостью.

– Энни, мы ведь друзья, – заговорил он тихо и с неподдельным чувством. – Я всегда хотел стать тебе больше чем другом. И ты дала мне надежду.

– Да, – кивнула она. – Я действительно давала тебе повод надеяться. Я тоже сначала думала, что мы можем стать больше чем друзьями.

Его глаза вспыхнули то ли от злости, то ли от вновь разгоревшейся надежды.

– Что же заставило тебя изменить мнение? Почему ты решила, что у нас не может быть романтических отношений? Если бы я знал, что сделал не так, может быть, я мог бы... поправить это.

Энни встала у пианино и задумчиво провела рукой по полированной крышке.

– Джеффри, когда я приехала в Америку, я хотела встретить человека, похожего на тебя. В Англии все мужчины, с которыми я общалась, были избалованными, потому что получали все на блюдечке с голубой каемочкой. У них не было ни цели в жизни, ни амбиций, никакого стремления сде-

лать свою жизнь полезной для других. Ты совсем не похож на них. – Она улыбнулась. – Ты добивался в жизни успеха благодаря своему уму и способностям. Ты вовлечен в окружающий тебя мир. В своих статьях ты осуждал несправедливость и возносил добро. Я искренне восхищалась тем, что ты делаешь в жизни.

– Восхищалась? Но почему в прошедшем времени?

– Джеффри... – печально отозвалась она. – Ты стал слишком амбициозен.

– Что, черт побери, ты имеешь в виду?

– Я не могу этого объяснить. – Она отвернулась.

– Я заслуживаю того, чтобы ты объяснила! – Он схватил ее за руку и грубо развернул лицом к себе.

– Ты делаешь мне больно. Отпусти меня немедленно, – ответила она, вновь обретя спокойствие.

Джеффри стиснул зубы. Она видела каждый мускул, который нервно подрагивал на его лице. Она догадывалась, что он скрипит зубами от раздражения. Их противостояние лицом к лицу длилось несколько секунд, после чего он отпустил ее.

– Ты влюблена в другого, не так ли? – спросил он агрессивно.

– Почему мужчины всегда думают... – пробормотала она с улыбкой, которая должна была изображать отрицание.

– Я видел, как ты бросала лучезарные взгляды на Делакруа вчера в театре. Господи, я не мог поверить своим гла-

зам! Почему ты смотришь на него, а не на меня? Ведь он воплощает все, что тебе так ненавистно. Он насмехается надо всем, во что ты веришь. И потом, я видел, как он смотрел на тебя, когда твой цепной телохранитель, твой дядюшка, помахал ему рукой и пригласил в ложу.

– Дядя Реджи любит Делакруа, – ответила Энни. Неужели их с Люсьеном чувства так очевидны для окружающих?

– Твой дядя его любит потому, что считает его в недостаточной степени мужчиной, чтобы скомпрометировать тебя. И еще потому, что они с твоим дядюшкой одинаковы – много пуха и пера и ни малейшего шанса взлететь.

Теперь Энни вышла из себя от ярости. Она никому не позволит говорить в таком тоне о двоих мужчинах, которых любит больше всего на свете. К тому же Джеффри несправедлив к ним! Если бы он знал... Она сделала над собой усилие и удержалась от того, чтобы сказать правду. Но гнев свой сдерживать не стала.

– Если вы будете продолжать говорить в таком тоне о моем дяде и моем друге Делакруа, я попрошу вас уйти, – холодно ответила она.

– О вашем друге Делакруа? – недоверчиво переспросил Джеффри. – Полагаю, что в таком случае мы с вами уже больше не друзья. Даже не друзья! Господи, Энни, что с вами стряслось?

– У меня открылись глаза, вот и все. Я теперь вижу людей такими, каковы они есть на самом деле.

– Полагаю, меня вы включили в ту часть человечества, которая под вашим обновленным взглядом преобразилась, – пробормотал Джеффри. – Теперь вы меня знаете, и вам не нравится то, что вы узнали. Но скорее всего это Реджи убедил вас в том, что я недостаточно хорош для вас.

Энни уловила нотки искреннего сожаления в его голосе. Она не считала его дурным человеком, просто он утратил правильные жизненные ориентиры, оказавшись во власти собственных амбиций. Она не могла допустить, чтобы он думал, будто она считает его недостойным себя. Возможно, сегодня они в последний раз видятся наедине и могут говорить откровенно. Она порывисто схватила его за руку:

– Джеффри, прости меня. Мне жаль, что я причинила тебе боль. Я никогда не думала о том, чтобы смотреть на тебя сверху вниз. Я хочу, чтобы мы остались друзьями.

Когда она прикоснулась к его руке, он удивился и взволновался, но после ее слов выражение его лица стало отвратительно злобным.

– Что ж, а я думал о том, чтобы смотреть на тебя сверху. – Энни изумилась и попыталась отнять руку, но он с силой сжал ее. – Я очень часто думал о том, как буду смотреть на тебя обнаженную сверху, а ты будешь стонать от наслаждения. И это только одна позиция. Я думал о тебе в сотнях разных поз с тех пор, как впервые тебя увидел.

– Джеффри, отпусти меня...

Он стиснул ее руку сильнее и прижал к груди, так что его

горячее дыхание обжигало ей лицо.

– И если я не могу получить тебя так, как хочу, ты не нужна мне вовсе. – С этими словами он грубо оттолкнул ее и стремительно вышел из комнаты, оставив Энни в состоянии глубокого потрясения и озлобленности. Она села в кресло, подмяв под себя ангельские крылья.

Она неправильно повела себя с Джеффри. Его страстная влюбленность была спровоцирована ею самой. Как бы ей хотелось вернуть время на несколько недель назад и изменить свои отношения с Джеффри с самого начала!

Через несколько минут, которые она провела в молчаливом самобичевании, раздался стук колес экипажа капитана Миллера. Она глубоко вздохнула, чтобы вернуть себе самообладание. Прошлое изменить невозможно, но стоит подумать о будущем. Она надеялась, что ее ждет прекрасное, радужное будущее с Люсьеном... но только если сегодня вечером все пройдет по задуманному им плану.

* * *

Джеффри, прислонившись к стене салуна на Бурбон-стрит, рассеянно смотрел по сторонам, ожидая заметить в толпе знакомую фигуру своего самого преданного и надежного осведомителя. Того, кто прочно обосновался в рядах организации Ренара. Того, кто готов на все ради денег. Джеффри была понятна такая человеческая страсть. Он сам

собирался сказочно разбогатеть в ближайшее время. Дела с богатой британской невестой обстояли хуже некуда, и после сегодняшнего разговора с ней он решил пойти по другому, менее благородному, пути обогащения.

Одной рукой Джеффри перетряхивал две монеты – увесистые золотые сверкали и переливались, как волосы Энни. Горький комок подкатил к его горлу.

Он надеялся, что с легкостью добьется своего. Она красива и богата, что он заблаговременно выяснил, прежде чем начал ухаживать. Завоевать такую женщину было престижно и выгодно, он стал бы объектом зависти для всех. Как после появления в газете его статьи. Люди оборачивались на него на улице, его считали героем. Это было чертовски приятно.

Но женитьба на Энни могла бы стать самой крупной победой в его жизни. Он окончательно убедил бы всех, что невероятно хорош и умен и никакого отношения не имеет к сиротскому приюту в Балтиморе, где вырос, и никто больше не вспомнит о его убогом происхождении.

Но что за черт! Ведь есть и другие способы разбогатеть. Как только у него будут деньги, он найдет другую женщину, гораздо менее требовательную, чем Энни. Он сказал себе, что думает о ней в последний раз.

Да, все плохо. Очень плохо.

И вдруг он увидел своего осведомителя. Небрежной походкой Джеффри направился в ближайший переулок, куда за ним свернул какой-то пьяный бродяга, которого тут же вы-

рвало. Джеффри выругался сквозь зубы и осмотрел брюки, не испачкались ли, после чего пошел дальше и стал ждать. Вскоре в переулке показалась темная фигура, которая осторожно обошла зловонную лужу и направилась к Джеффри. Пьяница куда-то исчез, вероятно, вернулся в салун, чтобы снова пить.

Джеффри оказался лицом к лицу со своим осведомителем и улыбнулся, предвкушая радостные новости.

– Кристиан, друг мой, что скажешь хорошего?

Глава 19

– Я тебе не друг, – сказал Кристиан, расправив плечи и прислонившись к стене напротив. Его взгляд пылал ненавистью. – Мы вместе делаем дела, вот и все.

– Тысяча извинений, – усмехнулся Джефффри. На приподнятом состоянии его духа никак не отразилось угрюмое настроение Кристиана. Он привык к тому, что люди часто не связывают деловые отношения с личными. Кристиан держится с ним вызывающе скорее всего из-за пристрастия к опиуму и чувства вины, которое испытывает. – В твоей записке было что-то о новой акции Ренара.

– Да, – неохотно подтвердил Кристиан.

Джефффри подождал немного, затем поторопил его:

– Ну же, когда и где?

Кристиан шмыгнул носом, переступил с ноги на ногу и отвернулся.

– Не уверен, что на этот раз я расскажу тебе.

– Тогда почему ты здесь?

– Скажи, Уиклифф, откуда той ночью на кладбище появилась засада? – вызывающе поднял на него глаза Кристиан. – Я ведь не назвал тебе места встречи, так что ты не мог натравить охотников на Ренара. Я рассказал тебе лишь столько, сколько нужно для того, чтобы написать статью для этой чертовой газеты. – Кристиан с отвращением поморщился. –

Тебе ведь нужны сенсации.

Джефффри пожал плечами, на долю секунды ощутив неловкость своего положения, но это быстро прошло.

– Добавить немного драматизма в то, о чем пишешь, обычное дело для журналистов. Кстати, чтобы ты знал, я не вызывал никаких охотников. Понятия не имею, откуда они взялись.

– Они обо всем узнали, потому что ты проболтался. Сам знаешь, как быстро распространяются слухи, – Но ведь я храню твой маленький секрет, не так ли? Я ведь легко мог распустить слух о том, что ты продаешь Ренара, чтобы достать денег на опиум. Ренару это не понравилось бы.

– Ты не делаешь этого, потому что я тебе нужен, а не потому, что ты хочешь меня защитить. Но в отличие от тебя во мне еще сохранились остатки человеческих чувств. Я не хочу, чтобы Ренар и его люди снова оказались в смертельной опасности. В ту ночь завязалась перестрелка, и могло быть много жертв. Если я расскажу тебе о том, что планируется, я должен быть уверен, что ты сохранишь информацию в тайне до конца операции. Только потом ты сможешь все написать в своей газете.

– Это нетрудно.

Кристиан внимательно изучал его лицо несколько минут, затем со вздохом покачал головой. В его голосе чувствовалась нерешительность.

– Я не знаю.

– Что значит «я не знаю»? Что ты хочешь? Долговое обязательство?

Кристиан придвинулся к Джеффри и ткнул пальцем ему в грудь:

– Если ты подведешь меня на этот раз, клянусь, я убью тебя.

У Джеффри заныло под ложечкой от этой немногословной, произнесенной тихим голосом угрозы, но он притворился, что совершенно спокоен, и непринужденно пожал плечами.

– И чтоб больше никакого бахвальства, – добавил Кристиан.

– Я не бахваюсь.

– Ты хвастался перед Энни Уэстон, – презрительно усмехнулся Кристиан.

– О чем ты говоришь, черт возьми?

– О том, что она была там в ту ночь, переодетая мужчиной.

– Энни? – Джеффри обомлел. – Энни была тем парнем, который...

Кристиан получал удовольствие, видя смущение и унижение на лице Джеффри, и на его губах появилась презрительная усмешка. Джеффри хотелось бы стереть эту ухмылку с лица Кристиана кулаком, но тот был высок и силен. Он не осмелился поднять на него руку.

– Да, Уиклифф. Представляю, как она удивилась, прочитав в «Пикайун» о том, как ты спас Ренара, когда на самом

деле это сделала она. А она больше всего ценит в людях честность. Пару раз солгал ей, и шансы твои полетели к чертовой матери, да?

– Заткнись! – выпалил Джефффри. И вдруг все приобрело для него кристальную ясность. Неудивительно, что она вдруг так отдалилась от него, стала такой холодной. Какой же он дурак! Но откуда ему было знать, что тот щуплый парень – переодетая Энни? Женственная, длинноволосая Энни, которая надела мужской костюм? Он решил тогда, что этот парень – кто-то из числа сторонников Ренара. Они ведь вместе ускакали от погони на одном коне. И вдруг еще одно подозрение закралось ему в голову. И это подозрение уязвило его гордость, как ничто другое. – Ренар и Энни... Я знаю, что они ушли от погони, но куда они делись потом? Она боготворит этого человека, но не стал же он... – Джефффри не мог произнести тех слов, которые рвались у него из переполненного злостью и ревностью сердца. – Скажи, Ренар... спал с ней?

– По-твоему, я знаю о нем все? – пожал плечами Кристиан. – Личная жизнь Ренара не мое дело.

Джефффри с трудом оправился от такого удара по его самолюбию. Энни знала, что никакой он не герой. Она выследила его и пошла за ним следом, а потом спряталась, как и он сам. Значит, она знает, что он трусливо сидел за розовым кустом и всего лишь наблюдал за происходящим. А увидев тени в глубине кладбища, он просто обомлел от страха.

При том, что Джефффри восхищался смелостью Ренара и разделял его убеждения, у него не хватило мужества предупредить его об опасности. А вот у Энни хватило. Ренар, конечно, захотел отблагодарить ее за свое спасение, а эта дуручка скорее всего согласилась.

– У меня нет времени стоять тут до вечера, пока ты будешь дуться, – сказал Кристиан.

Джефффри очнулся, преисполненный решимости осуществить свой план.

– Это у тебя есть для меня информация. Я лишь жду, пока ты расскажешь, когда и где состоится очередной побег рабов.

– Сколько ты заплатишь?

– Ты знаешь, в газете мне платят всего жалкую сотню долларов в месяц.

– Этого мало. – Кристиан развернулся, чтобы уйти.

– Подожди, – в отчаянии удержал его Джефффри. – У меня есть кое-какие сбережения. Что ты скажешь о двух сотнях?

– Три сотни, – решительно отозвался Кристиан.

– Откуда вдруг такая жадность?

– У меня есть чувство... – нахмурился Кристиан. – В последнее время Ренар стал очень осторожен. Он не дурак. Похоже, он догадался об утечке информации. Возможно, он даже подозревает именно меня... Я думаю, он собирается исчезнуть. Не исключено, что это его последняя акция. – Он с сожалением улыбнулся: – Я тебе больше не понадобится, и мне придется искать новый источник доходов.

– Тогда почему ты не скажешь мне, кто он такой на самом деле? – небрежно предложил Джеффри. – Я заплачу тебе кучу денег за эти сведения. Ты мог бы кое-что отложить на черный день.

– Ты принимаешь меня за дурака? Если ты готов отвалить кучу денег за эти сведения, значит, сам собираешься продать информацию и заработать вдесятеро больше. Думаешь увидеть соответствующий заголовок на первой полосе своей газеты? После этого газета, считай, твоя.

– Неужели ты думаешь, что я могу так поступить с Ренаром? – изобразил возмущение Джеффри. – Я на его стороне. И всегда так было. Все, что я писал о нем, служило к его вящей славе. Я ведь мог сообщить властям полученную от тебя информацию, но никогда этого не делал.

– Раньше я верил, что ты на стороне Ренара, но теперь сомневаюсь, – с подозрением прищурился Кристиан. – Иногда мне кажется, что ты принимаешь ту сторону, которая для тебя выгодна, потому что ты очень амбициозен.

Джеффри услышал те же слова, которые произнесла в его адрес Энни, и решил закончить эту встречу как можно скорее. Он вытащил из кармана пачку банкнот и протянул ее Кристиану:

– Три сотни. Можешь пересчитать, если хочешь.

Кристиан взял деньги с явной неохотой. «Дурак, – подумал Джеффри, – ты слишком совестлив».

– А теперь говори.

– Побег назначен на полночь. Он состоится в заболоченном рукаве реки, позади хижин рабов в Бокаже.

– На плантации Денди Делакруа? – усмехнулся Джефффри, радуясь, что наконец дошла очередь и до этого светского хлыща, хотя он знал, что побег на этот раз не состоится.

– Да, но рабы будут бежать не с его плантаций, а из Роуздауна, – пояснил Кристиан.

– Говоришь, из Роуздауна? – Джефффри воспринял эту новость спокойно. – Сегодня ведь там дают бал, не так ли? Удобный момент для побега.

– Помни о том, что я сказал, Уиклифф. Не распространяйся об этом до окончания дела, – угрожающе заметил Кристиан. – Если с моим братом что-нибудь случится, я убью тебя. – С этими словами он развернулся и быстро пошел прочь.

Джефффри простоял неподвижно несколько минут, чувствуя, как его до глубины души пробирает неприятный холодок, вызванный нешуточной угрозой Кристиана. Пожалуй, впервые в жизни ему предстоит проявить настоящую смелость. Если Кристиан прав и Ренар собирается навсегда отказаться от своей героической маски, то для Джефффри это последний шанс.

Жаль, что именно Ренару предстоит стать той выигрышной картой, которая обеспечит Джефффри финансовый взлет, но ничего не поделаешь. В конце концов, он всегда лишь притворялся, что восхищается этим разбойником. Для него Ренар был лишь поводом для сенсационных статей, которые

составляли ступени его карьерной лестницы. В Ренаре его привлекал скорее романтический образ, чем идейная стойкость. И тем не менее восхищение этим человеком не повод, чтобы отказываться от денег. Деньги прежде всего.

Джефффри вышел на улицу и направился к Калобозо и в полицию.

* * *

Бал имел потрясающий успех. Американцы и креолы на равных получили приглашения в дом свободно мыслящих Бувьеров; здесь и в помине не было дискриминации, которая царила в большинстве креольских семей. Одна из дочерей Бувьеров вышла замуж за богатого американца, чем способствовала взаимопроникновению двух культур.

Сразу же по приезде капитан Миллер, одетый в скромное домино, ретировался в комнату, где играли в карты, а Кэтрин и Энни остались в бальном зале и, пристроившись у стены, смотрели на танцующих и оценивали обстановку. Энни была в восторге, потому что присутствовала на костюмированном балу впервые в жизни. А бал задавался на широкую ногу; трудно было представить, сколько денег вложено в такое грандиозное мероприятие.

Они подъехали к дому Бувьеров в экипаже капитана Миллера. Из-за темноты рассмотреть окрестности было невозможно, но фасад дома, освещенный множеством факелов,

производил колоссальное впечатление. Это был традиционный плантаторский особняк, а вовсе не современная постройка с классическими колоннами и архитектурными излишествами, которые так любили нувориши. Энни задумалась о том, так ли выглядит дом в Бокаже, поместье Люсьена. Она знала, что Бокаж находится по соседству с Бувьерами.

В задней части дома, если пройти через длинный холл, находился бальный зал. Очевидно, что это помещение было выстроено специально для этой цели и ни для какой другой.

Энни посмотрела вверх. Над головами танцующих висели огромные хрустальные люстры. Чтобы зажечь их, наверное, требовались десятки слуг или рабов. Она опустила глаза и увидела бесчисленное множество исторических и литературных персонажей, красочные костюмы которых переливались в свете свечей всеми оттенками цветов.

Восхитительная Мария Антуанетта танцевала с индейцем-могавком. Цезарь Август вышагивал вдоль стены в короткой тоге, обнажающей сильные ноги. Робин Гуд флиртовал с задумчивой Клеопатрой. Средневековый рыцарь выделял танцевальные па с завидной легкостью, несмотря на тяжелые доспехи, а черная кошечка придерживала рукой пушистый хвост; они увлеченно кружились под звуки венского вальса.

Энни искала взглядом Люсьена, но тщетно. Она улыбнулась, пытаясь догадаться, какой костюм он решит надеть. Она пыталась выяснить это у него накануне, но он не прого-

ворился, решив сделать ей сюрприз.

Когда танец кончился, несколько кавалеров немедленно оказались возле Энни. Она согласилась танцевать с джентльменом, одетым как Наполеон. Под маской она узнала Эдварда Дина, друга своей тети. Вскоре она убедилась, что узнавать людей в маскарадных костюмах совсем нетрудно, поскольку лишь некоторые лица были полностью спрятаны под гримом, накладными бородами или масками. Часть гостей, как капитан Миллер, была просто в домино и плащах, брошенных поверх обычных вечерних костюмов. Но где же Люсьен?

– Мисс Уэстон, – сказал Эдвард, пристально глядя ей в лицо, – вы не сочтете меня невежливым, если я скажу, что вы божественно выглядите сегодня?

– Нет, мистер Дин, напротив, – улыбнулась она в ответ на его комплимент. – Надеюсь, ваша Жозефина не станет ревновать вас ко мне.

– Не беспокойтесь, мисс Уэстон. Вам не будет это стоить головы, – ответил он, чем вызвал ее смех.

Танец заканчивался, когда она наконец увидела Люсьена. Он говорил с королем Генрихом Восьмым, который при ближайшем рассмотрении оказался именно тем, с кем он, по ее мнению, и должен был говорить, – Шарлем Бо-деном. Что касается самого Люсьена, то он был в костюме колониста.

Энни не верила своим глазам. Когда она по приезду в Новый Орлеан впервые увидела Джеффри, то подумала о том,

что его американскому происхождению должна соответствовать более мужественная, даже грубоватая внешность. Однако ни штаны из толстой бычьей кожи, ни высокие шнурованные ботинки никогда не шли бы ему так, как Люсьену. Отороченная бобром шапка не сидела бы на Джеффри так заливчатски, и ружье не выглядело бы так органично в его руках, как в руках Люсьена.

У Энни перехватило дух. Люсьен выглядел в этом костюме еще мужественнее, чем обычно. Женщины наверняка не дадут ему прохода сегодня. Тем более что его женская свита уже начала понемногу формироваться. Вокруг него уже вертелись две дамы, которые с нетерпением ждали, когда Люсьен закончит разговор с Боденом и обратит внимание на них. Энни почувствовала укол ревности. Если бы она не была уверена в его чувствах, то не стала бы терпеть такое навязчивое вмешательство...

Пока Наполеон кружил ее по залу в танце, Энни не знала, видел ли ее Люсьен. Когда кавалер проводил ее на место возле тети, она шепотом спросила Кэтрин:

– Ты видела Люсьена?

– Нет, а ты?

– Да. – Она кивнула в его сторону. – Он там, в углу... с твоим мужем, королем Генрихом.

– Как мило, – приподняла брови Кэтрин и тут же поджала губы. – Один деспот играет другого. Он обращается со своими рабами, как король Генрих обращался с женами.

– Да. Реджи понравилась бы эта шутка, правда?

– Да, наверное. Я беспокоюсь о нем. Как долго нам предстоит торчать на этом дурацком балу, прежде чем мы сможем вернуться домой и узнать, как себя чувствует старый упрямец? Мне было бы спокойнее, если бы он согласился вызвать доктора.

– Ты ведь приказала Терезе и Джеймсу немедленно сообщить, если Реджи почувствует себя хуже?

– Да, но...

– Дядя Реджи рассердится, если мы вернемся слишком рано. Мы ведь даже еще не поприветствовали хозяев дома. – Энни понизила голос и проявила некоторую настойчивость: – Я понимаю, что веду себя эгоистично, но мне хотелось бы хоть раз потанцевать с Люсьеном, прежде чем мы уедем. Впрочем, при том, что его плотным кольцом обступили дамы, мне вряд ли это удастся.

– Я уверена, что Люсьен потанцует с тобой, если у него будет шанс, но не жди, что он сможет сегодня уделить тебе много времени, – сказала Кэтрин, сжав ее руку, – Один танец ничего не значит, но все знают, что у вас разные политические взгляды.

Энни увидела, как Люсьен повел в центр зала девушку, наряженную персидской рабыней. Он положил ей руку на талию и шепнул что-то на ухо перед началом вальса, от чего девушка рассмеялась. Сердце у Энни сжалось от досады. Как бы ей хотелось, чтобы он шептал на ухо ей!

В это время к ним с Кэтрин подошли знакомые, и они вынуждены были поддерживать светский разговор. Они честно выполняли свой долг с улыбкой на лице. Реджи гордился бы ими.

* * *

Люсьен почти не слушал болтовню мадемуазель Петит. Она улыбалась ему сквозь прозрачную вуаль и говорила что-то о том, что хотела бы стать частью его «гарема». Но что бы она ни говорила иди ни делала, его мысли все равно были с Энни. Энни... одетой как ангел. Она всегда была для него связана с чем-то неземным, божественным, но разве ангелы могут быть так чертовски соблазнительны?

Он считал минуты до тех пор, пока сможет заключить ее в свои объятия и поведи танцевать. На глазах трех сотен гостей он не сможет позволить себе большего, но и этого будет достаточно. По крайней мере он сможет вдохнуть ее аромат, взглянуть в ее ясные глаза, услышать ее голос, сказать ей, как она прекрасна.

Он решил дожидаться, когда подадут ужин. Он уйдет отсюда в ту же минуту. Пока гости снова не разбредутся по бальному залу, комнатам для игры в карты, по лужайке, они с Боденом незаметно ускользнут. Он отвезет Бодена в Бо-каж, и это будет началом его конца. Конца Ренара и, надо надеяться, конца Бодена.

Он смешался с людьми, притворяясь, что живо интересуется разными пустыми разговорами. Он и сам ощущал в себе пустоту. Он танцевал с женщинами, беззастенчиво с ними флиртуя. Каждая из них смеялась, краснела и смущалась, уступая место очередной партнерше по танцу. Он прекрасно справлялся с ролью светского льва, обращая на себя всеобщее внимание, вызывая понимающие улыбки или хмурые взгляды мужчин.

И вот момент, которого он ждал весь вечер, наступил. Он тайком следил за Энни все время. У нее не было недостатка в кавалерах, и он с трудом держал себя в руках, чтобы не броситься и не разметать всю эту ораву, которая неотступно вилась вокруг нее.

Один танец закончился, до начала другого оставалось три минуты. За это время ему предстояло преодолеть довольно большое расстояние через бальный зал и пригласить Энни, прежде чем его не опередил кто-нибудь другой. Но даже если кто-то успеет опередить его, это не отменяет его права первенства. Черт побери! Он направился к ней.

Вот она, в толпе обожателей. Энни смотрела на него без улыбки. Она раскраснелась от танца – или чем-то расстроенная? Он надеялся на первое. Галантно поклонившись, он задел ее грудь хвостом бобра, которым была оторочена его шапка.

– Мадемуазель Уэстон, надеюсь, этот танец наш, – медленно вымолвил он.

– Вы немного опоздали, Делакруа, – отозвался молодой Ричард Уэверли, угрожающе сверкнув глазами из-под широких полей сомбреро. – Этот танец обещан мне.

– Простите, месье Уэверли, но еще несколько часов назад я просил мадемуазель Уэстон оставить для меня последний танец перед ужином. – Он обернулся к Энни: – Вы помните, мадемуазель? Вы только что приехали, и я... – Он приподнял брови.

– Да, конечно, – поддержала его она. – Разумеется, я помню, мистер Делакруа. Простите, мистер Уэверли. Возможно, вы согласитесь на первый танец после ужина?

Ричарда удовлетворило обещание будущих радостей, и он с достоинством откланялся. Впрочем, от Люсьена не ускользнул ненавидящий взгляд, который юноша метнул на него из-под сомбреро. Однако его это не волновало. Он выиграл главный приз.

Он взял Энни под руку и повел ее на середину танцевального зала. С балкона, где помещался оркестр, полились чарующие звуки вальса. Он прижал ее к себе и почувствовал, что она напряжена. Энни избегала смотреть ему в лицо.

– Что случилось, Энни? – спросил он глухим от беспокойства голосом. – Тебя кто-то обидел?

– Да, – ответила она натянуто. – Один мужчина весь вечер обижает меня.

– Кто? – стиснув зубы, прямо спросил он. – Я пошлю ему вызов. Он посмел прикоснуться к тебе? Он неуважительно

говорил с тобой?

– Вовсе нет. Я весь вечер мечтаю о том, чтобы он ко мне прикоснулся, а он этого не делает... – Она бросила на него лукавый взгляд из-под густых ресниц.

– Что?

– Он даже не замечает моего присутствия. Он слишком занят тем, что развлекает половину женского населения Нового Орлеана. – Она укоризненно взглянула на него и снова отвернулась.

Люсьен успокоился. Он всегда очень тонко чувствовал чужую ревность. Тем более что сам он сегодня вечером сторал от нее. В действительности ему нравилось ее желание обладать им безраздельно. Он сам хотел того же. Но все же не мог удержаться от того, чтобы не подшутить над ней немного.

– Я развлекал половину женского населения Нового Орлеана, мадемуазель Уэстон, потому что...

– Почему же, мистер Делакура? – Она вызывающе посмотрела на него, приподняв бровь.

– Потому что вторая половина уже слишком стара, чтобы танцевать.

Энни поджала губы, но глаза ее весело засверкали. Люсьен надеялся, что его шутка заставит ее перестать сердиться.

– Мадам Дюпуа почти семьдесят, а вы танцевали с ней. И должна заметить, вы пригласили ее раньше, чем меня.

– Мадам Дюпуа – исключение из правил. Хотя она стра-

дает от ревматизма и давно принадлежит к числу тех дам, которые предпочитают сидеть у стенки, а не танцевать, мне удалось добиться ее согласия на танец.

– И вам доставило это удовольствие, не так ли?

– Что, танец?

– Нет, то, что вам удалось склонить женщину к тому, чтобы она исполнила ваше желание.

– Признаю себя виновным, – усмехнулся он.

– То же самое вы сказали человеку, которого оглушили ударом трости в переулке. Вы всегда с такой легкостью признаете себя виновным в своих преступлениях?

– Всегда.

– Тогда следует вам заметить, что носить такие штаны в публичном месте неприлично. Вы выглядите в них вызывающе мужественно, – лукаво улыбнулась она.

– Но если бы я не носил их, мне было бы трудно убедить мадам Дюпуа танцевать со мной. Ей, конечно, около семидесяти, но она еще в состоянии оценить красивые мужские ноги.

Энни рассмеялась. Люсьен обрадовался, что ему снова удалось завоевать ее.

– Неслыханное самодовольство! Но должна признать, что у этой старухи хороший вкус. В таком костюме вы даже меня могли бы уговорить исполнить ваше желание.

Расстояние между ними позволило Энни окинуть оценивающим взглядом всю его фигуру. Ее беглый осмотр привел

к тому, что сердце у него в груди забилося чаще. Казалось, она ласково прикоснулась к нему. Их взгляды встретились, и он увидел игривое возбуждение в глубине ее синих глаз.

– Да, штаны действительно впечатляют, но я довольна всем, что увидела, – заключила она с притворной застенчивостью.

Люсьен думал, что давно уже вышел из того возраста, когда мужчины краснеют, но, оказывается, нет. Он почувствовал, что его щеки, уши и шея вдруг запылали. Наверное, он выглядел сейчас как Джонни Роу в своем первом тугом галстуке, купленном на распродаже. И хотя Люсьен уже много лет с легкостью вел женщин в танце, теперь почему-то стал сбиваться с ритма и вынужден был несколько раз посмотреть себе под ноги.

– Милая Энни, ты выбиваешь у меня почву из-под ног, – простонал он, стараясь сохранить привычно скучающее выражение на лице. – Раньше я подшучивал над тобой, а теперь мы поменялись ролями. Знаешь, что ты делаешь со мной?

– Я знаю, что хочу делать с тобой.

Люсьен сбился, сделал резкий поворот и с трудом вернулся в ритм танца.

– Вы прекрасно вышли из трудной ситуации, мистер Делакруа. – Она игриво погладила его по плечу. – Никто не заподозрил, что мы едва не упали на пол, правда?

– Если вы не прекратите мучить меня, мадемуазель Уэстон, мы очень скоро окажемся на полу в положении, которое

покажется вам слишком откровенным, на глазах у всего общества, – вежливо улыбнулся он.

– Ваши намеки на готовность устроить публичный скандал меня не волнуют, мистер Делакура, – невинно улыбнулась она.

– Ты похожа на ангела, и близость твоя так божественна, но, Господи, ты мучаешь меня, как самая искушенная чертовка, вышедшая из ада! – жарко прошептал он, невольно сжимая ее талию.

– Вы этого заслуживаете. И потом, разве вы смогли бы заполучить меня в другом случае? – вызывающе улыбнулась она.

– Сейчас, Энни, я готов заполучить тебя любыми способами где угодно!

Они оба рассмеялись, но тут же стали серьезными, потому что оба говорили правду. Они неотрывно смотрели друг на друга, пока какая-то танцующая пара не налетела на них и не вернула к реальности происходящего. Люсьен снова принял на себя вид скучающего Денди, а Энни мило улыбалась всем вокруг. Когда музыка прекратилась, он склонился к ее уху и прошептал:

– Давай встретимся в саду у статуи безымянной женщины. – С этими словами он поклонился ей и вышел из зала.

Энни должна была сопровождать тетю к столу, но выскользнула через боковую дверь и побежала в сад. По пути она заметила три пары, которые предпочитали любовные

свидания ужину и целовались при луне в саду Роуздауна. Она понятия не имела, где находится статуя, о которой говорил Люсьен, и просто устремилась в глубь чащи.

Наконец, отбежав довольно далеко от последней парочки, она заметила старинную статую, которую, казалось, вывезли с раскопок античной итальянской виллы. Это была женщина в короткой тоге с распростертыми объятиями. На ее каменном лице застыло страстное желание. Энни замерла и какое-то время любовалась статуей, пока чья-то рука не обвила ее за талию и не увлекла в кусты. Энни оказалась наедине с Люсьеном, окруженная молчаливым камнем и немой листвой.

– Ты не кричала, – сказал он, привлекая ее к себе.

– Я знала, что это ты. Ты единственный мужчина, который всегда хватает меня в темноте. – Она обвила его руками за шею. Лунный свет сквозь густую листву играл на его лице. Сначала он улыбался, но вдруг перестал.

– Я должен был еще раз увидеть тебя, обнять, прежде чем...

– Прежде чем что? – обмерла Энни.

– Прежде чем наступит рассвет, – вздохнул он.

– Этой ночью должно произойти что-то важное?

– У меня всего несколько минут, Энни. И я не хочу потратить их на разговоры.

Прежде чем она успела ответить, Люсьен поцеловал ее. Его губы были горячими и твердыми, а поцелуй более

страстным и требовательным, чем обычно. Она всем сердцем отзывалась на его страстность, прижавшись к нему всем телом и каждой клеточкой ощущая его тепло.

Он задохнулся от волнения и, подхватив ее за талию, поднял и стал покрывать поцелуями шею и грудь. Она соскользнула ниже, и ее грудь оказалась в его жарких ладонях. Он ласкал и сжимал между пальцами ее соски.

Кровь кипела в ее жилах. Минута их поцелуя довела ее до умопомрачения и заставила все сильнее желать его. Судя по тому, что в штанах у него затвердел и напрягся мужской орган, он хотел ее с не меньшей силой.

Он снова поцеловал ее в губы, их языки соприкасались, доводя обоих до исступления. Она отвернулась и прошептала, чуть дыша:

– Несколько минут? Может быть, этого хватит, чтобы...

Он усмехнулся, но голос его дрожал:

– Нет, этого слишком мало, чтобы излить всю мою страсть, милая Энни. В другое время, в другом месте.

Она отстранилась и взяла его обеими руками за лицо.

– Да, Люсьен! В другое время, в другом месте. Обещай мне! – Она почувствовала, как на ее ресницах задрожали слезы.

Он напрягся и сразу же отстранился от нее, несмотря на то что она с жаром приникала к его груди.

– Пора возвращаться в дом. Кэтрин, наверное, уже тебя ищет.

– Я еще не хочу идти.

– Так надо. Иди, я посмотрю, как ты войдешь в дом. – Он легонько подтолкнул ее.

– Я люблю тебя, Люсьен.

– Спокойной ночи, Энни, – отозвался он, и его лицо поглотили ночные тени.

Она стиснула руки, стремясь передать в этом жесте все свое чувство, все волнение, весь страх за него. Его фигура растворилась во тьме, и она удрученно направилась к дому.

– Будь осторожен, – шептала она. – Возвращайся ко мне.

Люсьен видел, как Энни благополучно добралась до дома и, вероятно, присоединилась к тете за ужином. Господи! С ее уходом, казалось, у него отняли часть души. Он хотел бы дать ей обещание, которое она просила; ему было больно видеть ее в такой тревоге. Но через минуту они должны были встретиться с Боденом в условленном месте, откуда он через убранную плантацию тростника должен был отвести его в Бокаж. Люсьен очень хорошо отдавал себе отчет в том, что от того, как развернутся события в ближайшие несколько часов, зависит его будущее... их с Энни будущее...

* * *

Когда подали ужин, Кэтрин стала искать Энни, но безуспешно. Она видела, как Энни танцевала с Люсьеном. Как они притворялись равнодушными друг к другу. Кэтрин по-

нимала, что для непосвященного взгляда Энни казалась лишь очередной целью для флирта такого искушенного кавалера, как Люсьен. Но к концу танца между ними возникла любовная игра, и Кэтрин видела, каких усилий им стоило сдерживаться.

Теперь она не видела ни одного из них в толпе гостей, спешащих занять места за праздничным столом. Она с некоторой долей досады заключила, что молодые люди ускользнули куда-нибудь, чтобы отдаться своему чувству. Она готова была понять их нетерпение, но разве трудно было подождать один день? Хотя Люсьен не посвящал ее в детали, она догадывалась, что сегодня он в последний раз выступает в роли Ренара. Кэтрин знала, что его акция связана с Боденом и что она довольно рискованна. Может быть, поэтому Люсьен захотел увидеться с Энни наедине? Может быть, он допускает, что это их последняя встреча.

– Миссис Гриммс?

Кэтрин обернулась на раболепствующий голос у себя над ухом. Он принадлежал одному из ливрейных лакеев Бувьеров, молодому человеку, одетому в белую накидку и суженные на коленях бриджи. Он протянул ей поднос, на котором лежала записка. Кэтрин взяла ее дрожащими пальцами. Она решила, что это новости о Реджи. Развернув записку, она прочла ее, и в тот же миг кровь отхлынула от ее лица.

Лакей подхватил ее под руку, заметив, как она покачнулась. Благодарная за поддержку, Кэтрин улынулась и с жад-

ностью глотнула воздуха. Нельзя было терять ни минуты. Реджи нуждался в ее помощи. У него была желтая лихорадка.

* * *

Джефффри стоял в темном углу, скрестив на груди руки. Он наблюдал за Энни весь вечер. Он был наряжен мертвецом – лицо густо намазано меловой пастой, глаза подведены и углублены черной краской, губы ярко-красные, фигура от головы до пят скрыта под темным плащом. Он был похож на живой труп, на саму смерть.

Он видел, как Энни и Делакура смотрели друг на друга во время танца. Он видел, какие взгляды бросала на него Энни весь вечер. И еще он заметил, как она выскользнула из дома, чтобы встретиться с ним в саду. Он даже пошел за ней следом и, оставаясь невидимым, слышал, как она обнималась и целовалась с Делакура в тени деревьев. Сомнений быть не могло в том, что они любовники. Эта девчонка пару раз позволила ему поцеловать себя, а, судя по звукам, доносившимся из кустов, Делакура имел полный доступ ко всем ее прелестям!

Он сгорал от ненависти и ярости, и эти чувства отразились на его лице, от чего он выглядел еще ужаснее. Никто не подходил к нему. Креолы отличались суеверностью, поэтому не осмеливались приблизиться к нему ни на шаг. Он

мрачно улыбался. Может быть, они действительно считают его вставшим из могилы мертвецом, вышедшим из ада, чтобы предупредить некоторых нечестивых грешников о грядущей смерти и возмездии.

Карнавальный костюм соответствовал его сегодняшнему настроению. Если все пройдет так, как он задумал, то сегодняшняя ночь окажется последней для Ренара. И для Делакура. Джеффри до крови прикусил губу. Как он мог так долго оставаться в неведении? Теперь он знал правду. Энни не была влюблена в двоих мужчин одновременно. Делакура и Ренар – один и тот же человек.

Он снова улыбнулся, не так мрачно. Но такая улыбка не красила его лицо. Он направился к входной двери и с удивлением увидел, как Кэтрин Гриммс опередила его с явной тревогой на лице. Снаружи пожилой господин помог ей сесть в экипаж, и она стремительно умчалась прочь. Джеффри стало любопытно, но он не мог нарушить договоренность с представителями новоорлеанской национальной гвардии. Он приказал подать своего коня, сел в седло и развернул его к западу, где лежало поместье Бокаж.

Глава 20

Освещая путь тусклым фонарем, Люсьен и Боден пробивались по заболоченному полю в молчании, каждый был погружен в свои мысли. Боден, вероятно, предвкушал встречу с молоденькой рабыней, обещанной ему Люсьеном. Люсьен снова и снова прокручивал в мозгу свой план, тщательно обдумывая каждую деталь. Ничто, казалось, не предвещало опасности. В качестве последней меры по обеспечению безопасности он решил помолиться. «Господи, помоги мне совершить последнюю акцию в деле освобождения рабов. Спаси и сохрани меня, позволь дожить до счастливого будущего с Энни».

От хижин рабов их отделяло всего несколько ярдов. Рабы, которые работали в доме, жили рядом с особняком, а те, что работали в поле, помещались в бараках неподалеку от плантации. Люсьен выбрал стоящую особняком хижину, чтобы сыграть свою злую шутку с Боденом.

Когда они подошли к двери хижины, Боден остановился и оглянулся на Люсьена. Свет фонаря отбрасывал тени на лицо Бодена, подчеркивая глубокие морщины, вызванные беспорядочной жизнью, отягощенной излишествами.

– Это здесь?

– Да.

– Внутри нет света.

- Я же сказал тебе, что не хочу, чтобы другие рабы узнали.
- Если она будет кричать, они все равно узнают.
- Это правда. Но вдруг она не закричит.

Эта мысль показалась Бодену увлекательной, и он смело шагнул вперед. Подняв щеколду, он осторожно приоткрыл дверь и через плечо взглянул на Люсьена:

– Ты ведь не собираешься простоять здесь всю ночь? У меня ведь будет столько времени, сколько я захочу?

– Сколько захочешь. – Люсьен широким жестом развел руки.

Боден хмыкнул, открыл дверь и вошел внутрь. Люсьен ждал. Меньше чем через минуту он услышал тяжелый хлопок, а затем звук падающего на пол тела. Он улыбнулся и вошел в хижину.

Арман стоял над безжизненным телом Бодена, сжимая рукоятку массивной сковороды. Люсьен поморщился, оценив размеры и вес его оружия.

– Надеюсь, ты не убил его.

– Конечно, нет. Я рассчитал место и силу удара. Он будет без сознания несколько часов, этого достаточно, чтобы привести наш план в исполнение.

– Где сумка? – огляделся Люсьен.

– Под матрасом. Если что-то пойдет не так, как мы рассчитываем, я не хочу свидетелей.

– Хорошо. – Люсьен развязал пеньковый мешок. – Мне не нравится эта часть плана. На нем должны остаться следы.

Арман недовольно кивнул.

– Но пока горит фонарь, нам не обязательно его видеть.

– Это правда. Полагаю, мы должны быть благодарны за некоторые услуги, не так ли?

– У нас мало времени, *mon ami*. Лучше поторопиться.

– Да, – ответил Люсьен и склонился над мешком.

* * *

Энни наблюдала за происходящим из-за толстого ствола платана. Она шла по пятам за Люсьеном с тех пор, как он покинул задворки Роуздауна. Она неотступно следовала за ним и Боденом по направлению к Бокажу. Она видела, как Боден вошел внутрь хижины и через минуту Люсьен последовал за ним. Хижину изнутри освещал тусклый фонарь, но на окнах были плотные занавески. Она решила подождать и посмотреть, что будет. Ей не хотелось ставить под угрозу план Люсьена, в чем бы он ни состоял. Она просто хотела быть поблизости, если понадобится ее помощь.

Прошло около пятнадцати минут, прежде чем дверь хижины открылась и появились Люсьен и Арман, которые несли огромный куль. Энни прикусила губу. Без сомнения, это было безжизненное тело массивного мужчины!

Господи, неужели они убили его! Они убили Бодена! Энни знала, что Ренар намерен прекратить бесчинства Бодена, но не предполагала, что он зайдет так далеко.

Они понесли тело к задней стене хижины. Фонарь, висевший на локте Армана, освещал им путь и частично его лицо. Люсьен был полностью в темноте. Они передвигались на удивление быстро, учитывая тяжелую ношу, и вскоре оказались на расстоянии нескольких ярдов от хижины в тени кипарисов.

Энни кралась за ними, оставаясь на том же безопасном расстоянии, что и прежде. Ветки цеплялись за ее юбку и рвали ее в клочья, хвоя царапала ей лицо и руки, влажные листья залепляли глаза, насекомые тучами вились над головой, как канюки вокруг трупа. Каблуки ее балльных туфель утопали в глине. Если бы они не были привязаны к щиколоткам лентами, она наверняка давно потеряла бы их.

Энни догадывалась, что они уже совсем близко от заболоченной бухты. Она предполагала, что Люсьен собирается закопать Бодена где-то поблизости или отдать на съедение аллигаторам. От этой мысли ее затошнило. И вдруг они остановились. Она услышала тихое конское ржание. Люсьен и Арман что-то прошептали друг другу, после чего явно с усилием приподняли свою ношу. Они укладывали Бодена на спину лошади? Зачем им везти его куда-то?

Лунный свет почти не пробивался сквозь густую листву, да и шпанские мушки вились тучами, мешая что бы то ни было разглядеть. От фонаря, который нес Арман, тоже было мало проку: его скудный свет лишь сгущал тени.

Она вдруг поняла, что там, в темноте, не одна лошадь, а

по меньшей мере три. Фонарь освещал четыре конских копыта, но контуры остальных хорошо различались. Она слышала, как хлюпают копыта в грязи, как звякает сбруя. Арман и Люсьен сели на лошадей, у Армана в руке был повод от коня, на котором лежало тело Бодена. Они повернули и быстро поскакали на север, настолько быстро, насколько позволяли заросли кипарисов.

Энни не сразу осознала, что оказалась в полном одиночестве среди дикого леса, кишашего змеями и аллигаторами. Ей не пришло в голову окликнуть Люсьена. Она словно окаменела от неожиданности. Ее поразило то, что Люсьен оказался способен на убийство...

Если бы она не испытывала страстного желания дожить до преклонного возраста и отвращения к существам, которые могут внезапно схватить человека за ногу, она еще долго стояла бы без движения, размышляя над тем, что в свете последних событий ее отношения с Люсьеном изменятся. Но она решила действовать по-другому и направилась к хижинам.

Она быстро пошла вперед и с облегчением вздохнула, когда увидела перед собой просвет между деревьями. Однако ее облегчение тут же бесследно исчезло. Она увидела вереницу коней, медленно продвигавшихся по некогда засаженному тростником полю. Она не могла как следует рассмотреть всадников, но сомнений быть не могло в том, что это полиция. Она насчитала пять человек. Как они узнали, что

Люсьен запланировал на сегодняшнюю ночь кровавое убийство? Неужели предатель, который затесался в ряды его сторонников, сообщил об этом властям, и теперь Люсьена на долгие годы упекут в тюрьму?

Они заметили ее; она слышала, как они стали беспокойно переговариваться, когда подъехали ближе. Она замерла в напряженном ожидании. Вдруг один всадник отделился от остальных и направился к ней. Капюшон его плаща откинулся назад. Его неестественно белое лицо устрашающе сияло в темноте. Энни чувствовала, как сердце замерло у нее в груди. Она видела перед собой маску смерти. В мозгу у нее пронеслись мысли о покойниках, колдунах и прочей нечисти. Мертвец улыбнулся ей.

– Привет, Энни, – сказал он голосом Джефффри. – Вышла прогуляться?

– Джефффри, что ты здесь делаешь?

– Я первый задал вопрос.

– Ты привел сюда полицию? – Она прищурилась. – Зачем?

– Как будто ты не знаешь, – вполголоса ответил он и обернулся к офицеру: – Это мой друг. Я посажу ее к себе на лошадь. Опасно оставлять ее здесь одну.

– Вы не думаете, что еще опаснее будет взять ее с собой? – спросил офицер, приближаясь к ним.

– Нет, я позабочусь о том, чтобы ей не причинили вреда, – сказал Джефффри.

Энни не сомневалась в том, что он так и поступит. Джефф-

ффри прежде всего заботился о том, чтобы самому оставаться вдалеке от опасности.

– Кто вы, юная леди? – спросил офицер, который возглавлял отряд.

– Энни Уэстон, – ответила она.

– Что вы делаете здесь посреди ночи?

– Я была на балу у Бувьеров, – начала она, но тут же замолчала, потому что не знала, как объяснить свое присутствие в окрестностях поместья Бокаж.

Джефффри, который был более искусным лгуном, чем она, пришел на помощь и обеспечил ей алиби:

– Я тоже присутствовал на балу еще несколько минут назад и могу это подтвердить. Не волнуйтесь, мисс Уэстон. Я видел, как вы ушли с молодым человеком в красном домино и полумаске, не так ли? – Он обратился к офицеру: – Обычное любовное свидание, сэра, а теперь этот парень оставил ее и скрылся в неизвестном направлении. Разве не так, мисс Уэстон? Кстати, Энни, этого джентльмена зовут лейтенант Дьютиллет.

Энни решила, что лучше подтвердить историю Джефффри, чем отрицать ее. Она горделиво приподняла подбородок:

– Да, он оказался проходимцем. Но я ударила его в глаз.

– Прекрасно, мадемуазель! – сказал лейтенант со смехом. – Сажайте ее на лошадь, Уиклифф. Мы теряем драгоценное время.

Джефффри протянул ей руку, и Энни пришлось воспользо-

ваться его помощью, чтобы влезть на лошадь. Она оказалась в седле перед ним, и Джефффри обнял ее за талию одной рукой. Несмотря на то что ей было неприятно ощущать Джефффри очень близко, она понимала, что так у нее больше шансов помочь Люсьену. Джефффри, несомненно, оказался предателем и теперь ведет полицию к Ренару. Впрочем, она не понимала, что именно хочет обнаружить полиция. Неужели Люсьен запланировал сегодня не только убийство, но и побег рабов?

– Значит, Джефффри, ты решил получить правительственную награду? – спросила она, пока они медленно, крадучись пробирались по густому лесу.

– Я ведь не могу заполучить тебя, – ответил он, крепче прижимая ее к себе.

– Так вот что тебе было нужно? Мои деньги?

Он ласкал ее за талию, касаясь большими пальцами области под грудью.

– Я хотел больше, чем просто деньги. Но твое приданое сыграло не последнюю роль в моей любви к тебе.

Она оттолкнула его руку и схватилась за лук седла, чтобы сохранить равновесие.

– Я думала, что ты герой. Я думала, что ты на стороне Ренара.

– Да, так и было. До тех пор, пока он не переспал с тобой.

– Не понимаю, откуда у тебя взялась эта смешная идея, – презрительно хмыкнула она.

– Мои подозрения подтвердились сегодня вечером.

– Что ты имеешь в виду?

– Не важно. Совсем скоро все мои подозрения подтвердятся, и тогда ты пожалеешь о том, что держала меня за дурака, Энни. Жаль, что ты настолько, чиста и непорочна, что не можешь простить мужчине некоторую амбициозность, некоторое несоответствие твоим напыщенным вкусам.

Энни не знала, что ответить. Он был прав. Она не могла простить ему ничего, особенно теперь. Она думала о том, знает ли Джеффри, что Ренар и Люсьен – один и тот же человек. Ведь он догадался, что она спала с Ренаром, но заметил ли он, что она убежала с бала вслед за Люсьеном? Знает ли он, что она проследила за ним и Боденом до самого Бокажа? Догадался ли он сложить эти два факта и таким образом выяснить правду?

– Интересно, какие свои подозрения ты собираешься подтвердить сегодня ночью? – поинтересовалась она небрежно, желая вызвать его на откровенность.

– Скоро узнаешь, – разочаровал он ее своим ответом. – А теперь сиди тихо. Мы подъезжаем.

Они оказались в заболоченной бухте позади хижин рабов. Никто не зажигал фонарей. Единственным освещением был лунный свет, отражавшийся от серой, мутной глади воды. Несколько минут назад Люсьен и Арман уехали в этом направлении. Где они теперь? У нее сжалось сердце. И с чего Джеффри взял, что она будет сидеть молча, если Люсьен по-

кажется на виду у полиции? Она предупредит его об опасности, как и раньше, даже невзирая на риск оказаться в тюрьме самой.

Всадники молча, не стовариваясь рассеялись, как будто оговорили стратегию заранее. Они заняли какую-то определенную позицию и стали ждать. Но чего? Господи, как она жалела о том, что Люсьен не доверился ей!

Все вокруг, даже лошади, превратились в неподвижные, каменные изваяния. Энни тоже не шевелилась, надеясь убедить всех в своей безобидности. В тишине особенно четко раздавались лесные звуки: ритмичное кваканье лягушек, нескончаемое жужжание насекомых, шорох речных волн, накатывающих на берег. Воздух был теплым, влажным и пахучим.

Вдруг где-то на берегу послышалось какое-то движение. Лейтенант приподнялся в седле и поднял руку вверх, напрягшись, как змея, готовая броситься и укусить. На противоположном берегу узкой реки показался темный силуэт коня. Неужели это Ураган?

Энни раскрыла рот, чтобы закричать, но Джеффри ладонью зажал ей нижнюю часть лица и привлек к себе. Она сопротивлялась, но его рука оказалась сильнее, чем она предполагала. Всадник выехал на открытое место. Это был Ренар!

Рука лейтенанта резко опустилась, это был знак атаковать. Лошади вспенили водную гладь неглубокой речки. Энни ви-

дела, как Ренар круто развернул коня и бросился в чащу леса, но, имея за спиной четырех преследователей, у него было мало шансов уйти от погони. Некоторый шанс давало ему искусство маневрировать среди лесных зарослей. Но их было много, и они могли его окружить.

Отряд полиции переправился через реку и скрылся в лесу на противоположном берегу. Только тогда Джеффри убрал руку с ее рта и пустил своего коня вперед медленным шагом. Энни вздрогнула, когда раздались первые pistolетные выстрелы.

– Мы ведь не хотим оказаться слишком близко к театру военных действий, пока это опасно, не так ли? Но я не могу отказать себе в удовольствии увидеть, как его свяжут. Очень хочется посмотреть ему в глаза!

Энни ничего не ответила. В горле у нее пересохло от волнения и страха. Как она ненавидела Джеффри в этот момент! Если Люсьена убьют, то по его вине. Она давно прыгнула бы с его лошади, если бы не хотела отстать от полиции. Хотя ночь была теплой, ее бил озноб. Ненавидя себя за беспомощность, она закрыла глаза и стала молить Бога, чтобы Люсьену удалось скрыться от погони.

Они пересекли речку и не успели отъехать очень далеко, как их взору открылась сцена, которой Энни опасалась больше всего на свете в продолжение последнего часа. Кто-то зажег фонари, и все вокруг осветилось ярче, чем днем. Теперь Энни могла увидеть лица всех полицейских, посланных в по-

гоню. Они спешили и сомкнулись в круг, пригнув головы и пристально вглядываясь в кого-то или во что-то на земле. Лейтенант даже встал на колени.

Самые страшные опасения Энни вырвались на поверхность, и она закричала: «Нет!» Она соскочила с лошади и бросилась туда, где сгрудились мужчины в форме. Она должна была увидеть, что они сделали с ее любимым Люсьеном...

Энни часто моргала из-за слез, склонившись над неподвижным телом, окутанным ночным мраком с головы до пят. В ее голове все смешалось, способность различать предметы пропала, она едва могла дышать.

– Он все еще жив, – услышала она слова лейтенанта, и сердце у нее забилося быстрее. – Хотя его очень сильно ударили. К счастью, не перебили позвоночник. – Он провел рукой по спине бездыханного тела.

Энни поняла, что в него не стреляли, а рана на голове вряд ли может оказаться серьезной и угрожать его жизни.

– Снимите с него маску, – сказал Джеффри. Он подошел к Энни вплотную и теперь стоял над ней. Остальные возбужденно требовали того же. Энни понимала, что как только они снимут с него маску, все будет кончено. Она больше никогда его не увидит. У нее задрожали ноги, она едва не лишилась чувств. Один из полицейских стал развязывать на нем маску. Через мгновение все издали единодушный вздох изумления.

– Господи! – прошептал один из полицейских. – Шарль Боден! Кто бы мог подумать!

У Энни подогнулись колени, и Джефффри вовремя подхватил ее за талию.

– Полагаю, его репутация была лишь прикрытием для противозаконной деятельности, – сказал лейтенант. – Господи, если бы я не увидел этого собственными глазами, то ни за что не поверил бы! Вы все свидетели. Бодена не сразу можно будет судить, но мы постараемся, чтобы возмездие нашло его. Провидение помогло нам заработать много денег, и, слава Богу, с угрозой нашему благополучию покончено. Теперь Ренар принадлежит истории.

Энни не могла предположить, что все закончится так восхитительно. Теперь все позади! Она вздохнула с облегчением, предвкушая грядущее счастье. Силы вернулись к ней, и она оттолкнула Джефффри. Она видела, как Бодена перебрались через седло лошади, которая оказалась вовсе не Ураганом. Она слышала, как вооруженные люди поздравляли друг друга с тем, что наконец-то смогли поймать Лиса.

Энни давно должна была предположить, что человек в черном, лежащий на земле, не может быть Люсьеном. Боден был примерно такого же телосложения, но гораздо тяжелее и не так хорошо сложен. Она была слишком встревожена, чтобы сразу здраво оценить ситуацию. Более того, она понимала, что Люсьен находится где-то поблизости, потому что именно он замыслил такую мистификацию.

Погруженная в свои мысли, Энни совсем забыла о Джефффри. Теперь, когда полицейские снова сели верхом на ло-

шадей, фигура Джеффри выделялась на фоне ствола дерева. Его глаза под маской сверкали нездешним огнем, и она чувствовала, как все его существо исторгает нечеловеческую ненависть. От этого ощущения холодок ужаса пробежал по ее спине.

Она отвернулась и тут же встретилась взглядом с лейтенантом, который смотрел на нее с коня.

– Только один вопрос, мисс Уэстон, – сказал он. – Почему вы попытались закричать? Вы как-то связаны с этим разбойником? Может быть, вы одна из его почитательниц? – Он указал в сторону Бодена, чье обмякшее тело было переброшено через луку седла.

– Связана с этим человеком? Ну нет. – И ее ответ прозвучал настолько искренне, что не оставил сомнения ни в ком.

– Понятно. Тогда, возможно, вы закричали потому, что испугались за своего ухажера?

– За моего... ухажера?

– Да, за того, кого вы наградили синяком под глазом. Полагаю, вы все же беспокоитесь о нем, хотя и не хотите этого признать.

Энни убедительно изобразила девичье смущение, опустив глаза и склонив голову. Лейтенант хмыкнул и обратился к Джеффри:

– Вы отвезете ее домой?

– Конечно, – ответил Джеффри.

Энни с ужасом посмотрела вслед лейтенанту, который по-

вел свой отряд через лес к городу. Она хотела умолять его не оставлять ее наедине с этим монстром, в которого превратился Джеффри, но понимала, что он найдет способ оправдаться, будучи припертым к стенке. Он ненавидел ее больше, чем когда бы то ни было, и она догадывалась почему...

Она медленно обернулась и прямо взглянула ему в лицо. За его спиной горел фонарь, и Джеффри подступил к ней ближе, войдя в круг света. Грим на его лице потек от пота, который был вызван бешеной скачкой, и теперь он выглядел просто страшно.

– Ты ведь знаешь, да?

– То, что они поймали не того?

– Того или нет – вопрос точки зрения. Боден – насильник и жестокий рабовладелец. Он заслуживает того, чтобы провести за решеткой остаток дней, – ответила Энни, с достоинством приподняв подбородок.

– Но мы оба знаем, что он не совершал тех преступлений, за которые будет осужден, – сказал Джеффри, скрестив на груди руки и угрожающе подступая к Энни.

– Преступления Ренара оправданы человеческими законами, – ответила она смело, стараясь не дать ему заподозрить себя в трусости. – Я вообще не стала бы называть его действия преступными И, насколько я помню, раньше ты бы тоже не стал.

– Но теперь я ненавижу его. – Он безвольно опустил руки. – Он все еще герой. В твоих глазах он идеал для подража-

ния и преклонения. Ты принесла ему самую дорогую жертву – саму себя. И теперь он уходит безнаказанным. – Он запрокинул голову и рассмеялся: – Подумать только, Делакруа – это Лис! Он действительно очень умен. Никто не заподозрил его в этом, и никто бы не догадался о том, что это так. Боден стал для него прекрасной мишенью. Теперь он расплатится за все его противозаконные действия.

– Ты ведь не расскажешь об этом никому?

– Кто поверит мне после такого искусно разыгранного театрального действия?

– Но у тебя будет награда за его поимку и шанс написать захватывающую статью в газету.

– Но мне этого мало. – Он подступил ближе. – Это правда, у меня есть сюжет для истории. Но никто не станет восхищаться мной за то, что я разоблачил Ренара. Полицию станут восхвалять за то, что она наконец поймала Ренара. А меня все воспримут как перебежчика. Получается, что я помог поймать человека, чью жизнь спас две недели назад. Понимаешь, в какой безвыходной ситуации я оказываюсь? Мне ведь больше никто никогда не поверит. Моя честность будет поставлена под вопрос.

– И не напрасно, – не смогла удержаться от замечания Энни.

– Да, я возьму деньги, которые полагаются как вознаграждение, а потом мне придется снова карабкаться на вершину. И я сделаю это.

– Тогда ты будешь совершенно доволен собой.

– Нет, Энни. Я не буду доволен, пока не получу последнее. Того, что имел Ренар, того, что имеет Делакруа, того, что я хочу больше всего на свете, – тебя.

– Джеффри, я ведь сказала тебе, что не люблю тебя. Я даже...

Он рассмеялся хриплым и холодным смехом:

– Мне не нужна твоя любовь. – Он бросился к ней, ломая ей руки и впиваясь ногтями в нежную кожу.

Энни помертвела от страха.

– Мне нужно от тебя только это, – прохрипел он и грубо вжался губами в ее уста.

Глава 21

Энни плотно сжала губы и стиснула зубы, но Джеффри жадно протиснулся языком ей в рот. Энни почувствовала, что находится на грани обморока. Он сжал ее с такой силой, что она не в состоянии была шевельнуться. Единственное, что она могла сделать, – это отворачивать в сторону лицо. Но он лишь смеялся и прижимал ее спиной к дереву.

– Мы уже слишком много целовались, мой маленький ангел, – прохрипел он, обжигая дыханием ее лицо. – Я хочу получить немного из того, что ты давала Делакруа в саду. Или Ренару, как тебе угодно? – Он рассмеялся. – Ты ведь любишь мужчин в масках, не так ли? Вот тебе прекрасный повод доказать это.

Он заломил ей руки за спину, так что она вскрикнула от боли, и держал оба ее запястья одной рукой. Другой рукой он сильно сжал ее грудь. В порыве отчаяния она ударила его коленом между ног. Он взвизгнул, как побитая собака, но не выпустил ее. Вне себя от ярости, он разорвал платье Энни и обнажил ее восхитительную грудь.

Энни зажмурилась и взмолилась о том, чтобы Люсьен спас ее, как когда-то в переулке. Где он сейчас, когда так ей необходим? Джеффри был одержим. Она боялась не изнасилования; она боялась того, что он в конце концов убьет ее...

И вдруг раздался залихватский посвист «Ио-хо», и Джефф-

фри отбросило от нее как соломинку. Энни открыла глаза. Люсьен, одетый как Ренар, но без маски, прижал Джефффри к стволу за горло. Джефффри с трудом мог дышать; его жуткое лицо с поползшим гримом в свете фонаря стало еще ужаснее. Он задышался.

– Пожалуй, тебя следует убить, ублюдок, – вымолвил Люсьен.

Джефффри стал хвататься за его руки, чтобы получить хотя бы глоток воздуха.

– А, ты не хочешь умирать? Но леди не нравится то, что ты уделяешь ей слишком много внимания. Ты ничуть не лучше, чем Боден, – с отвращением вымолвил Люсьен.

Энни прикрыла обнаженную грудь обрывками материи и увидела, как краснота на лице Джефффри сменилась мертвенной бледностью. Его ресницы часто заморгали.

– Господи, Люсьен, отпусти его! – прошептала она. – У него губы синеют! Ты убьешь его!

– Нет, он просто готовится перейти в новую жизнь, – ответил Люсьен мрачно. – Но прежде чем это произойдет, я хочу ему кое-что сказать. Как, Уиклифф, ты готов меня выслушать?

Глаза Джефффри налились кровью, но он кивнул. Люсьен выпустил его, и он прижался спиной к стволу, жадно глотая воздух. Люсьен молча смотрел на него, а потом сказал:

– Я хочу, чтобы ты убрался из Нового Орлеана. Нет... из страны.

– С радостью, – прошептал Джефффри. – Я уеду завтра же вечером. Мне не нужно больше ничего ни от тебя, ни от нее.

– Запомни, что ты сказал, – сурово предупредил его Люсьен. – Если ты обронишь хоть слово, которое может повредить репутации Энни, я убью тебя. Если ты нарушишь свое обещание, я буду преследовать тебя и в конце концов уничтожу. Ты понял меня, Уиклифф?

Он взглянул на Люсьена, потирая распухшее горло, и с неохотой кивнул. Бросив взгляд на Энни, он вскочил в седло и поскакал по направлению к городу.

Энни снова оказалась в объятиях Люсьена. Она уткнулась головой ему в грудь и тихо пробормотала:

– Откуда ты взялся?

Он взял ее за плечи и отстранил от себя, чтобы взглянуть ей в лицо. Он положил ее голову себе на плечо и кивнул в сторону деревьев:

– Оттуда.

– Ты все время был там?

– Да.

– Ты видел полицию и все, что происходило.

– Да, все.

– Тогда почему ты так долго не приходил? – Она нахмурилась. – Ты ведь видел, что Джефффри идет по пятам за тобой.

– Милая Энни, – снисходительная и отчасти извиняющаяся улыбка скользнула по его устам, – я всего лишь человек. Я оказался в ситуации, когда ничего нельзя было сделать. Я

следил за Джеффри, но если бы он почувствовал мое присутствие, то я оказался бы в беспомощном положении.

– У Джеффри был пистолет? – удивилась Энни.

– Да, у правого бедра.

– Но почему он не достал его сейчас?

– Я отобрал у него пистолет прежде, чем прижал к дереву.

Он у меня в заднем кармане.

– Слава Богу! – воскликнула Энни.

– Да, и слава Богу, что ты не стала подставляться под пули на этот раз. Вероятно, у тебя есть ангел-хранитель, который занят только тем, что спасает тебя от смертельной опасности. Как тебе удалось выследить меня сегодня? После того как мы расстались в саду, я видел, как ты вошла в дом. Откуда ты взяла, что я затеял какое-то дело?

Энни открыла рот, чтобы объяснить, но Люсьен приложил ей палец к губам, заставив ее замолчать.

– Не важно. Я догадываюсь, что ты приведешь тысячу оправданий. Мне не интересно их слушать. Ты возбуждаешь меня безо всяких объяснений.

Энни не могла сдержать улыбку. Уголки ее губ дрожали. Она расслабилась, как никогда прежде.

– Ты невероятный, восхитительный мужчина, Люсьен Делакруа.

– Просто мужчина? Не герой? – Он приподнял бровь. – Разве я для тебя не идол, как предполагал Уиклифф?

– Ты всегда будешь моим любимым героем, – ответила она

и нежно поцеловала его.

– Даже без маски и без романтического костюма? – спросил он.

– Неужели ты думаешь, что Ренар – это все, что я люблю в тебе?

– Такая мысль приходила мне в голову, – отозвался он.

– Тогда ты – дурак! – насмешливо отозвалась она, смахивая слезы с глаз. – Неужели ты так и не понял, что я – против своей воли – влюбилась в Делакруа?

– Но ведь он светский щеголь, – смущенно улыбнулся Люсьен.

– Знаю, – призналась она. – Но вы оба, соединившись вместе, создаете образ очень привлекательного мужчины.

– Но несовершенного, – хмуро заметил Люсьен.

– Несовершенного мужчины, который вполне пригоден для меня, – ответила Энни и обняла его обеими руками за широкие плечи.

– Значит, ты не приносила никакой жертвы тогда, в хижине, как уверял меня Уиклифф? – глухим голосом спросил Люсьен.

– Господи, ну, конечно же, нет! Для меня это было в порядке вещей.

– И в экипаже тоже?

– Я пожертвовала некоторым комфортом, но была вознаграждена за это сторицей, – лукаво улыбнулась она.

Он рассмеялся и снова заключил ее в объятия. Затем от-

странил и, обеими руками обхватив ее голову и приподняв лицо, поцеловал в губы. Между ними пробежала искра нежной страсти. Энни почувствовала, как учащенно забилося ее сердце, колени подогнулись. Поцелуи Люсьена всегда доводили ее до умопомрачения, но сегодня в них ощущалось нечто особенное. В том, как он обнимал ее, чувствовалось благоговение. Она ощущала себя бесценным сокровищем в его руках, которым восхищаются и которое... любят?

Они отодвинулись друг от друга. Люсьен поглощал жадным взглядом ее лицо, волосы, грудь, частично обнаженную из-за того, что платье было порвано. Он снял большим пальцем слезинку, которая покатилась по ее щеке, когда она закрыла глаза и подставила губы для его поцелуя. Наконец их глаза встретились.

– Милая Энни, мой непослушный ангел... как я люблю тебя!

Сердце в ее груди рванулось ввысь, как выпущенная на свободу из клетки птичка. Как долго она ждала этих слов! Как сильно ей хотелось их услышать! Теперь она знала, что он ее любит. Она уткнулась лицом ему в грудь и улыбнулась, слезы счастья хлынули из ее глаз. Люсьен просто обнимал ее, покачиваясь из стороны в сторону.

В таком положении их и застал Арман – ангел и разбойник стоят обнявшись посреди кипарисовой чащи. Он вел на поводу коня Люсьена. Люсьен удивленно поднял на него глаза:

– Арман, разве мы не условились встретиться у расщеп-

ленной ивы? Что-то случилось?

– Oui, mon ami. – Арман покосился на Энни. – Кэтрин прислала весточку. Энни нельзя возвращаться домой.

– Что стряслось, Арман? Что с дядей Реджи? Ему хуже? – Энни замерла в объятиях Люсьена.

– Да, у него желтая лихорадка, – сурово кивнул тот.

Энни зажала рот рукой, чтобы не разрыдаться в голос. Она была слишком потрясена, чтобы вымолвить хоть слово. У Реджи желтая лихорадка? Она знала, насколько серьезна эта болезнь, от которой умерло множество людей. Ее стала бить нервная дрожь. Вынести все это невозможно! Как только она предположила, что все те, кого она любит, наконец в безопасности, должно же было случиться такое несчастье! Люсьен крепче обнял ее, понимая, что она нуждается в его поддержке.

– Ты поедешь туда, Арман? – спросил Люсьен.

– Конечно. Кэтрин очень просила меня об этом. А куда ты поместишь Энни?

– Сегодня я отвезу ее в хижину, а завтра в Бокаж.

Арман колебался. Десятки возражений против такого плана теснились у него в голове. Он высказал первое, что подвернулось:

– Твои родители будут там?

– Да, – ответил Люсьен. – Я очень хочу, чтобы они там были. Завтра утром они возвращаются в Бокаж на несколько дней, чтобы устроить помолвку Рене.

Энни недоумевала. Как он собирается представить ее своим родителям?

– Удачи тебе, Арман, – сказал Люсьен. – Передай Кэтрин, что я люблю ее.

– И я тоже, – добавила Энни. – Их обоих.

Арман кивнул и ускакал прочь. Люсьен обнял Энни за талию и повел ее к лошади. Ей нравилось ощущать рядом его сильное тело, с ним рядом она чувствовала себя в безопасности. Но ее счастье омрачалось тревожными известиями о болезни Реджи. Оставалось лишь пережить эту ночь в объятиях Люсьена и молиться об улучшении состояния здоровья дяди.

Переступив порог хижины, Энни была потрясена воспоминаниями об их первой ночи с Люсьеном две недели назад. С тех пор столько всего произошло. Она смотрела, как Люсьен зажигает свечи, и комнату постепенно залил мягкий, соблазняющий свет. Он был очень красив в простых черных брюках и белой рубашке. Неужели этот человек – невероятно сильный и красивый – действительно ее любит?

Люсьен обернулся и увидел, что Энни смотрит на него. Она выглядела очень слабой и беззащитной в изорванном в клочья маскарадном костюме, с помятыми крыльями и покосившимся нимбом. Но в ее глазах застыл немой вопрос, который наполнил его сердце состраданием. Он слишком долго держал в тайне свое чувство к ней, хотя она не испугалась первая заявить ему о своей любви. Однако до сегодняшне-

го дня, пока существовал Ренар, Люсьен не имел ни права, ни возможности полностью открыть ей свое сердце. Теперь следовало убедить Энни в том, что она для него не просто увлечение и что чувство его крепко и надежно.

– Иди сюда, Энни. – Он открыл ей свои объятия.

Она подошла и припала к его груди, как потерявшийся котенок.

– Ты, наверное, устала, chérie, – сказал он, снимая с ее головы нимб и ласково гладя по волосам.

– Да, немножко, – призналась она не шевелясь.

– Только сначала нужно принять ванну, да?

– Здесь? – Она изумленно подняла на него глаза.

– Конечно, – усмехнулся он. – Здесь есть все, что нужно. –

Он взял ее за руку и подвел к стулу. – Сядьте и отдохните, пока я приготовлю вам ванну, мадемуазель, – галантно поклонился он.

– Но, Люсьен... – Она смутилась.

– Никаких возражений, Энни. Я хочу это сделать для тебя. – Он предостерегающе поднял палец.

Она покорно замолчала и откинулась на спинку стула, улыбка играла на ее губах. Люсьен вытащил на середину комнаты большую ванну на ножках, разжег огонь в очаге и поставил нагреваться воду. Когда она стала достаточно горячей, он погасил огонь, чтобы в комнате не было слишком жарко. Затем достал из буфета кусок мыла и толстую, но короткую свечу. Энни не понимала, зачем ему такая странная

свеча, и особенно удивилась, когда он вышел на минуту и вернулся с большим цветком магнолии.

Люсьен установил свечу в центре соцветия, зажег ее и пустил плавать в ванну. Он также бросил туда кусочек мыла, и вскоре в воздухе распространился восхитительный цветочный аромат.

– Люсьен, это так романтично! – восторженно прошептала она.

– Это еще одна моя черта, которую ты раньше не знала, да? – усмехнулся он.

– Да, мне понадобится много времени, чтобы узнать, какой ты на самом деле, – призналась она. – Но думаю, мне понравится процесс изучения.

Ее глаза стали огромными от радостного предвкушения. Она решила, что Люсьен собирается изысканно соблазнить ее, но ошиблась. Он медленно и очень осторожно раздел ее, восхищенно любуясь обнаженным телом. Ему нравилось матовое сияние ее кожи, которая тут же покрывалась пупырышками от холода. Он видел, как твердели от возбуждения ее соски, но не прикасался к ней.

Люсьен положил ее в ванну и стал массировать уставшее тело, растирать напряженные мышцы, пока она полностью не расслабилась и не стала похожей на раскрывшийся цветок розы. Он намылил ей руки и ноги и помассировал ступни так, что она закрыла глаза от наслаждения.

После ванны он растер ее прохладной простыней из мягкого муслина и положил на кровать. Укрыв ее легким одеялом, он сел рядом и стал расчесывать ее спутавшиеся волосы. Сквозь полудрему Энни видела, как он разделся и тоже принял ванну. С трудом сдерживая возбуждение, Люсьен нырнул под одеяло рядом с ней. Он притянул ее к себе, и их чистые, горячие тела переплелись, словно всегда принадлежали друг другу. Энни уткнула голову ему в шею, под подбородок.

Несколько минут они пролежали молча, после чего Энни спросила тихо:

– Люсьен, ты спишь?

– Нет, – ответил он. Разве мог он заснуть рядом с ее восхитительно соблазнительным телом? Но после того кошмара, который им довелось пережить ночью, и зная о болезни Реджи, он не мог позволить себе склонить ее к занятию любовью.

– Давай поговорим немножко. Я не могу заснуть.

– Давай, если хочешь. Я думаю, что нам лучше отложить разговоры до утра, когда ты выспишься и отдохнешь.

Энни уперлась рукой ему в грудь и приподнялась. В свете свечей белели ее груди. Вопреки благородному решению не домогаться ее этой ночью он почувствовал, как возбуждается

помимо воли. Ее глаза сияли любовью... к нему. Это было невыносимо. И страшно возбуждало.

– Я вовсе не устала, – сказала она.

Черт побери, именно этих слов ему лучше было бы не слышать!

– Я хочу, чтобы ты рассказал мне о себе. О том, как ты стал Ренаром и почему. Здесь ведь дело не только в том, что ты не приемлешь рабство. Я думаю, что у тебя были еще какие-то личные причины, чтобы так основательно взяться за это дело.

Люсьен немного поостыл, но ненадолго. То, что она так хорошо понимала его, могла заглянуть в самые сокровенные уголки его души, лишь с новой силой возбуждало его любовь к ней. Детское воспоминание о том, как его заставили избить лучшего друга, всегда оставалось для него мучительным и болезненным, и ему хотелось, чтобы Энни знала об этом. Он мог поделиться с ней тем, о чем стал бы рассказывать только самым близким людям. Так он никогда не говорил ни с одной женщиной.

Он рассказал ей свою историю. Она слушала его внимательно, глядя на него печальными глазами. Она очень хорошо понимала, какое острое чувство несправедливости в душе маленького мальчика могли вызвать такие события.

– Что ты будешь делать теперь, Люсьен? Я думаю, что ты захочешь какими-то другими средствами бороться за ту идею, за которую сражался Ренар? – спросила она, глядя его

по груди.

Люсьен не собирался пока обсуждать с ней будущее. Но планы у него уже были. И они имели прямое отношение к Энни. Вот только подходящий ли сейчас момент, чтобы говорить о них? Стоит ли сейчас задать ей этот вопрос?

Она приподнялась и оперлась локтем о кровать, а подбородком в руку. Энни выглядела так привлекательно, так соблазнительно! Ее грудь касалась его бока, напрягшиеся соски прижимались к горевшей огнем желанием коже. Она задумчиво перебирала кончиками пальцев густые волосы на его груди.

– Энни, если ты не перестанешь так делать, я больше не смогу сдерживаться и наброшусь на тебя.

– А кто просит тебя сдерживаться? – улыбнулась она.

– Ты слишком устала и расстроена...

– Против всех напастей существует одно лекарство, которое может меня поставить на ноги, – сказала она. – Это твоя любовь.

Люсьен вздохнул и поднес к губам ее руку. Он поцеловал ее ладонь и удивился, услышав ответный вздох наслаждения. Он прямо взглянул в ее сияющие синие глаза:

– Энни, ты отдашь мне свою руку?..

– Ты и так уже ее держишь.

– ...и сердце? Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

– Замуж? – Она вдруг перестала улыбаться. – Ты хочешь, чтобы я стала твоей женой?

– Именно. Я никому никогда не говорил таких слов, – с горячностью добавил он. – Как ты думаешь, тебе понравится в Канаде?

– В Канаде? – переспросила она. – Ты хочешь поселиться в Канаде? Со мной?

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой, Энни, где бы я ни решил поселиться.

Она молча смотрела на него, словно не верила в то, что он говорит правду. Она заглянула ему в глаза, стараясь проникнуть в самую глубину его души. Его чувство слишком долго было скрыто от всех, но теперь вырвалось наружу, и она поверила ему. Но как мог страстный мужчина молчать о таком сильном чувстве?

Неподдельная радость озарила ее лицо.

– Мне ничего в жизни не хотелось сильнее, чем стать твоей женой, Люсьен, – ответила она дрожащим от волнения голосом. Она поцеловала его, и все их горести тут же были позабыты в нежных объятиях. Милая, милая Энни.

* * *

Кэтрин не помнила худшей ночи в своей жизни. На ее долю выпало много страданий – она потеряла трех мужей и ребенка, – но никогда на ее глазах никто не мучился от желтой лихорадки. А поскольку человеком этим был ее обожаемый Реджи, она чувствовала, что страшная болезнь убивает од-

новременно и его, и ее.

К тому времени когда поздно ночью приехал Арман, кожа Реджи пожелтела. Он метался в горячке под тонкой простыней, которой его накрыла Кэтрин, стонал и в бреду повторял два имени: Кэтрин и Энни.

Кэтрин думала, что ее сердце разорвется. Она тихо и ласково разговаривала с ним, протирала его лоб холодным полотенцем, смачивала губы водой. Арман приготовил лекарственную смесь из трав, которая помогла ему заснуть. Он считал, что лучшее, что они могут сделать для Реджи в период кризиса, – это сохранить его силы для борьбы с болезнью, сбить температуру и заставить заснуть. Кэтрин полностью доверяла Арману.

Реджи спал этой ночью спокойнее, хотя лоб его все еще был горячим. Арман дремал на стуле возле окна, подперев голову рукой. Прежде чем он оказался в этом доме, ему пришлось пережить беспокойную ночь. Ухаживая за Реджи, он рассказал Кэтрин о том, что было связано с Боденом и полицией, а также об участии Энни в этих событиях.

Кэтрин укоризненно покачала головой, расстроенная поведением племянницы, но, казалось, вовсе не была удивлена. Она сказала, что с удовольствием выслушает эту историю подробно, в деталях, когда Реджи пойдет на поправку. Реджи тоже предстояло узнать обо всем позже, в том числе и о ее связях с Ренаром.

Кэтрин стояла над Реджи и смотрела, как он спит. Она

немного успокоилась после того, как позывы на рвоту прошли и кровотечение прекратилось. Снотворное, приготовленное Арманом, творило настоящие чудеса.

Когда Арман проснулся и подошел к кровати, чтобы проверить, как себя чувствует Реджи, Кэтрин сказала:

– Как бы мне хотелось сделать что-нибудь для него! Господи, когда же это закончится? Я чувствую себя такой беспомощной.

– Вы сделали все, что в человеческих силах, – ответил он, положив ей руку на плечо. – О лучшей сиделке он и мечтать не мог. Я уверен, что если бы он мог выбирать, то наверняка предпочел бы, чтобы о нем заботились вы. Потому что он, несомненно, сделал бы то же самое для вас.

– Да, я знаю. – На ее глаза навернулись слезы. – Я просто хочу, чтобы он жил, Арман.

– Если он выживет, вы скажете ему об этом?

– О чем?

– О том, что вы любите его.

Кэтрин почувствовала, что на кончике ее носа повисла крупная слезинка, но даже не удосужилась смахнуть ее. Ей было все равно.

– Да, скажу. Я молю Бога о том, чтобы он не покинул этот мир прежде, чем у меня появится такая возможность.

Арман сжал ее руку в своей, но ничего не сказал. Он направился к туалетному столику, где были разложены травы, и стал смешивать очередную порцию снадобья.

Кэтрин ценила сострадание Армана, тем более что у него множество своих собственных внутрисемейных проблем. Она бросила взгляд на широкую спину Армана. Судя по его осанке и поведению, никто не догадался бы, как он сильно страдает. Теперь было наверняка известно, что именно Кристиан был тем предателем, который дважды едва не погубил Рена-ра, передавая информацию Джеффри. Люсьен давно подозревал молодого человека в том, что тот продает сведения о готовящихся акциях, чтобы раздобыть денег на опиум. Люсьен проверил свою догадку, рассказав только Кристиану о том, что готовилось прошлой ночью.

То, что Джеффри наверняка знал, куда отвести полицейских, свидетельствовало о том, что Кристиан был предателем. И Кэтрин понимала, что Арман удручен этим фактом, хотя и ведет себя так, как будто ничего не произошло. Они приняли Кристиана в организацию, чтобы помочь молодому человеку встать на правильный путь в жизни.

– Арман? – окликнула она его.

– Да? – Он оглянулся. Кэтрин увидела страдание в его орехово-карих глазах.

– Мне очень жаль, что так получилось с Кристианом.

В его глазах полыхнула ярость, и Кэтрин в первый момент пожалела, что выразила сочувствие. Однако через мгновение Арман взял себя в руки и ответил:

– Спасибо, Кэтрин. Я очень благодарен вам за теплые слова и за то, что вы не держите на него зла.

– Что можно сделать, чтобы помочь ему?

– Я собираюсь увезти его отсюда, – с тяжелым вздохом ответил Арман и вернулся к своему занятию. – Подальше от этого места, от системы, которая унижает его в собственных глазах и заставляет прибегать к опиумной трубке, чтобы скрыться от общественных предрассудков.

Арман закончил приготовление лекарства и обернулся к Кэтрин, скрестив на груди руки.

– Мы с Люсьеном говорили об этом. Мы собираемся уехать в Канаду. Сначала он, разумеется, поговорит с Энни и узнает, согласна ли она с ним поехать. Но думаю, она не будет против начать с ним новую жизнь на новом месте. Я надеюсь, что мне удастся уговорить Кристиана.

На изможденном лице Кэтрин вспыхнула искра любопытства. Она положила руку на грудь Реджи, которая равномерно, но с усилием вздымалась и опускалась под простыней.

– Расскажи мне о Канаде, Арман. Я объездила весь мир, но никогда не была там. Расскажи мне все, что знаешь.

Глава 22

Бокаж в переводе с французского означает «роща, тенистое укрытие». Впервые оказавшись здесь, Энни решила, что поместье по праву носит такое название. Окруженный дубовыми посадками, особняк производил впечатление уединенного пристанища.

Энни и Люсьен подъехали к парадному подъезду в экипаже. Она была одета подобающим образом для первого знакомства с его родителями. Люсьен рано утром съездил в город, чтобы узнать о здоровье Реджи и привезти для нее одежду. На Энни было светлое платье из атласа со множеством оборок.

С ними была камеристка Энни, Сара. Казалось, он сделал все, чтобы соблюсти приличия и сохранить репутацию Энни. Именно ради этого они решили отправиться в Бокаж, а не в апартаменты Люсьена в отеле Святого Людовика. Хотя уже давно Энни перестала заботить ее репутация, ей было приятно, как Люсьен к этому относится. Реджи высоко оценил бы его заботу.

Несмотря на прекрасный, яркий день, залиvistое пение птиц и спокойствие, разлитое в природе, Энни чувствовала, что от волнения у нее сжалось все внутри. Она впервые должна увидеться с родителями Люсьена, которые скорее всего были невысокого мнения об англичанах – впрочем,

как и англичане об американцах. Они считали друг друга происшедшими от разных ветвей общечеловеческого генеалогического древа.

Прошлая ночь была восхитительна, но с наступлением утра проявилась жестокая реальность. Энни оказалась лицом к лицу с фактами, что Реджи серьезно болен и его жизни угрожает нешуточная опасность, что ей сейчас нельзя вернуться домой и неизвестно, увидит ли она дядю когда-нибудь, и что ей придется остаться в Бокаже до тех пор, пока станет безопасно вернуться на Притания-стрит. Все, что ни возьми, складывалось ужасно.

Однако то, что Люсьен признался ей в любви, немного скрашивало жизнь и помогало переносить трудности. Ее радовала мысль о том, что у них с Люсьеном общее будущее. Они провели много часов после того, как занимались любовью, обсуждая переезд в Канаду, его отношения с семьей и многое другое, о чем не могли говорить раньше. Она знала, что он озабочен прощанием с Бокажем, со своей семьей и особенно с отцом. Им предстояло сказать друг другу много неприятного и болезненного, обсудить все, что накопилось за много лет.

Экипаж остановился перед домом, Люсьен вышел первым и с ободряющей улыбкой протянул Энни руку. Она попыталась улыбнуться в ответ, но тут же застенчиво опустила глаза, пока Люсьен помогал выйти из экипажа Саре. Их неожиданный приезд внес суматоху в жизнь обитателей Бокажа,

поскольку некоторые члены семьи тут же сгрудились у входа. Вероятно, они все вместе завтракали.

Из-за присутствия в экипаже Сары Люсьен всю дорогу говорил о, ничего не значащих пустяках. Сара была потрясена такой внезапной близостью своей госпожи и Денди Делакура, но у Энни не было возможности ничего ей объяснить.

Энни подняла глаза и рассмотрела родственников Люсьена, выстроившихся в длинный ряд на галерее. Она могла представить, какое ошеломляющее впечатление произвело на них ее появление. Ведь на людях они с Люсьеном держались очень натянуто, не позволяя себе даже проявлений обычных дружеских отношений.

Люсьен почтительно взял ее под руку и повел к дому. Он держался в манере Денди Делакура: ступал неторопливо и вальяжно, поигрывая тростью. Впереди застывшей от неожиданности группы его родственников – черноволосых, кареглазых, как и сам Люсьен, – стоял его отец, глава семейства.

Высокий, худой, с густой гривой седых волос, месть Делакура казался точной, но сильно постаревшей копией Люсьена. Он был красив, но его портило надменное, недружелюбное выражение лица. Он проигнорировал приветливую улыбку Энни и пристально взгляделся в Люсьена.

– Отец, – приветствовал его Люсьен, касаясь шляпы.

– Bonjour, Люсьен. – На губах отца появилась презрительная усмешка. – Чему мы обязаны столь редким счастьем ви-

деть тебя? Что привело тебя в Бокаж?

– Я хочу познакомить вас со своей невестой.

– Это так неожиданно, Люсьен! – воскликнула его мать.

– Да, это правда. – Выражение его лица смягчилось, когда он склонился, чтобы поцеловать мать в щеку. – Я тебя понимаю. Для меня самого было неожиданностью, когда я вдруг понял, что люблю мадемуазель Уэстон. – Он обернулся к Энни с очаровательной, безмятежной улыбкой: – Как это называют американцы? Головокружительный роман, да? – Он снова обратился к матери: – Мама, я надеюсь, вы окажете Энни настоящий радушный прием, которым славятся креольские дома.

– Она останется здесь? – Мать тревожно взглянула на Энни. – Пойми, дело не в том, что я не рада, напротив, но... Люсьен, ведь так не устраиваются помолвки!

– Да, но обстоятельства необычные. Дядя Энни, ее опекун, болен желтой лихорадкой.

Сестры Люсьена стали испуганно перешептываться. Его мать тоже была встревожена, но сочувственно взглянула на Энни. И та почувствовала тепло души этой креольской женщины. Люсьен, должно быть, унаследовал большое, горячее сердце именно от нее.

– Естественно, что Энни не может вернуться домой, пока ее дядя не поправится.

– Да, конечно. – Его мать взяла ее под руку. – Вам сейчас нелегко, дитя мое, я знаю. Я думаю, вы очень привязаны к

своему дяде.

У Энни защекотало в носу, а на глаза навернулись слезы. Она всегда очень чувствительно относилась к проявлению сострадания в свой адрес.

– Да, мадам Делакруа, я очень люблю его.

– Бедная девочка, – сказала она.

– Кто ваш дядя, мисс Уэстон? – В их разговор вдруг вмешался резкий голос отца. – Где вы живете?

– Моего дядю зовут Реджинальд Уэстон. Мы живем в доме моей тети на Притания-стрит.

Старший Делакруа приподнял брови при упоминании о Притания-стрит, фешенебельной американской части города. На самом деле его брови стали медленно двигаться, как только она заговорила. У нее было откровенно британское произношение.

– Кэтрин Гриммс – моя тетья, – добавила Энни. Она уже поняла, что произвела на мать Люсьена благоприятное впечатление, и теперь пыталась сделать то же по отношению к отцу. Однако ее последнее замечание могло лишь осложнить ситуацию, поскольку всем в городе было известно, что Кэтрин относится к рабовладению без восторга.

Родные Люсьена смотрели на нее с недоверием и смущением. Его брат, Этьен, косился на нее явно неодобрительно. Энни догадалась, что однажды наступит день, когда юноша придет на смену отцу и займет место хозяина Бокажа. И ему будет на этом месте удобно и хорошо, чего никогда нельзя

было ждать от Люсьена.

Немая сцена на пороге стала всем в тягость. Наконец Люсьен нарушил молчание:

– Боже мой, неужели мы собираемся простоять здесь до вечера? Может быть, вы предложите моей невесте прохладительные напитки с дороги, мама? – усмехнулся он, и его глаза лукаво блеснули из-под полуопущенных ресниц. – Возможно, мятный сироп или чашку крепкого английского чаю?

Это замечание вернуло его мать к действительности и побудило вспомнить о долге гостеприимства, столь присущем южанам. В течение следующего часа Энни был оказан максимально радушный прием. Мать и сестры Люсьена восхищались ее платьем, и даже Этьен высказал в ее адрес несколько галантных комплиментов. Затем ее отвели в комнату для гостей и оставили отдыхать до обеда.

Сара направилась на кухню, и Энни была предоставлена самой себе в прекрасно обставленной спальне. Она сильно скучала без Люсьена. В его отсутствие она очень беспокоилась о Реджи. Ей не хватало дяди, Кэтрин, поддержки своей семьи.

Она подошла к окну и выглянула наружу. Из окна открывался вид на подстриженный газон, густую зелень сада, подсобные постройки, окружавшие особняк. Несмотря на то что вокруг было очень красиво, она поняла, почему Люсьен чувствует себя в этом доме чужим. Он вырос здесь, но никогда не чувствовал себя в Бокаже как дома.

Ей тоже было неудобно. Она и Люсьен были похожи и в этом. Ни он, ни она не могли бы стать членами рабовладельческого клана. Наступит день, когда рабство отменят, но расизм, возможно, останется бичом человечества еще на долгие годы. А пока ей с Люсьеном следует найти себе другой дом. В Канаде. Впрочем, прежде необходимо проститься со старым.

* * *

Люсьен помедлил немного, не выпуская стеклянную ручку двери в библиотеку. Его встреча с отцом оказалась еще более неприятной, чем он предполагал. Но их разговор был необходим и неизбежен. Отец должен был узнать наконец, каких взглядов придерживается Люсьен.

Для Люсьена это было чем-то вроде очищения, искупления. Правда, он не надеялся найти с отцом общий язык и объяснить, в чем причина различия их взглядах. Однако ему удалось впервые в жизни быть с отцом до конца честным и настоять на своем, как и подобает взрослому, самостоятельному мужчине.

Люсьен вздохнул полной грудью и направился через холл. Вбежав по лестнице через две ступени, он оказался перед дверью временной спальни Энни. Он не стал стучать, а просто вошел внутрь и осторожно прикрыл за собой дверь.

Энни стояла у окна и любовалась окрестностями. Она не

обернулась, когда он подошел. Он обнял ее за талию и прижал к себе. Она лишь откинулась назад и положила руки ему на плечи.

– Когда-нибудь мне пришлось бы это сделать, Энни. Я сказал отцу, что отказываюсь от наследства в пользу Этьена. Как ты думаешь, я пожалею об этом в будущем?

– А сейчас ты жалеешь?

– Нет. У меня с этим домом связано много приятных детских воспоминаний, но я ведь могу забрать их с собой.

– Ты... уладил все дела с отцом?

– Да. – Люсьен вдруг помрачнел. – Он не против того, чтобы я уехал, потому что окончательно убедился, что не сможет сделать из меня того человека, какого бы ему хотелось.

– Такого, как он сам?

– Да, – вздохнул Люсьен.

– Прости меня, Люсьен. – Она нежно обняла его. – Мне жаль, что тебе приходится оставлять свой дом вот так. Мне жаль, что вы с отцом совсем не близкие люди. Твоей матери будет больно отпускать тебя. Она очень тебя любит.

– От этого мне только тяжелее, – грустно улыбнулся Люсьен.

– Я всегда буду тебе поддержкой и опорой, – сказала она, приподнимаясь на цыпочки и целуя его в губы. – Теперь я твоя семья, Люсьен, – добавила она и покраснела, смущенно теребя пуговицу на его жилете. – И у нас будут дети.

Он приподнял ее лицо за подбородок и заглянул прямо в

глаза.

– Только сначала нам предстоит долго практиковаться, chérie, – сказал он с улыбкой. С этими словами он поднял ее на руки и понес в постель.

* * *

– Бог мой, откуда такое зловоние?

Капризный, до боли знакомый голос вывел Кэтрин из состояния полусна. Она дремала, пристроившись на стуле возле кровати Реджи. Реджи пришел в себя и недовольно щурился на солнечный свет, узкая полоска которого пробивалась в щель между шторами. Кэтрин прожила три дня в состоянии неуверенности и страха и теперь не сомневалась, что Реджи выживет. Теперь, когда он очнулся, ей хотелось кричать и прыгать от радости.

– Либо от тебя, либо от меня, Реджи, – сказала она.

Он повернул голову в ее сторону и болезненно поморщился.

– Где мои очки?

Кэтрин осторожно взяла с туалетного столика его очки и нацепила ему на нос. Он с минуту молча смотрел на нее, после чего сказал:

– Ты ужасно выглядишь, Кэтрин.

– Я знаю! – рассмеялась она. – Вчера я причесалась, но у меня не было возможности следить за своей внешностью в

последнее время. Я не отходила от твоей постели.

Реджи огляделся, словно не узнавал комнаты.

– Да, это моя спальня. Но где Джеймс? И что ты здесь делаешь? Я помню, что у меня ужасно болела голова... – Он опустил глаза, и Кэтрин готова была бы отдать все, что угодно, чтобы запечатлеть выражение его лица навеки. – Господи! – прохрипел он. – Где моя одежда?

Кэтрин прикусила губу, чтобы не рассмеяться, и прикрыла его простыней.

– Арман считает, что тебе было лучше лежать без одежды и одеяла. Ты мучился от жара.

– Кто, черт возьми, этот Арман? – Реджи с трудом поднял руку и стал теревить ус.

– Твой врач. А я – твоя сиделка. У тебя была желтая лихорадка. И не нужно стесняться своей наготы...

– Господи! – взмолился он.

– ...потому что для меня ты просто пациент, – заметила она. – И я старалась содержать тебя в чистоте, насколько это возможно.

– Святые угодники!

– ...но я уверена, что ты хочешь принять ванну. Я лично только об этом и мечтаю.

Кэтрин усмехнулась при виде перекошенного от ужаса лица Реджи.

– Не волнуйся. Я не собираюсь мыть тебя или принимать ванну с тобой. Хотя у тебя еще не так много сил, чтобы сде-

лать это самостоятельно.

– Боже мой!

– Теперь, когда кризис миновал, я позову Джеймса, и он позаботится о тебе. Арман тоже скоро вернется и, я думаю, захочет тебя осмотреть. А я тем временем пошлю Энни письмо, потому что теперь она сможет приехать домой. Она будет рада узнать хорошие новости. Она очень беспокоилась о тебе.

– Где Энни? – с усилием вымолвил Реджи, не оставляя ус в покое.

– В Бокаже, – поправляя его подушку, радостно сообщила Кэтрин.

– Это плантация Делакруа, не так ли? – наморщил лоб Реджи.

– Именно. Уверена, что ты будешь рад узнать, что она выходит за него замуж.

– За кого, черт возьми?

– За Делакруа, конечно. Тебе он всегда нравился. Но перед свадьбой тебе предстоит узнать о нем кое-что, чего ты пока не знаешь.

– Перед свадьбой? Она уже назначена? Господи, Кэтрин, сколько же я проболел?

– Три дня и три ночи, – ответила она, перестав суетиться вокруг него и ласково убирая с его лба прилипшую прядь волос. – Господи, Реджи, я так рада, что ты выжил! – Она не могла скрыть искреннего восторга и улыбалась как ума-

лишенная.

Реджи смотрел на растрепанную женщину с кругами под глазами и слезами радости на ресницах. Он никогда в жизни не видел женщины прекраснее и желаннее. Он лежал слабый, беззащитный и обнаженный, неспособный к любви, как евнух. Но он должен был что-то сказать ей, и именно теперь.

– Кэтрин, – вымолвил он, – я обязан тебе жизнью.

Она покачала головой, отвергая его долговое обязательство. «Как это на нее похоже», – подумал Реджи.

– Несмотря на то что ты для меня уже сделала, я хочу просить тебя об одной вещи.

– О какой? Ты хочешь пить? Или проголодался?

– Нет, моя дорогая. Я не голоден. Я влюблен в тебя.

– Реджи!

– С этим и связана моя просьба. Согласна ли ты, чтобы я стал твоим четвертым мужем?

– Ты снова бредишь!

– Напротив, я в здравом уме, как никогда!

– Реджи!

Казалось, он снова готов потерять сознание. Он мечтал о том, чтобы потерять сознание от любви, но не раньше чем примет ванну и приведет себя в подобающий вид. Он запретил себе тянуться руками к Кэтрин и строго взглянул на нее.

– Только сначала я приму ванну. Пожалуйста, пошли за Джеймсом.

Кэтрин бросилась вон из комнаты на поиски камердине-

ра. Чем скорее Реджи примет ванну, тем скорее она сможет наконец поцеловать его родное лицо.

Эпилог

Энни сидела в маленькой каюте на верхней палубе «Речной красавицы» и ждала мужа. По словам капитана, это была лучшая каюта, хотя довольно тесная и скудно обставленная. Они решили экономить средства для постройки дома и основания компании по заготовке и транспортировке леса в Гамильтоне, небольшом, но бурно развивающемся городе на северо-западе Онтарио.

Энни нравилась каюта, потому что здесь должен был пройти их с Люсьеном медовый месяц. На предыдущей остановке Люсьен украсил ее ворохом цветов с местных холмов: дикой азалией, индейской сосной, цинаммоном и подсолнухами. Энни была потрясена и взволнована этим романтическим жестом, поэтому ей не терпелось продемонстрировать мужу свою признательность.

Она расчесывала перед зеркалом волосы и вспоминала брачную церемонию, которая оказалась двойной. Кэтрин и Реджи тоже связали себя семейными узами. Церемония состоялась в гостиной дома тети Кэтрин, на ней присутствовало лишь несколько гостей.

Мать и сестры Люсьена с радостью поздравили молодых, а отец и Этьен решили воздержаться от визита. Это не удивило Люсьена и не испортило его праздничного настроения. Он сердечно попрощался с матерью и сестрами, философски

отметив, что они, может быть, никогда уже не увидятся.

Этот торжественный день не был омрачен беспокойством из-за Джеффри, который внял угрозам Люсьена и покинул город на следующий день после ареста Бодена.

Кэтрин быстро продала свой дом богатому американцу, который уже не один год приглядывался к нему. Он купил все полностью, включая мебель и антиквариат. Многие ее слуги остались в доме при новом хозяине. Кэтрин взяла с собой из дома кое-что из своей коллекции раритетов, несколько фамильных картин и то немногое, что напоминало ей о трех предыдущих мужьях.

В суете сборов Кэтрин где-то оставила свою трость. А когда Реджи напомнил ей, она отмахнулась от него:

– О, она мне больше не нужна. Если честно, то никогда и не была нужна.

Кэтрин и Реджи собирались открыть в Гамильтоне школу. Люсьен собирался нанять на свое лесозаготовительное предприятие бывших рабов, которым помог перебраться в Канаду, и Кэтрин решила, что школа будет просто необходима, чтобы учить их детей. Она собиралась сделать школу доступной для французов, индейцев, черных – вообще для всех.

Арман собирался начать в этой дикой местности врачебную практику, а Кристиан, который понемногу вылечивался от своего пагубного пристрастия к опиуму, с благодарностью принял прощение брата и своих друзей и решил ассистировать Арману.

Причесавшись, Энни надела ночную рубашку, которую тетя Кэтрин подарила ей на свадьбу. Рубашка была очень красивая, шелковая, с глубоким вырезом и широкими рукавами. Она была похожа на маскарадный костюм ангела, в котором Энни ездила на бал к Бувьерам. Волнуясь, как школьница перед экзаменом, она приняла живописную позу на кровати и стала ждать Люсьена.

Он вернулся, держа в одной руке бутылку шампанского и два бокала, а в другой полдюжины свечей.

– Мой непослушный ангел, – сказал он, с удовольствием оглядывая свое сокровище.

Энни самодовольно улыбнулась. Люсьен Делакруа был настоящим подарком судьбы. Он смотрелся очень мужественно в черном сюртуке и белоснежном жилете.

– Мой лихой разбойник! – ответила она в тон ему.

– Уже нет. Я просто Люсьен, – возразил он, расставляя на столе бокалы и зажигая свечи.

– Просто Люсьен, – повторила она. – Ошибаешься, мой драгоценный супруг, в тебе никогда не было и нет ничего простого.

Он рассмеялся, развязал галстук и расстегнул несколько верхних пуговиц сорочки, так что стала видна его заросшая темными волосами грудь. Энни инстинктивно потянулась к нему.

– Я видел твоих дядю и тетю.

– Они ссорились?

– Нет, они шли рука об руку в свою каюту. И судя по выражению их лиц, они намерены серьезно отнестись к проведению медового месяца.

– Я очень рада, – сказала Энни. – Я хочу, чтобы все были так же счастливы, как мы с тобой.

– Твое пожелание очень трудно исполнить.

Он повернулся к ней, его глаза сияли, в них отражалось то же страстное желание, что и в ее глазах. Он снял сюртук и жилет, Энни с интересом наблюдала за ним.

– Ты уверена, что не будешь скучать по разбойнику? – пошутил он.

Она протянула к нему руки, и он обнял ее, сев на край кровати. Они поцеловались, и пламя страсти с новой силой разгорелось в их сердцах. Она на мгновение оторвалась от его губ и прошептала:

– Я не буду скучать по нему. Но скажи, Люсьен...

– Что?

Она опустила глаза и с улыбкой провела кончиками пальцев по его обнаженной груди.

– Иногда, когда мы будем заниматься любовью...

– Да?

– И будем совершенно голые...

– Да? – усмехнулся он.

Она помедлила и подняла на него лукавые, насмешливые глаза:

– Ты не мог бы иногда... надевать свою маску?